РАБОТА ПО СЕКЦИЯМ

СЕКЦИЯ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Амехина Н. Е.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В АНДАЛУЗСКОМ ДИАЛЕКТЕ В ПИРЕНЕЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Реализация языковых единиц (ЯЕ) в рассматриваемом нами ареале характеризуется спецификой, которая проявляется, в том, что языковым словоформам в испанском языке на территории Андалузии присущи следующие типы территориальной вариативности: 1) фонетический; 2) лексический; 3) грамматический (морфолого-синтаксический).

При решении проблемы вариативности языка необходимо учитывать как его общие особенности, так и условия существования или реализации. Возможность варьирования заложена в самой природе языка. Из различных типов вариативности особенно интересна вариативность, реализующаяся внутри единого языка, в данном случае, испанского. Варьирование языка как процесс лингвистического изменения сам по себе очень непрост и подвержен влиянию множества факторов, зачастую друг от друга не зависящих.

El andaluz – это исторически сложившийся диалект испанского (castellano), сформировавшийся в результате завоевания, переселения и колонизации, и именно поэтому при его оценке не следует исходить только лишь из тех черт, которые стали типично андалузскими. Стоит сказать, что андалузский диалект является одним из наиболее молодых диалектов

испанского языка: он сложился к XIII в. в процессе Реконкисты юга Пиренейского полуострова на основе кастильского диалекта. Тем не менее, территориальные различия внутри Андалузии обусловлены, в первую очередь, различной степенью проявления арабского и мосарабского субстратов и влияния на определенных этапах леонского и арагонского диалектов. Нет четкого представления о том, кто же является носителем андалузского диалекта в пиренейском национальном варианте испанского языка. Не все говорящие на нем проживают в Андалузии. Тем самым можно сказать, что в данном случае лингвистическая граница не совпадает с административной. За пределами лингвистической границы остается север области Уэльва, район Кордовы Лос Педрочес, восток Хаэна и северная часть Гранады и Альмерии (там, наряду с другими чертами, [s] более близка к кастильской). Напротив, к говорящим на андалузском диалекте также относятся иммигранты из-за рубежа и мигранты из других регионов Испании.

Мы придерживаемся точки зрения, что андалузский является одним из диалектов в пиренейском национальном варианте испанского языка, и основу андалузского диалекта составляет «кастильский испанский». Тем не менее, на всех языковых уровнях в диалекте наблюдаются свои характерные черты. Остановимся на рассмотрении, в частности, особенностей лексического состава андалузского диалекта.

В целом, лексический состав испанского языка в Андалузии представлен двумя пластами:

1) в основу первого, самого мощного пласта входят ЛЕ, общие для всех испаноязычных стран: mesa ‘*стол*’, cielo ‘*небо*’, río ‘*река*’ и др.

2) второй лексический слой составляют слова, свойственные только андалузскому диалекту: bacalada ‘*проблема, незадача’*, almona ‘*мыловаренный завод’*, cuerva ‘*сангрия’* и др.

Диалектизмы мы рассмотрели в свете классификации, предложенной В. С. Виноградовым, и разделили их на собственно лексические, этнографические и семантические.

Итак, в результате исторического и культурного развития Андалузии лексический состав андалузского диалекта в пиренейском национальном варианте испанского языка пополнялся следующим образом:

а) испанские архаизмы в андалузском диалекте в пиренейском национальном варианте испанского языка;

б) мосарабизмы;

в) арабский компонент в андалузском диалекте;

г) лексика неиспанского происхождения;

д) другие источники пополнения лексического состава (заимствования из других языков, пришедшие в диалект в результате языковых контактов).

Рассматривая лексические диалектизмы в андалузском диалекте, обратимся к классификации, разработанной, как уже сказано выше, В. С. Виноградовым. Все лексические диалектизмы подразделяются им на собственно лексические (dialectalismos léxicos), так называемые этнографические (dialectalismos etnográficos), «являющиеся именами таких специфических предметов и явлений, которые характерны лишь для зоны распространения диалекта», и семантические диалектизмы (dialectalismos semánticos), «представляющие собой диалектное значение общеупотребительных слов».

Собственно лексические диалектизмы в андалузском диалекте в пиренейском национальном варианте испанского языка подразумевают использование ЯЕ, отличной от общепринятой лексики, например, fechadura вместо cerradura ‘*замок*’; pica(d)illo / pipirrana / piriñaca/ almorraque вместо

ensalada ‘*овощной салат*’; poleás / tarbinas вместо gachas ‘*мучная каша с медом и молоком’*; cachucho / caliche / búcaro / nomames / botija / pipo (piporro y pipote) / porrón / pirulo / piche / pichilín вместо botijo ‘*глиняный кувшин с ручкой и носиком’*, pirreles вместо piernas ‘*ноги*’и др.

К этнографическим диалектизмам относятся, в основном, наименования блюд местной кухни. В результате проведенного опроса информантов нами были выявлены следующие этнографические диалектизмы: для обозначения разновидностей холодного томатного супа гаспачо в Андалузии существуют ЛЕ: gazpachuelo (форма с уменьшительным суффиксом *-uelo* от *gazpacho*) – ‘*горячий суп с добавлением яиц, взбитого желтка, творога, который заправляется уксусом или лимонным соком*’; ajoblanco – употребление отмечено в Малаге – ‘*вид гаспачо с хлебным мякишем, винным уксусом и дробленым миндальным орехом’*. К типично андалузским напиткам относится, к примеру, resol**,** ЛЕ, отмеченная нами в Кордове – ‘*напиток, ингредиентами которого являются кофе, водка, корица и мята*’.

Исследуя семантические диалектизмы в андалузском и леонском диалектах, следует отметить, с одной стороны, частичное изменение значения ЛЕ по сравнению с «кастильским испанским» в сторону его сужения / расширения, а с другой, практически полное изменение семантики ЛЕ. Именно в данном случае имеет место вариативность лексических ЯЕ.

Лексической вариативности присущи, с одной стороны, полисемия той или иной лексемы, а с другой – расширение (сужение) и даже практически полное изменение ее значения. Так, в стандартном испанском ЛЕ ‘aceituna’ обозначает ‘*оливка’*, в андалузском диалекте 1) *сбор урожая оливок*; 2) *по сельскохозяйственному календарю время сбора оливок*, т. е. мы имеем дело с расширением значения.

В качестве примера полного изменения семантики приведем ЛЕ germanía, имеющее в стандартном испанском значения ‘*жаргон преступного мира; внебрачная связь*’, а в андалузском диалекте – ‘*группа ребят’*; tarea, у которого общеиспанское значение – ‘*работа, дело, задание, поручение*; *тареа (земельная мера)*’, значение в андалузском диалекте – *’15 фанег собранных оливок* (где фанега – мера измерения объема сыпучих тел)’; tiro ‘*бросок, выстрел стрельба*’, имеющее в андалузском диалекте совсем другую смысловую направленность – ‘*саламандра, ребристый тритон’*; cuerva вместо общеиспанского ‘*грач (самка)*’ - андалузское ‘*сангрия*’ и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В.С.* Лексикология испанского языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 246 с.

Антонюк Е. В.

Московский инжинерно-физический институт

Москва, Россия

ЭКСПАНСИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ США

По данным Национального статистического Бюро США на 1.05.2008 г. количество испаноговорящих жителей в стране достигло 45,5 млн., т. е. 15,1 % от всего населения страны. Восемь лет назад, во время проведения последней переписи населения, количество испаноязычного населения составляло 12,6% от населения США. Из них 59,3% приходится на американцев мексиканского происхождения; 9,7% – пуэрториканцев; 3,5% – кубинцев; 0,3% – испанцев; 5,1%– выходцев из стран Центральной Америки; 19,7% – выходцев из других стран Латинской Америки. Ожидается, что в ближайшие 20 лет число носителей испанского языка составит более половины всего населения США.

Только Мексика (108,3 млн.) и Колумбия (46,3 млн.) превосходят США по количеству испаноговорящих[1]. Интересно при этом что, по информации Национального института статистики Испании (INE), на 17 января 2006 г. население Испании составило 44,1 млн. человек, из которых почти 3,7 млн. – иммигранты.

В настоящее время языковая ситуация в южных штатах США представляет собой сочетание как билингвальных, так и диглоссных отношений между формирующими ее языковыми системами и подсистемами. Североамериканская Академия испанского языка, основанная в 1973 г., проводит большую работу по систематизации и изучению состояния и перспектив развития испанского языка в США. С точки зрения билингвальных отношений, испанский язык «сосуществует» с системой доминирующего английского языка. В ракурсе диглоссных отношений происходит взаимодействие мексиканского, кубинского, пиренейского и иных национальных вариантов испанского языка с их территориальными, социальными диалектами и другими разновидностями языка.

В зависимости от преобладания иммигрантов из тех или иных стран Латинской Америки, североамериканская Академия испанского языка выделяет четыре основных региона распространения испанского языка:

1) юго-западные штаты (мексиканцы);

2) штат Флорида (кубинская иммиграция);

3) восточные штаты (пуэрториканцы, доминиканцы, кубинцы и, в меньшей степени, иммигранты из стран Центральной Америки);

4) штат Иллинойс, г. Чикаго (пуэрториканцы и мексиканцы).

---

[1] Данные на 1 января 2006 г. национальных статистических ведомств Мексики и Колумбии.

«Испанский язык невозможно остановить» – заявил 21 сентября 2005 г. С. Антонио Молина, директор Института Сервантеса, на презентации очередного Ежегодника «Испанский язык в мире». По его мнению, будущее испанского языка решается именно в США, где уже совсем скоро количество испаноговорящих составит 21% от всего населения. Он считает, что в такой ситуации даже *Spanglish* не представляет угрозы для испанского языка, а скорее – для английского [El País 22.09.2005].

Как пишет Х. Рамос, мексиканский журналист, 20 лет живущий в США, испанос[2], благодаря своей постоянно растущей численности, могут создать собственное социокультурное пространство, способствовать «испанизации» североамериканского общества и трансформации его внутренней и внешней политики. Демографическая революция испанос перерастет в социокультурную и изменит не только структуру американского «истеблишмента», но и саму форму жизни [Ramos 2001].

Для языковой ситуации, сложившейся на территории США, важно учитывать особенности контактного функционирования национальных вариантов и диалектов испанского языка всех этих этнических групп, а также специфику английского языка каждого конкретного штата. Так, например, кубиноамериканцы – это одна из наиболее многочисленных испаноговорящих диаспор, проживающих на территории США – около 3,5% испаноязычного населения США[3]. Большинство кубиноамериканцев

---

[2] Во время переписи населения США в 1970 г., по предложению президента Р. Никсона, были введены термины *hispanics, hispanos* или *latinos* для обозначения происхождения представителей испаноязычного населения США. В Калифорнии и Чикаго предпочитают термин *latinos,* а во Флориде и Техасе – *hispanos.*

[3] [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.census.gov/

сосредоточены г. Майями (штат Флорида): из 2 млн. жителей г. Майями 70% имеют кубинское происхождение. Массовое прибытие кубинцев на территорию штата Флорида наблюдалось уже в 80 гг. XIX в. в связи с развитием табачной промышленности и открытием табачных фабрик. После победы кубинской революции число иммигрантов резко увеличилось. За все эти годы существование и развитие испанского языка в условиях постоянного контакта с доминирующим английским языком привело к его определенным структурным изменениям на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, появлению большой вариативности форм, отличающихся не только от норм пиренейского, но и кубинского стандартов. Социолингвистический статус испанского языка на территории американского штата Флорида можно определить как кубинский территориальный диалект испанского языка за пределами Кубы. В нем происходит становление своих территориальных норм разговорной речи. Подобные же процессы наблюдаются и в других штатах массового проживания испаноязычного населения. В связи с этим в отечественной испанистике разрабатывается в настоящее время новое направление в испанской диалектологии – межвариантная диалектология испанского языка. Национально-культурное своеобразие функционирования языковых единиц в испанском языке на территории юго-западных штатов США, например, исследуется в многочисленных работах Н. Ф. Михеевой. Форма существования последнего определяется как мексиканский территориальный вариант испанского языка Мексики [Михеева 2003].

Существует множество мнений по поводу перспектив развития испанского языка на территории южных штатов Америки. Ф. Морено Фернандес (2004), крупный американский диалектолог и социолингвист, анализирует следующие возможные варианты:

1) ассимиляция: в XX в. среди социолингвистов появилось определение *melting pot* 'плавильный котел' для метафорического

объяснения процесса ассимиляции иммигрантских меньшинств с доминирующим населением. Если в первом поколении иммигранты еще верны ценностям автохтонной культуры и языка, то во втором происходит частичная «аккультурация» или «растворение» в доминирующей культуре. А в третьем поколении этот процесс становится уже необратимым.

Обратимся к статистике. Количество семей, в которых испанский язык является «домашним», увеличилось в США с 7,5% в 1990 г. до 10,7% в 2000 г. В 80% испаноязычных семей, по данным на 2000 г., сохраняется испанский язык в качестве языка повседневного общения (даже среди лиц второго и третьего поколений); около 70% молодого поколения (моложе 18 лет) считают, что они хорошо владеют родным языком. И, хотя показатели использования испанского языка меньше среди молодежи, родившейся на территории США, тем не менее, как отмечает социолингвист А. Сентелья, на юго-западе США даже в четвертом поколении во многих семьях испанский язык считается родным [Zentella 1990].

Данные факты, а также динамика роста иммиграции свидетельствуют, что полная ассимиляции испанского языка с английским представляется маловероятной, даже несмотря на возможное дальнейшее ужесточение языковой политики со стороны американского государства.

2) диглоссия, понимая в данном случае как сосуществование престижной и непрестижной языковых систем, обладающих разными взаимно не пересекающимися функциями, т. е. как функциональная распределенность систем двух самостоятельных языков.

По мнению Ф. Морено Фернандеса [Moreno Fernández 2004], в случае «падения престижности» испанского языка английский язык укрепил бы свой функциональный статус единого языка в сфере политики, бизнеса, экономики, СМИ, любых форм письменного дискурса, т. е. «высокой» языковой системы, а за испанским осталась бы сфера устного бытового или

неформального внутриэтнического общения, т. е. функциональный статус «низкой» языковой системы. При такой ситуации, также маловероятной, существенно сократилось бы использование испанского языка в СМИ, так как сохранились бы лишь местные телеканалы и печатные издания на испанском языке, и усилилась бы тенденция к сохранению территориальных диалектных различий испаноязычных диаспор и распространению *Spanglish.*

3) билингвизм и бикультурализм. Этот путь развития испанского языка в США представляется наиболее вероятным. Экономическое, политическое и культурное влияние испанос будет расти, и американское общество может пойти по пути билингвизма и мирного сосуществования двух культур, по крайней мере, в отдельных штатах.

В подтверждение приведем некоторые статистические данные последних лет. Доля бизнеса, принадлежащего испанос, возросла на 30% (с 1997 г.) и достигла к 2002 г. 1,6 млрд. долларов. 73% фирм сосредоточены в местах компактного проживания испанос: Калифорнии, Техасе, Флориде и Нью-Йорке. В списке самых влиятельных испанос министр торговли К. Гутьеррес, мэр Лос-Анжелеса А. Вилларайгоса, бывший генеральный прокурор США А. Гонсалес, губернатор от Нью-Мексико Б. Ричардсон, сенаторы М. Мартинес, К. Саласар, Р. Менендес, члены палаты представителей США – Дж. Бака, С. Рейес, Р. Инохоса, Л. Санчес, Ч. Гонсалес и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михеева Н. Ф.* Испанский язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособ. – М.: АПКиПРО, 2003. – 220 с.

2. *Moreno Fernández F.* El futuro de la lengua española en los EE.UU. // ARI № 69, 15.04. 2004. – Madrid: Real Instituto Alcano, 2004. – 6 p.

3. *Ramos Avalos J.* En defensa del español mal hablado. El periodista en la era de las convergencias // Segundo Congreso Internacional de la Lengua Española. – Valladolid, 2001.

4. *Zentella A.* El impacto de la realidad socio-económica en las comunidades hispanoparlantes de los Estados Unidos. // Spanish in the United States: Sociolingüística Issues. – Washington, GUP: 1990. –157 p.

Ануфриев А. А.
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ИСПАНСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ *ESPERAR* И *TEMER*

Особенностью испанской грамматики является зависимость выбора наклонения придаточного предложения от семантического типа сказуемого в главном предложении. В большинстве случаев дистрибуция обусловлена формальными условиями, однако нередко узус демонстрирует колебания в выборе того или иного наклонения придаточного предложения, что противоречит требованиям нормативной грамматики. Описание «второстепенных» семантических факторов – наша задача.

Глаголы *esperar* ‘надеяться’ и *temer(se)* ‘бояться’ можно отнести к наиболее высокочастотным в языке модальным предикатам, описывающим так называемую эпистемическую гипотезу. В качестве модальных операторов, присоединяющих придаточные изъяснительные предложения (*Espero que…*), они выражают отношение говорящего к пропозиции зависимой части. Отличительная особенность этих глаголов в том, что они одновременно служат для выражения эмоциональной и рациональной оценки. Оба глагола при эпистемическом употреблении описывают, соответственно, позитивное и негативное ожидание – гипотезу и вместе с тем надежду или опасение, т. е. эмоции. В испанском языке в вышеупомянутых конструкциях пропозиционального дополнения употребление таких глаголов требует употребления определенного наклонения для глагола зависимой части.

Испанисты относят *esperar* и *temer* к модальным предикатам, которые допускают в придаточном предложении употребление как изъявительного, так и сослагательного наклонения. Большинство исследователей считает

оппозицию Indicativo / Subjuntivo семантически значимой для обоих глаголов. Говорящий в зависимости от ситуации выбирает Subjuntivo, когда в семантике глагола доминирует эмоциональный компонент, или Indicativo при описании гипотезы-полагания, где эмоция отходит на второй план. В зависимости от соотношения этих элементов значения в контексте эти глаголы могут сближаться с другими эпистемическими предикатами. Если в первом случае семантика глаголов близка к *sentir* ‘сожалеть’, то во втором она сближается с глаголами мнения и предположения типа *creer*, *suponer* [Ángeles Sastre: 101–102; Porto Dapena: 140], а в некоторых случаях также с *sospechar*. Гипотеза, основанная на надежде или страхе, имеет под собой меньше оснований, нежели просто гипотеза-полагание, основанная на более рациональных доводах. Поэтому такая гипотеза описывается Subjuntivo, наклонением неуверенности и сомнения, а не Indic, выражающим уверенность. В то же время надежда и опасение представляют собой желание и нежелание, а волетивный компонент в испанском всегда связан с Subjuntivo [Gramática descriptiva: 3218, 3229]. Таким образом, именно выбор наклонения помогает говорящему уточнить семантику глагола, выводя на первый план определенные оттенки значения и делая гипотезу более или менее уверенной.

Исследование узуса показывает, что для обоих глаголов более характерно употребление Subjuntivo. Отсюда, с одной стороны, можно заключить, что первичным компонентом значения *esperar* и *temer* все же является эмоция. Сослагательное наклонение дублирует основное значение модального предиката, а изъявительное помогает выявить в его семантике дополнительные смыслы. С другой стороны, степень уверенности гипотезы зависит не только от наличия или отсутствия эмоции. В каждом конкретном случае говорящий исходит из своих прагматических целей и выбирает наклонение, учитывая множество факторов.

В ряде контекстов говорящий особенно часто выбирает «нехарактерный» Indicativo. К таким контекстам, прежде всего, относятся

случаи, где субъект речи совпадает с субъектом оценки (1-е л. ед. ч. настоящего времени), т. е. так называемые перформативные контексты. Говорящий в данном случае сам волен «распоряжаться» семантикой глаголов, может сосредоточиться на своих прагматических целях, не думая о том, как передать чужую оценку. Отсюда и большая свобода в выборе наклонения.

Отметим, что конструкции *espero que, (me) temo que* в большом количестве встречаются в языке СМИ. Прагматический компонент в таких контекстах играет огромную роль. Эмотивный и волетивный компонент могут как отступать на второй план, так и дополнять благоприятный или неблагоприятный прогноз говорящего, которому необходимо убедить собеседника в своей правоте. Часто такие конструкции становятся в прессе некой устоявшейся формулой для выражения точки зрения, к которой должны относиться с уважением. В этих случаях надежда и опасение почти не проявляются в значении глаголов, которые становятся практически полностью синонимичными глаголу *creer* ‘считать / думать’, который почти всегда употребляется с Indicativo. В разговорной речи и художественной литературе *esperar* и *temer* именно для этих целей практически не используются, а процент предложений с Indicativo в разговорных контекстах также гораздо ниже. Задача говорящего состоит в том, чтобы заявить свою гипотезу не как мнение, а как истину. Употребляя индикатив, говорящий как бы делает гипотетическое реальным:

1. Espero que continuará el esfuerzo en esa misma línea.
2. Me temo que debo subrayar que aquí respetamos las resoluciones de las Naciones Unidas.

Интересно, что у *temer* выбор наклонения в данном случае во многом зависит от выбора возвратной или невозвратной формы. Формы *me temo* и *temo* образуют оппозицию. Данная оппозиция проявляется не столько в значении, сколько в сфере употребления и как раз в употреблении того или

иного наклонения. (Напомним, что нормативная грамматика предписывает глаголу *temer* употребление с Indicativo, а *temerse* с Subjuntivo.) Контексты с *temo que* в основном встречаются в разговорной речи. Как и в высказываниях с *espero que*, количественно преобладает Subjuntivo. В контекстах с *me temo*, встречающихся в СМИ, уже преобладает Indicativo. Употребление Subjuntivo в таких случаях, возможно, делает гипотезу более экспрессивной, показывая, что прогноз неблагоприятен и для самого говорящего. Напротив, индикатив опять же свидетельствует об уверенности говорящего, позиционирующего гипотезу как истину. Примечательно, что в контекстах, где субъекты речи и оценки не совпадают, эта оппозиция нейтрализуется.

С помощью индикатива могут выражаться и другие смыслы. Например, гипотеза может быть завуалированной просьбой, а индикатив гарантом ее выполнения. Просьба в форме утверждения лишь усиливает прагматику уверенности в выполнении просьбы собеседником, звучит как довод при убеждении. С помощью индикатива говорящий выражает уверенность в действиях субъекта пропозиции, т. е. индикатив может служить знаком доверия к нему. В некоторых случаях индикатив как бы заранее оправдывает ожидания.

3. Hoy espero que comerá Ud la sopa conmigo.

4. Estamos en tratos que espero que Aznar, que ha empeñado su palabra, va a cumplir.

5. Bueno, espero que algún día, a lo mejor, me van a invitar…

Во многих случаях модальные предикаты «поддерживаются» интенсификаторами типа *mucho, bien, ciertamente*. Вполне вероятно, что данные лексические средства, показывающие высокую степень убежденности говорящего, также могут влиять на выбор наклонения (в этом случае индикатива) в придаточном.

6. **Más bien** espero que al final se impondrá entre ellos el tradicional harakiri...

7. **Mucho** temo que no se repetirá el secreto portento.

Кроме того, причиной ненормативного употребления может являться дословный перевод фильмов, прежде всего английских: *Espero que nos veremos mañana.*

Типы контекстов, где говорящий не совпадает с субъектом оценки, оказываются противопоставленными вышеописанным. В той же мере, что и для медийной речи, такие контексты характерны для разговорной и художественной, где *esperar* и *temer* в большей степени описывают эмоциональное состояние, т. е. выступают в своем основном значении. Поэтому выбор Indicativo становится скорее исключением, а Subjuntivo выбирается почти автоматически. Преобладание последнего объясняется и чисто прагматически. Говорящий заведомо относится к чужой гипотезе с недоверием, к которому часто примешиваются ирония и неприязнь. Соответственно, в редких случаях выбора индикатива говорящий обычно либо солидаризируется с чужим ожиданием, либо дистанцируется от чужих слов, снимая с себя всякую ответственность.

Во многих случаях говорящий просто пересказывает гипотезу субъекта оценки (например, вводит ее как цитату), но обычно из контекста становится понятно собственное отношение говорящего к гипотезе. Особенно важно показать это отношение говорящему, когда предмет гипотезы касается его непосредственно:

8. Ya tenemos casi tres millones de descansadores, aunque el ministro señor Chaves teme que en abril no alcanzaremos tan hermosa cifra.

В данном случае индикатив, на наш взгляд, свидетельствует о том, что говорящий не согласен с субъектом и полностью уверен в истинности обратной гипотезы.

Особо отметим случаи, когда гипотеза озвучивается говорящим, будучи подкреплена аргументами или, наоборот, вопреки контраргументам. (Сам субъект оценки может этих аргументов не знать). В последнем случае говорящий, употребляя индикатив, показывает, насколько высока степень убежденности субъекта на контрасте:

9. **Aún así**, el gobierno local teme que las obras podrían prolongarse durante unos 15 días.

10. **Aun así**, esperaba que, **como siempre había ocurrido**, se dejarían influir por la opinión de sus jefes de fila.

Особенностью контекстов прошедшего времени является то, что говорящий обычно знает, оправдались ли его страхи и надежды или нет, и таким образом, от них отстраняется, причем, если нет специальных уточнений, гипотезы воспринимаются собеседником чаще всего именно как неоправдавшиеся. Редко встречающийся индикатив в таких контекстах может показывать, что гипотеза была оправдана, или подчеркивать, насколько в нее верил субъект оценки:

11. Contesté como esperaban que lo haría.

12. Siempre temí que esos sueños no te iban a dejar nunca ser mío, ni de nadie.

По количеству употреблений индикатива с перформативными контекстами сходны и случаи, где глаголы стоят в форме инфинитива. Неличные формы глагола в наибольшей степени «отдаляют» говорящего от пропозиции высказывания или от субъекта. Очень часто употребляющиеся в языке СМИ конструкции с *poder, hay que, cabe* или *es de* в каком-то смысле обезличивают надежды и страхи, превращая их в полагание, а *temer* и *esperar* – в синонимы *creer* и *suponer* / *cabe suponer*.

Таким образом, употребление изъявительного или сослагательного наклонения в эпистемических высказываниях с *esperar* и *temer* нельзя объяснить лишь их исходной семантикой. Собственно эпистемический, эмотивный и волетивный компоненты значения почти всегда присутствуют в них. В зависимости от прагматического контекста (сферы употребления, наличия или отсутствия перлокутивных целей, совпадения или несовпадения субъекта речи и оценки и т. д.) они реализуются говорящим в большей или меньшей степени, в том числе и путем выбора наклонения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bosque I. , Demonte V.* Gramática descriptiva de la lengua española. – Madrid: RAE-Espasa Calpe, 2000. – 3 vols. – 550 p. (Colección Nebrija y Bello).

2. *Porto Dapena J. A.* Del indicativo al subjuntivo: valores y usos de los modos del verbo. – Madrid, 1991. – 219 p.

3. *Sastre M. A.* El subjuntivo en español. – Salamanca: Ediciones Colegio de España, 1997. – 404 p.

Бессарабова Г. А.

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Лексический уровень языка является, пожалуй, самым богатым источником эмотивных средств. Изучение всевозможных «полутонов» – оценочности, эмоциональности, образности и экспрессии, то есть, спектра субъективных значений словоформы – представляет интерес в процессе анализа эмотивных средств языка. Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языковой интерпретации эмоций как объективной сущности принципиально различны. Можно говорить о языке описания эмоций и языке выражения эмоций. С точки зрения семасиологии при изучении эмотивно-

выразительных средств языка важно разграничение слов, называющих эмоции, и слов, вызывающих эмоциональную реакцию реципиента. Терминологическое разграничение лексики эмоций и эмоциональной лексики учитывает различную функциональную природу этих слов: лексика эмоций ориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции).

Обилие экспрессивно насыщенных междометий, апеллятивов, эмотивно-оценочных синонимов, речевых формул, фразеологизмов, идиом и многих других средств обусловливает эмотивную экспрессивность испанского языка. Одной из особенностей лексики испанского языка является чрезвычайное многообразие национальных вариантов, диалектов. Культурно обоснованные вариации обогащают язык новыми формами выражения эмоций.

Зачастую каждый регистр языка располагает своим вариантом обозначения одного и того же логического понятия. Разница между такими словами-синонимами состоит в различном коннотативном значении, в степени их выразительности и эмоциональности.

Психологическая потребность человека выражать свои пристрастия и антипатии в неформальной речи лежит в основе многообразия синонимов в языке, т. е. слов, относящихся к одному и тому же референту и нередко отличающихся характером эмоции, заложенной в их семантическое значение. Например: *rayo* (проныра, ловкач ← молния), *zampar* (уплетать, жрать ← поспешно прятать, засовывать), *bestial* (потрясающий, чудовищный ← животный, звериный) и т. д. Однако не все экспрессивно-эмоциональные значения являются производными и входят в состав полисемантических слов.

Есть слова, для которых эти значения являются главными и, возможно, единственными.

Отметим, что некоторые слова и выражения могут иметь общую негативную или положительную окраску, являющуюся частью их объективного значения.

Вместе с тем, некоторые слова, имеющие негативный смысл, могут приобретать в фамильярно-бытовом стиле речи позитивный оттенок и выражать ласку и дружеское расположение:*¡Anda, pasa y no seas* ***ñoña****!*.

Среди лексических средств эмоциональной интенсификации следует отметить использование глаголов динамического характера. Например, глаголы *arrastrarse, deslizarse, galopar* и т.д. обозначают определенную манеру ходьбы. Они придают речи большую степень выразительности и живости, чем широкоупотребительный глагол *ir*.

Глаголы говорения также обладают различными эмотивными оттенками. Их можно подразделить на: 1) глаголы, которые выражают эмоциональное состояние говорящего через звукоподражание животным или объектам действительности; 2) эмотивно-нейтральные; 3) глаголы, характеризующие звуковую окраску голоса говорящего; 4) поэтически возвышенные слова.

Следующим богатым пластом эмотивно-экспрессивной лексики, способной выражать различные эмоции говорящего, его отношение к окружающему миру, к речи и действиям собеседника являются междометия. Отметим, что число междометий и междометных конструкций в испанском языке постоянно растет за счет так называемых производных междометий, под которыми понимаются различные части речи, которые, утеряв свою прямую, номинативную функцию, превратились в средство выражения эмоций. Например, *¡Naranjas! ¡Vaya! ¡Atiza! ¡Epa, epa! ¡Rayos!¡Yuppi! ¡Guay!* и т. д.

Некоторые междометия обладают несколькими значениями. В зависимости от ряда факторов (в первую очередь, от речевой ситуации) они служат для выражения самых разнообразных чувств и волеизъявлений.

С другой стороны, одна и та же эмоция может выражаться разными междометиями. К примеру, русское выражение «Черт побери!» в испанском языке передается следующими лексическими единицами: *¡Vaya!¡Diablo(s)! ¡Caramba! ¡Demontre! ¡Demonio! ¡Diantre!* Значительную часть испанских производных междометий составляют такие единицы, которые по своему происхождению являются различными обрядовыми формулами:*¡Dios! ¡Jesús! ¡Santo! ¡Por amor de Dios!*.

Значительное место в испанской эмоционально-окрашенной лексике занимают вульгаризмы и нецензурные слова. Бранные слова испанского языка представляют собой неотъемлемую часть национального колорита и обладают невероятными выразительными возможностями. Испанская нецензурная лексика менее табуирована, чем, например, русский мат. Степень запрета соответствующих ругательств в испаноязычной культуре весьма низка: *Me cago en tu puta madre, mierda* (C. Rico-Godoy).

Ругательства на «туалетную тему» широко используются всеми слоями общества для выражения негодования, неудовольствия, злости, ненависти и других негативных эмоций.

Удивляют и даже шокируют испанские устойчивые выражения, в которых грубые, бранные слова сочетаются с религиозной темой, типа "*Me cago en Dios*". Испанский язык, тем не менее, располагает рядом эвфемизмов, которые позволяют выразить чувства в более мягкой форме. Восклицания *¡Caramba!* или *¡Caray!* заменяют *¡Carajo!*; *¡La pucha!* вместо *¡La puta!*; *¡Miércoles!* вместо *¡Mierda!*.

Испанские нецензурные слова как особый тип лексики являются подвижными и значительно меняются от страны к стране. Так, три самых

распространенных испанских ругательств или три “*c*” – *coño, carajo* и *cojones* – не совпадают по популярности с другими испаноговорящими странами. Первые два слова широко используются в Испании (даже на телевидении) и, несмотря на свое буквальное значение, не являются слишком «крепкими» в отличие от латиноамериканских стран, где те же самые слова звучат неприлично. Слово *cojones* невероятно популярное среди испанцев может иметь до сорока значений и выражать целый ряд эмоций. Не случайно, что и производное от него прилагательное *cojonudo* также широко используется для выражения как положительных, так и отрицательных эмоций. Однако данные слова менее частотны в разговорном обиходе в странах Латинской Америки, где в значении *cojones* более употребительны слова *huevos, bolas* или *pelotas*. Нецензурные слова, как правило, имеют невероятное количество производных. Так, слово *huevón*, производное от *huevos* очень популярно в Мексике, Колумбии, Чили, *boludo* – в Аргентине. Нецелесообразные и вызывающие неудовольствие действия могут быть соответственно названы *huevadas* или *boludeces*. Распространенный испанский глагол *joder*, частично утративший свое первоначальное значение, используется в разговорной лексике в качестве междометия. Его мексиканский эквивалент *chingar* является очень распространенным нецензурным словом и имеет соответствующие производные. Глагол *coger*, имеющий во всех странах Латинской Америки то же значение, что и испанское *joder*, обладает совершенно нейтральным значением в Испании. По-разному передается ругательное слово «придурок» в Мексике – *pendejo(a)*, в большинстве стран Латинской Америки – *huevón*, в Испании – *gilipollas*. Мексиканское дружеское обращение *cabrón(a*) звучит очень грубо в Испании.

Среди обращений, выражающих дружеское расположение, можно выделить: *tronco* – в Испании, *compa (compadre)* – в Мексике, на Кубе, *mano(a), manito(a), hermano* – в большинстве стран Латинской Америки.

Эмоционально-оценочная окрашенность свойственна также обращениям, выраженным зооморфизмами. В них обычно идентифицирующие компоненты значения сочетаются с элементами субъективной оценки, при этом зооморфизмы придают высказыванию весьма яркую эмоционально-экспрессивную окраску.

Для выражения различных эмоций широко используются существительные качественно оценочной семантики, эксплицитно передающие эмоциональное состояние говорящего и его отношение к действительности.

Национальные особенности испанской эмотивной картины мира отражаются и в форме идиоматических фраз, сравнений, которые обладают богатейшими средствами речевой выразительности, придают речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Определенный национальный подтекст существует в испанских выражениях типа *beber como un cosaco, trabajar como un negro*. Однако для испанцев такие сравнения являются довольно поверхностными и не отражают реальное представление об этих народах. Подобные выражения далеко не всегда возникают вследствие предубеждений, а зачастую образуются исключительно для усиления эмоциональной выразительности.

Отличительной чертой сравнительных оборотов является, прежде всего, то, что они находятся в процессе постоянных изменений. Сравнение и оценка, обычно на основе метафорического переноса, часто осуществляется при помощи определенных физических или психологических характеристик представителей фауны. Ср.: *borracho como una **cabra**; gordo como un **ternero**; seco como un **bacalao*** и т. д. Иногда простого сравнения явно недостаточно, чтобы передать то или иное качество, в этом случае сравнение снабжается пояснением: *dichoso como un **gato** de una casa rica.*

Определенный интерес в связи с изучением механизмов выражения эмотивности представляет процесс усвоения разговорной речью элементов, происходящих из различных социальных диалектов, профессионального просторечия, жаргонизированной лексики, молодежного сленга и т. п.

Всякий жаргон представляет собой своеобразную лексическую систему, которая, беря за основу лексику общенародного языка, изменяет ее почти до неузнаваемости путем интенсивного использования всего арсенала словообразовательных средств языка и фонетических изменений. Арготическая экспрессивность существует не ради самой себя, а для того, чтобы отразить и закрепить в лексике коллективные эмоциональные реакции и стоящую за ними систему моральных и социальных ценностей, противопоставляемую системе ценностей всего остального общества.

Булат Е. А.

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА КОММЕНТАРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В свете современных теорий интерпретация текста является не только инструментом, но и объектом филологии. Такое понимание термина «интерпретация» представлено в теориях, отражающих новое направление в филологии конца XX – начала XXI вв. (E. N. Ransom, M.Scheker, T. A. Dijk, J. R. Searle, J. Ossner и др.). Литературоведение, лингвистика, психология, этика, философия языка приобретают при этом общий объект исследования. Современная теория интерпретации основывается на понятии интерпретационизма, или интерпретивизма и представляет собой симбиоз многих учений. Как отмечает И. А. Стернин, современная наука о речевом воздействии межпредметна и использует данные и методы разных наук, что является яркой приметой современного гуманитарного научного знания,

ориентированного на практические потребности общества [Стернин 2001: 5]. В рамках рецептивной эстетики читатель рассматривается как творческая языковая личность, а художественный текст, или «литературный лес», как его называет У. Эко [Эко 2003: 22], при такой установке понимается как результат преломления окружающей действительности через призму языка. Таким образом, интерпретация текста, понимаемая как анализ вербальных образов и языковых моделей художественной коммуникации, – это способ реконструкции художественной идеи автора, дополнительного видения и прочтения зашифрованной в тексте эстетической информации.

Не вызывает сомнения, что художественное произведение представляет собой сложнейшую сферу функционирования языка. Его речевое воздействие многоуровневое и многогранное, оно определяется не только языковой компетентностью реципиента, но и знанием реалий, страноведческих факторов, общей культурой восприятия художественной системы.

По Ч. Моррису, знак имеет три измерения: субстанция знака, значение знака и его воздействие, то есть эффект, в силу которого интерпретатор и воспринимает его как знак. Художественный текст также может быть рассмотрен как знак, являющийся результатом интресубъектной коммуникации проецирующего текст и воспринимающего его. При этом текст является открытой системой и предстает как развернутая метафора, допускающая множественность вариантов его прочтения. Текст не допускает однозначного толкования языкового выражения еще и потому, что создается целая сеть интертекстуальных отсылок к другим текстам, или текстовых реминисценций. Такие вкрапления из других текстов представляют собой отсылки к ранее произведенным, то есть прецедентным текстам. Это корпус цитат, ассоциативных аллюзий, имен собственных, идиом, ссылки на литературные и антично-мифологические персонажи, авторов и их произведения, иными словами, смысловые культурные потоки,

которые требуют компетентности интерпретатора текста. Реминисцентные тексты на иностранном языке вызывают особые трудности, так как изучающие иностранный язык очень часто не воспринимают дейктичность прецендентных высказываний из-за незнания как общекультурных, так и национальных интертекстуальных отсылок «чужого» социума. Это не позволяет, в частности, студенту адекватно декодировать коннотации, в силу чего глубинный смысл литературного произведения, его художественная канва остается не прочитанной.

Анализ фрагментов и небольших произведений классиков испанской литературы XX в. (рассказ, роман, драма, эссе) позволяет заключить, что для данных художественных текстов характерны литературные, этнокультурные, исторические, мифологические и собственно языковые реминисценции. Довольно многочисленны текстовые вкрапления, характеризующие особенности испаноязычного социума, сферу национального и мирового искусства (живопись, музыку) и др.

Богатейшим источником возникновения текстовых реминисценций являются античная мифология и библеизмы, которые послужили основой для огромного количества коннотаций и зашифрованных смыслов. Так, в рассказе А. Паласио Вальдеса «Жизнь каноника» имя *святого мученика Себастьяна*, казненного за стойкую приверженность своей вере, транспонируется на жалкого и слабодушного человечка, соню и сластену, ставшего жертвой двух сестриц-фурий, но сумевшего отомстить им за свои мучения довольно хитроумным способом. Такой скрытый, прямо не указанный в тексте потенциал имени *дон Себастьян* создает особый комизм и иронию повествования. Иной экспрессией отмечен воспроизводимый в романе М. де Унамуно «Авель Санчес» библеизм *Авель*. Это имя собственное, выбранное для одного из персонажей романа, превращается в ассоциативную доминанту, на которой выстраивается история зависти и ненависти неудачника Хоакина к всеобщему любимцу и баловню судьбы

Авелю. На пересечении дистантной смысловой связи *Авель – Каин* и ее более поздней текстовой проекции *Авель – Хоакин* держится глубокий подтекстовый смысл всего романа.

Гиперсемантизация мифологем особенно характерна для литературы авангарда. Так, понимание эстетики авангардизма невозможно без расшифровки приведенных Р. Гомесом дела Серной интертекстуальных «мостиков», отражающих своеобразный коллаж культур при описании бразильского салона в рассказе «Уникальная рыбка». Элементы античной мифологии *(decoración del rey Midas)* декоративно переплетаются с элементами восточной культуры (*biombo del emperador del Japón),* а эклектичность данных реминисценций еще более усиливается при сравнении салона с буддийской ризницей (*sacristía búdica).*

В рассказе «Искусственная медуза» аллюзивная ассоциация дамского мастера с *архангелом Гавриилом (Gabriel. Peluquero de señoras)* позволяет Ф. де Айала сориентировать читателя на ракурс, построенный на ассоциативной доминанте библейского характера. Определенный культурный тезаурус необходим студенту и при декодировании текстовой отсылки к медузе, коннотирующей смертельную опасность для мужчин: *Voy a hacerle un rizado flexible. Cables enrollados. Señorita: podrá electrocutar a los hombres. La voy a convertir en una mujer peligrosa. O mejor: en una mujer fatal.* Локоны-рептилии виртуозно выполненной парикмахером Гавриилом женской прически становятся гиперсемой за счет ассоциативных связей с *горгоной Медузой*. Реминисценции библейского характера цементируют смысловую структуру многих произведений испанских авторов.

Ярким примером создания аллюзий за счет интертекстовых транспозиций исторического характера служит творчество К. Х. Селы. Так, в шуточном рассказе «Два кресла переезжают» смехотворность претензий главного действующего лица на величие подчеркивается внетекстовой коннотацией его имени, то есть раскодирование имени собственного

Cristobita (диминутив от *Cristóbal*) позволяет реконструировать образ *Кристофора Колумба* и на таком контрасте делает более выпуклым комичность персонажа, обывательский уровень его мировоззрения. Несоразмерно завышенная самооценка «маленького» человека как тематическая доминанта рассказа актуализируется за счет целого ряда других дистантных связей: забавные поступки чудаковатого персонажа выводятся К. Х. Селой на уровень таких всемирно известных событий, как разливы Нила, крушения поездов в Лузитании, анализ политической ситуации в Западной Германии и т. д.

В корпус текстовых реминисценций, используемых испанскими писателями при создании подтекста, входят также стилистически маркированные устойчивые сочетания и фразеологические единицы. Особенно характерен данный прием для творчества К. Х. Селы, который использует идиомы в системной взаимообусловленности с другими языковыми компонентами при создании, в частности, комического эффекта: *llorar a moco tendido* ‘реветь в три ручья’, *coger el portante* ‘сматывать удочки*’, la eterna cantinela* ‘сказка про белого бычка*’, espada de Damocles* ‘Дамоклов меч’ и т. д. При этом для раскодирования художественного текста от реципиента требуется не только фоновое знание, позволяющее правильно прочитывать двойной смысл идиом в конкретном языковом контексте, но и тонкое языковое чутье, обусловливающее разгадывание коннотации разрушенных автором устойчивых сочетаний.

Как видим, пути формирования глубинного смысла художественного произведения разнообразны и предполагают подлинное, а не формальное восприятие текста. При этом реконструировать тему произведения в значительной степени помогают именно текстовые реминисценции, активизируя механизм создания ассоциативных связей между контекстами. Такой подход требует анализа актуализации языкового знака в конкретном лингвистическом контексте, глубинного прочтения концептуального

наполнения языковой формы, выявления системной комбинаторики компонентов конкретного художественного текста как проекции целого ряда прецедентных текстов. Этот процесс детерминирован не только уровнем языковой подготовки адресата, но и его фоновыми знаниями, духовным потенциалом, эмоционально-оценочными возможностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. – 252 с.

2. *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. – СПб: Symposium, 2003. – 285 с.

Гишкаева Л. Н.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ НА ЧЕЛОВЕКА В ПИРЕНЕЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Впервые о связи языка и культуры заговорили еще в XVIII в., но целенаправленное изучение этой проблемы началось только в конце XX в. Среди отечественных ученых большой вклад в разработку проблемы связи языка и культуры внесли такие ученые, как В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Р. А. Будагов, Ф. П. Филин, Б. А. Ларин, О. А. Ахманова, М. П. Алексеев, В. Г. Гак, В. Н. Телия, Т. З. Черданцева, Г. Г. Соколова и другие.

Лингвострановедческий аспект исследования позволяет выделить во фразеологических единицах (ФЕ) национально-культурный фон, являющийся хранилищем и источником информации о национальной культуре, дает возможность ответить на вопрос, как и в чем проявляется национальное своеобразие фразеологизмов.

Выделение национально-культурного компонента значения фразеологизма и определение его лингвистического статуса дает возможность исследовать ФЕ в плане отражения в них национально-культурных особенностей общественной и духовной жизни народа; показать, что в семантике фразеологизма в силу его многокомпонентности значимо в большей степени, чем в семантике отдельного слова, как в семантике фразеологизма участвуют экстралингвистические факторы, передающие специфику самых различных областей человеческой деятельности и социально-культурных отношений в обществе.

ФЕ, *семантически ориентированные на человека,* являются одним из активных пластов фразеологического состава языка. Их экспрессивность связана с отображением норм поведения того или иного народа, которые закрепляются в общественном сознании и передаются из поколения в поколение с помощью лексических и ФЕ.

Рассмотрим пример ФЕ, передающую значение состояния человека, находящегося в затруднительном положении: *estar a cuarta pregunta* букв. ‘*отвечать на четвертый вопрос’*. Этот фразеологизм содержит историческую информацию о судебных правилах допроса арестованных. Согласно уголовному кодексу, арестованный должен был обязательно ответить на следующие четыре вопроса: имя и возраст, страна и гражданство, религиозная принадлежность и профессия, ежегодный доход. При ответе на четвертый вопрос задержанные всегда отвечали, что они бедные люди и, что у них нет денег. Так и возникло выражение *estar a cuarta pregunta* – ‘*находиться в затруднительном положении’*.

Выражение *dar vela en un entierro* букв. ‘*дать свечу на похоронах’* восходит к обычаю, когда родственники умершего раздавали свечи его друзьям, которые пришли на похороны. В настоящее время этот фразеологизм употребляется со значением ‘*позволить, допустить, разрешить что-либо, делать что-либо с полным правом’*. Например: *Nadie te*

ha dado vela en este entierro – ‘Не вмешивайся не в свое дело, не суйся, не лезь; это тебя не касается’.

Приведем еще один пример, отражающий испанские обычаи: *andar con tapujos* букв. ‘*ходить, прикрывая лицо плащом’*. В средние века в Испании плащ являлся основным атрибутом одежды испанских кабальеро. Верхняя часть плаща носила название "tapujo" и позволяла в случае необходимости закрыть нижнюю половину лица. Делалось это, как правило, в случаях, когда человек желал остаться неузнанным в той или иной ситуации. Эта особенность легла в основу фразеологизмов *andar con tapujos* и *hacer algo de tapujo – ‘сделать что-либо тайком, действовать скрытно, исподтишка’.*

Оборот *meterse en camisa de once varas* букв. ‘*лезть в рубашку, длиной равной 11 варам’* (1 вара = 83,5 см) отражает церемонию усыновления в средние века в Испании. Согласно этой традиции, отец, усыновляющий ребенка, пропускает его через рукав рубашки и вытаскивает через ворот. Эта операция не всегда заканчивалась благополучно, особенно для ребенка, поэтому возникло выражение-совет *no meterse en camisa de once varas* – ‘*не вмешиваться, не соваться не в свое дело’.*

Еще один пример старинных нравов, давших фразеологизм *echar pelillos a la mar* букв. ‘*бросать волоски в море’*. Этот обычай заключается в том, что человек, обещавший забыть старые обиды или выполнить свое обещание, вырывал у себя волосы и сдувал их со словами: *pelillos a la mar*. В настоящее время этот оборот означает *‘помириться, забыть старые обиды’.*

Фразеологизм *decir tres verdades del barquero* не имеет в русском языке фразеологического эквивалента, а дословный перевод *‘сказать три правды лодочника’* будет непонятен носителю русского языка, поэтому данный фразеологизм переводится описательно – *‘говорить всю правду в лицо, высказать все, что думаешь’*.

Интересный материал можно также обнаружить и во ФЕ, которые содержат в себе имя собственное. Так, например, выражение *tumbarse a la Bartola*, означающее *‘бездельничать, лежать на боку’* связано с персонажем, популярным в народных былинах. Он всем своим существом олицетворял леность, праздность, поэтому и вошел во фразеологию испанского языка в качестве составляющей столь негативно окрашенной ФЕ.

ФЕ *ser más feo que Picio,* означающее *‘страшен как смертный грех’*, связано с персонажем по имени Писио, бывшим андалузским сапожником, прославившимся своей внешней непривлекательностью.

Выражение *ser una Celestina* содержит в себе имя сводницы, свахи, ставшей популярной в испанской литературе.

ФЕ *el talón de Aquiles* ‘*Ахиллесова пята’, ‘слабое место’* восходит к греческой мифологии. Как известно, мать Ахилла, решив сделать сына бессмертным, опустила его в воду, ухватив за одну лишь пятку. Именно это место оказалось единственной уязвимой точкой на его теле и впоследствии стало причиной его гибели.

Анализ ФЕ с нумерологическим компонентом может расшифровать экстралингвистическое содержание и показать национально-культурные особенности культуры народа. В наши дни не всегда удается вскрыть первичную (исходную) мотивировку и определить источники возникновения фразеологизмов. Так же не всегда удается объяснить выбор числительного. Вероятно, это связано с тем, что нумерологический компонент, входящий в состав фразеологизма часто обладает сугубо количественным значением и, следовательно, не обязательно несет семантическую нагрузку.

Так, например, фразеологизм *cantar las cuarenta* букв. *‘кричать сорок’* своим происхождением обязан карточной игре «туте», которая раньше была очень популярна в Испании. Суть игры заключалась в том, чтобы игрок как можно скорее собрал козлов (игральная кара с изображением лошади) и

королей одной масти. Если игроку удавалось это сделать, то он громко объявлял об этом и получал двадцать очков. В том случае, если же игроку удавалось собрать карты козырной масти, то он получал сразу сорок очков и очень громко и вызывающе объявлял о своей победе. Этот факт лег в основу выражения *cantar las cuarenta,* которое впоследствии стало устойчивым и употребляется в наши дни в значении *'высказать в лицо всю правду'*.

Выражение *mantenerse en sus trece* букв. *'стоять на своих тринадцати'* мотивировано достоверным историческим фактом. Во время правления Бенедикта XIII в церкви произошел раскол, в результате которого на западе стали существовать два Папы, один в Авиньоне, а другой в Риме. В 1392 г. Бенедикт XIII был избран на пост Папы Авиньона. А когда в 1414 г. решено было положить конец «двоепапству», то так долго и упорно не хотел отказываться от своего папского престола, что возникло выражение – *mantenerse en sus trece*, что означает *'твердо и упорно настаивать на своем'*.

Анализ конкретного материала дает возможность определить источники возникновения фразеологических единиц и показать, что способы проявления национально-культурной специфики функционирования фразеологизмов обусловлены психологией народа, своеобразием восприятия окружающего мира, различными ассоциациями, возникающими у носителей языка. Благодаря анализу ФЕ, семантически ориентированных на человека, можно получить ценную информацию о специфике национального характера народа, его представлениях о норме жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Испанско-русский фразеологический словарь*: 30 000 фразеологических единиц / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая. – М.: Русский язык, 1985. – 1080 с.

2. *Михеева Н. Ф.* Испанский язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для учителей, преподавателей иностранных языков в

контексте повышения квалификации в области культуроведения. – М.: АПКиПРО, 2003. – 220 с.

3. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.13–24.

4. *Чеснокова О.С.* Национальный менталитет сквозь призму фразеологизмов с «гастрономическим» компонентом // Языковое сознание и образ мира / XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: РАН, Ин-т языкознания – МГЛУ, 1997. – С. 160–163.

5. *Diccionario fraseológico del español moderno* / F. Varelo Hugo Kubarth. – Madrid, 1994. – 296 p.

6. *Prieto Grande M.* Hablando en plata: modismos / metáforas culturales. – Madrid: Edinumen, 2006. – 101p.

Гусева И. В.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, ОБРАЗ

> "...La comprensión no es un encuentro de formas de entender en un punto que no se puede compartir, sino un encuentro de esferas de pensamiento, de las que la parte común coincide y que sobrepasa al individuo. Así se hace posible el avance intelectual de la humanidad, a medida que cada ampliación del pensamiento conseguida puede transmitirse a los demás, sin colocar cadenas en su libertad..."
>
> W. Humboldt

Аргентинский философ, публицист и общественный деятель второй половины XX в. Эктор Пабло Агости, ученик знаменитого Анибала Норберто Понсе, разработавшего концепцию «архентинидад»– философию

аргентинской сущности – писал, что «язык, как коллективный механизм общения посредством знаков и семантических соотношений, связанных с социокультурными условиями его формирования и функционирования, есть важнейшее средство национального самовыражения. Одной из самых распространенных гипотез соотношения языка и мышления, как в европейской, так и в латиноамериканской философии является интерпретация языка как средства мышления. Язык – это «мышление в звуке», и наоборот, «мышление – есть беззвучная речь», – писал немецкий лингвист А. Шлейхер. В одной из своих книг по психофизиологии русский ученый И. М. Сеченов так объясняет свою концепцию: «Без речи элементы чувствительного мышления, лишенные образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании: она и придает им объективность, род реальности (конечно фиктивной), и составляет, поэтому основное условие мышления нечувственными образами» [Сеченов 1935].

В одном из своих знаменитых эссе мексиканский писатель и культуролог Октавио Пас рассказывает о запавшей ему когда-то глубоко в душу беседе с мексиканской студенткой, приехавшей учиться в Калифорнийский университет и чрезвычайно тяжело переживавшей разлуку с отчим домом: “Sí, esto es muy hermoso, pero no logro comprenderlo del todo. Aquí hasta los pájaros hablan inglés. ¿Como quieres que me gusten las flores si no conozco su nombre verdadero, el nombre que se ha fundido ya a los colores y a los pétalos, un nombre que es ya la cosa misma? Si yo digo bugambilia, tú piensas en las que has visto en tu pueblo... Y la bugambilia forma parte de tu ser, es una parte de tu cultura, es eso lo que recuerdas después de haberlo olvidado”[Paz 2001]. Мысль эта волнует многих авторов: язык и менталитет, связь между ними труднообъяснима, но также верно и то, что она прочна и продуктивна и основана не на простой зависимости или подчинении, ее скорее можно назвать постоянным взаимообменом. Механизм функционирования взаимоотношений между языком и сознанием сложен и, по всей видимости,

не имеет однозначного решения. Попытаемся, однако, проанализировать некоторые аспекты проблемы, опираясь на авторитетное мнение лингвистов.

1. Язык, как логичная и оригинальная структура, является отражением процесса развития языкового коллектива, формой организации, хранения и передачи его опыта, накопленного веками, так как неизбежно включает элементы, в которых концентрируется культурное наследие народа. Позволяет ли это считать национальную составляющую языка его основной сущностной характеристикой? Обратимся к мнению немецкого философа и лингвиста К. Фослера, который считал исторически доказанным, а, следовательно, и бесспорным, факт наличия непосредственной связи между языком народа и особенностями его сознания. Разделяет эту точку зрения и Хосе Луис Пинильос, действительный член Королевской Академии моральных и политических наук. В одной из своих статей он пишет: "...La organización histórica de los pueblos, su religiosidad, sus costumbres e instituciones, sus creencias y valores se depositan en el lenguaje. El idioma se transforma en la expresión del alma de los pueblos, deja de ser un puro vehículo de la razón abstracta y universal: el genio de la raza y el genio del idioma se funden en una estrecha unidad de signo particularista" [Pinillos 2001]. Истоки идеи влияния языка на формирование сознания следует искать в трудах В. Гумбольдта: «Сейчас еще есть люди, и немало, считающие сам по себе язык довольно безразличным инструментом и приписывающие все, что относится к его характеру, характеру нации. Чтобы оспорить эту точку зрения, необходимо указать на то обстоятельство, что определенные языковые формы, несомненно, дают определенное направление духу, накладывают на него известные ограничения, а также на то, что при желании выразить одну и ту же идею многословно или кратко нам приходится выбирать различные пути и по меньшей мере взаимно заменять положительные качества высказываний, что было бы невозможно без всякого, пусть даже отдаленного влияния языка» [Гумбольдт 1984: 324–326].

2. Вопрос второй: участвует ли язык в формировании сознания? Снова обратимся к идеям В. Гумбольдта о том, что, давая название, язык фактически «участвует в процессе созидания» и неизбежно «оставляет свой след в сознании». Хотя немецкий ученый и подвергался критике за преувеличение и даже идеализирование национального компонента в языке, но бесспорна глубина влияния его концепций на дальнейшее развитие теории языкознания и философии языка. В особенности его тезиса о том, что язык – это не просто знаковая система, делающая возможным общение людей, а это еще и форма восприятия ими действительности, это непрерывный творческий процесс, непосредственно зависящий и, в свою очередь, влияющий на сознание.

3. Вопрос третий: какие языковые элементы обладают наибольшей культурной наполненностью и обусловленностью? Любой национальный язык, помимо функций общения (коммуникативной), сообщения (информативной) и воздействия (эмотивной), выполняет важнейшую функцию сохранения всего комплекса знаний и представлений определенного языкового сообщества об окружающем мире. Таким образом, картина мира, сформированная и отраженная в национальном языке, есть результат осмысления действительности коллективным сознанием народа.

Как пишет российский лингвист и культуролог О. А. Корнилов «языковая картина мира всегда субъективна» и исторична, она «фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, то есть на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира». Языковая картина мира изменяется очень медленно, основная ее часть долгое время остается постоянной. Изменения в языковой картине мира – это «отражение изменяющегося мира, появления новых реалий». С младенчества ребенок познает мир на «языковом уровне». Осваивая языковую картину мира, мы

получаем «целостное наивное представление о мире, которое присуще всем носителям именно этого языка».

Специфика языковой картины мира отражается на всех языковых уровнях, но, прежде всего, в лексике и фразеологии. Некоторые лексические единицы содержат наибольшее количество культурной информации. Этот национально-культурный компонент, определяющий особенности национального, в том числе языкового, сознания проявляется в различных элементах культурного пространства: в системе концептов, национально-прецедентных феноменов, национальных стереотипов и ассоциаций, возникающих в процессе внутренней и внешней коммуникации национально-культурного сообщества.

Рассмотрим, например, функционирование в лексических системах русского и испанского языков концепта «душа», основополагающего как для испанской, так и для русской культуры. В обоих языках имеется огромное разнообразие устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок, включающих данную лексическую единицу; оба языка предлагают целую гамму значений слова, включая значение ‘человек, живое существо, живая душа’ [Нарумов 1988]. Однако никто из испаноговорящих не станет подсчитывать ВВП страны или ее доход на душу населения, то есть ‘por alma viviente’, так как накопленный веками языковой опыт подсказывает им использовать в данной ситуации другие понятия: por persona, por habitante или per cápita. Носитель же русского языка скорее использует последнее, per cápita (por cabeza) для подсчетов, связанных с числом домашних животных в стаде. При подсчете людей, очень велика вероятность использования концепта «душа», и это естественно, так как с древнейших времен в сознании русскоязычного населения запечатлелась ассоциация личности, прежде всего, с душой и только потом, с телом.

Менее очевидны, но также существуют различия национально-обусловленных лексических единиц в рамках вариантов одного языка. Рассмотрим, например, лексические единицы пиренейской нормы и мексиканского варианта языка, связанные с соотечественниками, эмигрировавшими из страны. В эссе О. Паса поражает количество и разнообразие синонимов слова ‘emigrado’. Если о них говорят с осуждением, то называют ‘malinchista’ (т. е. отдающий предпочтение всему иностранному), ‘vendepatrias’, ‘entregado’, ‘coco’ (белый внутри и темный снаружи), ‘pocho’ (возможно происходит от значения ‘бесцветный’ того же слова в пиренейской норме; в мексиканском варианте испанского языка оно называет и одновременно характеризует эмигранта, как человека, использующего англицизмы и недооценивающего родной язык, то есть человека, потерявшего национальный колорит). Если же нет намерения выразить свое негативное отношение к эмигранту, его называют ‘chicano’ (согласно Краткому словарю мексиканизмов, это модификация слова ‘mexicano’) или ‘pachuco’.

Существует несколько версий происхождения слова ‘pachuco’. Сам Октавио Пас характеризует его как «единицу непонятного происхождения», он пишет: “Es una extraña palabra, que no tiene significado preciso o que, más exactamente, está cargada, como todas las creaciones populares, de una pluralidad de significados” [Paz 2001]. В словарях выражено предположение о том, что слово это связано с El Paso, городом в Техасе, из которого pochillos pasucos (молодые люди из El Paso) уезжали со своими семьями в Калифорнию. В современном варианте испанского языка Мексики pachuco – это молодой человек родом из Мексики, проживающий, как правило, в Калифорнии и отличающийся от общей массы экстравагантностью одежды и поведения. Странность манер pachuco О. Пас объясняет так: “Desprendido de su cultura tradicional, *el pachuco* se lanza al exterior, pero no para fundirse con lo que lo rodea, sino para retarlo. Su lenguaje y su porte parecen indudable reflejo de una

oscilación psíquica entre dos mundos irreductibles y que vanamente quiere conciliar y superar...” [Paz 2001].

Из всех перечисленных синонимов в словаре Испанской Королевской Академии фигурируют только два: chicano, значение которого полностью совпадает с пиренейской нормой, и pocho – ‘загнивающий’ (о предметах) и ‘не отличающийся хорошим здоровьем’ (о людях), то есть имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, никак, однако, не связанную с понятием эмиграции.

В русском языке не существует подобных синонимов, и для перевода нам пришлось бы прибегнуть к краткому объяснению каждого из них, то есть нам понадобилось бы воспроизвести отдельные элементы мексиканской картины мира, непонятные носителю русского языка. Для выражения негативного отношения к эмигрантам, а точнее, к эмигранткам, в запасе у русскоговорящих всего одно слово «совгражданка», которое постепенно уходит из употребления по мере изменения социальной и политической ситуации в обществе. Из перечисленного ряда синонимов мексиканского варианта языка только одно, может быть, покажется знакомым русскоговорящему слушателю. Это слово “malinchista”, но, скорее всего, он соотнесет его с понятием «предательство» по ассоциации с историей Малинче и Эрнана Кортеса. Иными словами, без помощи словаря, понятие это будет интерпретировано неправильно.

Возвращаясь к беседе между писателем и мексиканской студенткой, описанной О. Пасом, можно утверждать, что отчуждение, так остро ощущавшееся девушкой, было связано не только с недостатком ее лексического багажа, но и с необходимостью познать менталитет народа, бок о бок с которым ей предстояло прожить несколько лет. Мануэль Секо так говорит об этом процессе: “El lenguaje es, por una parte, la vía por la que captamos el universo más allá de las puras percepciones de los sentidos y el

instrumento con que estas mismas percepciones se almacenan y organizan dentro de nuestra mente; por otra parte, el lenguaje es la vía por la que discurren los mecanismos del pensamiento".

Акцентирование культурологического аспекта в преподавании языков, сопоставление языковых картин мира родного и иностранного языка предусматривает иной уровень понимания изучаемого языка, основанный не просто на усвоении грамматических форм и лексических единиц, а, прежде всего, на осознании иной культуры. Таким образом, открывается более широкий доступ к пониманию носителей изучаемого языка, возможность правильной интерпретации их особого восприятия мира; понятий, ценностей и норм, преобладающих в языковом коллективе, частью которого они являются. Вырабатываемая при таком подходе межкультурная компетенция повышает мотивацию при изучении языка и позволяет поддерживать осознанное отношение в процессе обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большой испанско-русский словарь*: *Латинская Америка* / под ред. Н. М. Фирсовой. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 726 с.

2. *Гумбольдт В.* О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Избранные труды по языкознанию. – М: Прогресс, 1984. – 397 с.

3. *Испанско-русский словарь* / под ред. Б. П. Нарумова. – М.: Русский язык, 1988. – 828 с.

4. *Сеченов И. М.* Элементы мысли // Избранные труды. – М.: Изд-во Всесоюзн. ин-та эксперимент. медицины при СНК СССР, 1935. – С. 302–389.

5. *Чеснокова О. С.* Испанский язык Мексики: языковая картина мира. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 238 с.

6. *Diccionario de la Real Academia*. Vigésima segunda edición. – Madrid, 2001.

7. Gómez de Silva G. Diccionario breve de mexicanismos. – México: FCE, Academia Mexicana, 2004.

8. *Moliner M.* Diccionario de uso del español. – Madrid: Gredos,1994.

9. *Paz O.* El laberinto de la soledad. – Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 2001.

10. *Pinillos J. L.* El problema del bilingüismo en el País Vasco. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dialnet.es

Журавлева Е. В.

Московский государственный педагогический университет

Москва, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИСПАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА В МЕЖВАРИАНТНОМ АСПЕКТЕ

Последнее время характеризуется возросшим вниманием лингвистов к вопросам соотношения и взаимосвязи языка и культуры, значительное развитие получила в нашей стране этнолингвистика. Одним из аспектов данного направления стало изучение функционирование языка в условиях его использования несколькими самостоятельными национальными сообществами. К настоящему времени теоретически разработано и подкреплено практическими данными понятие национальных вариантов языка, предложенное и сформулированное акад. Г. С. Степановым, а в дальнейшем расширенное и дополненное акад. Н. М. Фирсовой. Испанский язык, в силу своей национальной неоднородности, представляет большой интерес для исследований. Так, например, контрасты между пиренейским и любым латиноамериканским национальными вариантами испанского языка достаточно часто обнаруживаются на разных уровнях языка, что должно находить свое отражение, в том числе, и в рамках преподавания испанского языка в высших учебных заведениях.

При исследовании национально-культурной специфики языковых единиц в основном рассматривается стандартный литературный язык. Представляется не только интересным, но и необходимым проанализировать вопрос об отражении национально-культурной специфики в различных функциональных стилях языка, а именно в языке периодической печати, поскольку в прессе высокочастотны единицы языка, содержащие национально-культурный компонент. Наиболее продуктивным, на наш

взгляд, является сопоставительный анализ функционирования в испанской прессе подобных языковых единиц в аспекте межвариантной национально-культурной специфики, поскольку при этом наиболее ярко выделяются различия и особенности того или иного национального варианта, что позволяет глубже проникнуть в языковую картину мира и ее отражение в разных языковых общностях людей.

Следует указать на то, что национально-культурные признаки у лингвистических единиц проявляются с разной степенью частотности и интенсивности; формы их выражения также неодинаковы. В зависимости от типа газет (официальная пресса, бульварная) распределение элементов, обладающих национальной спецификой, будет неоднородным. Помимо этого, различные жанры газетно-публицистического стиля обладают своеобразием в маркированности и национально-культурной спецификой. В большей степени фоновая специфика присуща обзорам, фельетонам, рекламным заметкам, статьям, отражающим личное мнение автора к тому или иному событию, в меньшей – репортажам, информационным новостным заметкам.

В краткой форме подобные единицы языка, узуальные в языке прессы, могут быть представлены в виде следующих групп:

1. *Безэквивалентная, фоновая лексика*. Межъязыковая и межвариантная национально-культурная специфика наиболее ярко проявляется на материале номинативных средств языка, поскольку именно лексические единицы обладают прямой связью с внеязыковой действительностью. Национально-культурное своеобразие номинативных единиц языка может прослеживаться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в отсутствии в данном языке слов и значений, выраженных в других языках либо национальных вариантах испанского языка, т. е. в лакунах. Фоновая лексика, употребляемая в газетно-публицистических

текстах в испанском языке может быть представлена в виде экстралингвистически обусловленной тематической классификации открытого типа, структуру которой составляют следующие группы[1]: средства массовой информации; различные ассоциации, объединения и союзы и их аббревиатуры; частные и государственные компании; государственные учреждения и должности; предметы и явления традиционного быта; национальная валюта, меры веса и длины; праздники; флора и фауна; этнонимы, теонимы, антропонимы.

2. *Аббревиатуры*. Обращает на себя внимание тенденция к появлению от аббревиатур, содержащих национально-культурный компонент, дериватов, образованных по нормам грамматики испанского языка.

3. *Топонимы*. Высокая концентрация данных лексических единиц в газете обусловлена информационной функцией, функцией сообщения, которая в первую очередь характерна для газеты.

4. *Фразеология* и, в частности, *паремиологический фонд языка*. Больше, чем какая-либо другая область, с внеязыковой реальностью связана лексика и фразеология. Тематическая неограниченность газетно-публицистического стиля определяет необычайную широту и разнообразие его лексики. С этой точки зрения публицистика – наиболее богатая разновидность письменной речи. Культурный компонент, входящий в состав фразеологической единицы, непосредственно связан с кумулятивной функцией языка, именно в нем проявляются типичные ассоциации, связанные с тем или иным национальным образом.

5. *Метафоры и образы*.

---

[1] Данная классификация составлена на основе собранных материалов, проведенных исследований иработследующих специалистов: Н. М. Фирсовой, В. С. Виноградова, И. А. Быковой.

6. *Формулы речевого этикета*.

7. *Неологизмы*.

8. *Заимствования из других языков*. Своеобразие заимствований, использующихся в языке газеты в Испании, во многом обусловлено характером сосуществования кастильской, каталонской, баскской и галисийской наций, у каждой из которых есть свой язык. В языке газеты в латиноамериканских национальных вариантах национально-культурная специфика очень ярко представлена в заимствованиях из языка индейцев. «Индихенизмы» не остаются иностранными словами; они адаптируются в соответствии с фонетическими и грамматическими нормами. На основе «индихенизмов» образовано множество топонимов, высокочастотных в языке газеты.

9. *Зооморфизмы*.

10. Прецедентные феномены.

Перечисленные языковые средства, часто употребляющиеся в испанской прессе, и отражающие национально-культурную специфику, представлены далеко не в полной форме. Разработка данных проблем требует дальнейших конкретных исследований, которые позволят глубже понять специфику языка и культуры Испании и стран Латинской Америки, а также специфику функционирования языковых средств в отдельных национальных вариантах испанского языка. Все это поможет разработать наиболее оптимальную стратегию устранения как лингвистических, так и экстралингвистических ошибок в сфере межкультурной коммуникации. Ведь незнание национально-культурной специфики речевого поведения различных испаноязычных народов часто ведет к неправильному переводу газетных текстов, их искаженному пониманию и может стать причиной разнообразных коммуникативных помех.

Заворотищева Н. С.
Российский университет дружбы народов
Россия, Москва

ИНВЕКТИВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА

(на материале пиренейского национального варианта испанского языка)

Инвективы представляют собой уникальный по своему семантическому и эмоциональному наполнению лексический слой языка. Уникальность их семантики заключается в ее преимущественно коннотативной направленности, в преобладании эмоционального компонента, который зачастую почти полностью вытесняет денотативные признаки.

Как справедливо отмечает А. Ю. Позолотин, в силу того, что инвективы являются особым лексическим слоем, максимально заряженным эмоционально, очевидно, что фиксируемые им смыслы обладают для языковой личности наибольшей актуальностью. Можно говорить о том, что инвективы в своей семантике отражают ценностные представления носителей языка, в центре которых находится человек со всеми возможными достоинствами и недостатками. Следовательно, можно предположить, что изучение семантико-тематических групп инвектив позволяет ответить на вопрос о том, какие качества человека вызывают особую неприязнь у представителей той или иной культуры, а также об актуальности того или иного порока для данной культуры [Позолотин 2005: 45].

Одну из наиболее лексически разработанных семантико-тематических групп инвектив в пиренейском национальном варианте испанского языка составляют формулы, указывающие на характер человека и на несоответствие его поведения социальным нормам. Инвективы данной группы в своей семантике указывают на наиболее осуждаемые качества

человека, так что их анализ определяет национальную специфику, как в границе разделения черт характера на положительные и отрицательные, так и в содержании и актуальности соответствующего понятия порока.

Рассмотрим инвективные обозначения черт характера и моделей поведения, подвергающихся резкой отрицательной критике в испанской культуре:

1. **Лесть***: pelota, pelotilla, pelotillero, zalamero, abrazafarolas, chaquetero, cobista, tiralevitas, lameculos, comepollas*. Обратим внимание на частое использование в данной группе инвектив, образованных от наименований сакральных частей тела: *lameculos* (*lamer* ‘лизать’, *culo* ‘задница’) и *comepollas* (*comer* букв. ‘есть’, *polla* ‘грубое название мужского полового органа’).

2. **Болтливость***: papagayo* (тот, кто много говорит, при этом сам не знает, что), *loro* (человек, который не понимает, что он говорит, так как повторяет заученный текст), *charlatán* (человек, который говорит много, но ничего стоящего), *chismoso* (сплетник), *cotorra, víbora*.

Реализация формы *loro* особенно частотна по отношению к студентам, когда они заучивают урок наизусть, не понимая при этом его содержания. Существительное *charlatán* особым образом применимо к странствующим торговцам, привлекающим внимание публики своей невоздержанностью в речи. Формы *cotorra* и *víbora* узуальны для номинации лиц женского пола. *Cotorra* – это женщина, которая не прекращает говорить ни на минуту и может говорить на любую тему. *Víbora* ‘гадюка’ – это пресмыкающееся, выбрасывающее яд языком. Отсюда фигурально *víbora* – ‘женщина, произносящая ядовитые речи’. Как видим, среди испанских инвектив данной подгруппы преобладают формы, образованные посредством метафорического переосмысления (в частности, зооморфизмы).

3. **Трусость***: gallina, bragazas, calzonazos, acojonado, cagado, deshuevado, pichafloja, castrado*. Заметим, что в испаноязычной культуре животным, олицетворяющим трусость, является курица. Кроме того, трусость ассоциируется с предметами нижнего белья, а также с импотенцией и отсутствием у мужчины первичных половых признаков (*deshuevado, no tener cojones*). Естественно, что последние формулы употребляются по отношению к мужчинам. Вообще следует заметить, что все инвективы данной группы чаще всего адресуются мужчинам. Мужская трусость подвергается большему осуждению, чем женская, так как, предполагается, что мужчина должен обладать более сильным характером, нежели женщина.

4. **Тщеславие, высокомерие**: snob, chulo (в данном случае речь не идет о сутенере (*rufián*), по отношению к которому также употребительна данная словарная единица), *creído, fanfarrón, fantasmón, repipi, cursi* (абсолютно безвкусный, но с претензией на утонченность и элегантность), *narcisista*. Поясним, что существительное *snob* имеет латинское происхождение – *sine nobilitate* – и первоначально использовалось по отношению к учащимся крупных британских образовательных центров, не имеющим благородного происхождения. В настоящее время адресуется человеку, считающему себя носителем высокого интеллекта и изысканных вкусов, не свойственных, по его мнению, окружающим.

5. **Лень, праздность***: escaqueón, gandul, mandria, haragán, holgazán, zángano, listo, listillo, parásito, chupóctero, más vago que la chaqueta de un guardia* (надо сказать, что работники городских органов правопорядка – los guardias municipales или los policías municipals – не пользуются уважением и популярностью у народа), *tirarse a la bartola, vivir de la sopa boba*. Отметим, что в основе выражения *vivir de la sopa boba* – некогда существовавший у испанских монахов обычай кормить нищих специальной похлебкой. В современном испанском языке данная фразеологическая единица узуальна по отношению к представителям молодого поколения, которые живут за счет

родителей и не занимаются при этом никакой полезной деятельностью: не учатся и не работают.

6. **Жадность, скупость***: tacaño, agarrado, apretado, curichi, rácano, roñoso, rata, ser del sindicato (de la cofradía) del puño, ser más agarrado que un chotis* (*chotis* – популярный мадридский танец, во время которого партнеры находятся очень близко друг к другу)**.**

7. **Сексуальная распущенность**. Еще одной сферой человеческого бытия, получающей критическое освещение в инвективной лексике, является сексуальная жизнь человека. По справедливому замечанию В. И. Жельвиса, эта сфера в абсолютном большинстве культур является источником многочисленных табу [Жельвис 2001: 275]. В частности, в испанской культуре осуждаются неразборчивость в связях и нестандартная сексуальная ориентация, что находит отражение в инвективном фонде.

Так, по отношению к слишком неравнодушным к слабому полу мужчинам в испанском языке узуальны заимствованные из литературы имена собственные *Casanova* и *Don Juan*. Однако эти формы звучат слишком мягко и чаще всего не воспринимаются как оскорбление. Более сильную эмоционально-экспрессивную окраску имеют следующие инвективы: *cachondo, sátiro, calentorro, pichabrava, pollabrava, pichatiesa, pichaloca, putero, obseso, salido, salidorro, sobón, baboso, viejo verde, comecoños, rompecoños, macho ibérico* (тот, кто выставляет напоказ свои победы).

Следует подчеркнуть, что многие из вышеперечисленных лексических единиц, даже самые эмоционально окрашенные, часто выступают не в роли инвектив. В определенном контексте, например, в компании друзей, они могут восприниматься как дружеское подшучивание или даже комплимент. Очевидно, это связано с традиционной сексуальной ролью мужчины в обществе. Мужчина всегда имел больше сексуальной свободы. Добрачные связи, интерес к сексу, частая смена партнеров рассматриваются как

незначительные недостатки мужской натуры, на которые смотрят сквозь пальцы, особенно в испаноязычной культуре, где на протяжении веков существовал культ настоящего мужчины – «мачо». Тем не менее, эти недостатки подвергаются осуждению, что находит выражение в соответствующих инвективах.

Распутство женщины вызывает гораздо более резкое осуждение со стороны испанского общества, что связано, вероятно, с большим значением культа семьи, хранительницей которого традиционно является именно женщина. Резко негативное, презрительное отношение к женскому разврату эксплицируется через коннотативное содержание соответствующих инвективных слов, которые, как правило, носят вульгарный, грубый, презрительный характер, т. е. находятся в крайне негативной части шкалы инвективности.

Резкому осуждению подвергается проституция. При этом обозначения собственно проституток нередко переносятся на женщин, ведущих распутный образ жизни. Приведем некоторые примеры: *puta, putona, putón, putorra, mala puta, puta barata, putón verbenero, putón malayo, furcia, pajillera, braguetera* (еще несколько лет назад жрицы любви оказывали данный вид услуг в кинотеатрах), *comepollas, tragona, zorra, zorrita, zorrón, zorrona, lagarta, loba, pájara, perra, raposa*. Как видим, среди испанских инвектив этой группы много зооморфизмов. Падшая женщина у испанцев ассоциируется с лисой, собакой, волчицей, ящерицей, птицей.

Что касается нестандартной сексуальной ориентации, здесь наблюдается обратная тенденция, нежели в случае неразборчивости в выборе партнеров. Степень лексической разработанности женской гомосексуальности в инвективной понятийной сфере значительно ниже, чем мужской. Возможно, причина в том, что мужская гомосексуальность вызывает гораздо большее общественное осуждение, чем женская, а также

тем, что женский гомосексуализм не так широко распространен, как мужской. Приведем примеры инвектив данной подгруппы.

Женская гомосексуальность: *tortillera, bollera, bollaca*. Мужская гомосексуальность: исп. *marica, maricón, maricona* (грамматическая форма женского рода еще более усиливает пейоративную окраску), *mariconazo, mariposa, mari* (в усеченных формах всех выше приведенных единиц обыгрывается также имя собственное *María* – очень распространенное женское имя, которые гомосексуалисты используют обычно в качестве обращения друг к другу), *gay* (англицизм), *sodomita, hermafrodito, ninfa, porculero, raro, equivocado, distinto, especial, modoso, modosito*.

Итак, семантика инвектив четко отражает систему ценностей лингвокультурного сообщества. Изучение семантико-тематических групп инвектив позволяет выявить основные человеческие пороки, осуждаемые в данном социуме. Таковыми в испанской культуре, в частности, являются всевозможные отрицательные черты характера, связанные с нарушением социальных норм поведения: трусость, тщеславие, праздность, жадность, сексуальная распущенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жельвис В. И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 352 с.

2. *Позолотин А. Ю.* Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 248 с.

Зеликов М. В.
Санкт-Петербургский государственный университет
С-Петербург, Россия

ФЕНОМЕН ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕДУПЛИКАЦИИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В значительной монографии «Стилистический анализ испанского поэтического текста» С. Ф. Гончаренко в ходе рассмотрения ряда поэтических приемов, осуществляет вдумчивое исследование фонетических повторов [Гончаренко 1988: 86–111], к сожалению, не упоминаемое в более поздней работе не читающего по-русски испанского специалиста М. Гарсия-Пахе, который, освещая вопрос о фонетической редупликации в поэзии Висенте Алейсандре, также глубоко интересовавшей С. Ф. Гончаренко [Гончаренко 1999: 18–21], выделяет три типа лексического удвоения (геминацию, анадиплосис и амплификацию) [García-Page 2005: 23–25]. Разновидность геминации составляют синдетические (союзные) формулы N+ conj.+ N. Комментируя статус одной из них – субстантивную редупликацию *chopo y chopo* в лирике А. Мачадо, М. А. Габинский называет ее «символической», полагая при этом, что поэт «создал поэтическую фигуру (поэтический оборот), который, в отличие, например, от грамматического плюралиса типа индонезийского *orang orang* ‘люди’ (факта языка), является лишь индивидуальным приемом и по отношению к языку, в лучшем случае, может считаться элементом пассивного фонда» [Gabinschi 1999: 237].

Совершенно очевидно, однако, что речь идет не просто о редком, оригинальном, стилистическом или художественном приеме, как о том утверждается, хотя бы уже потому, что в испанском корпусе моделей редупликации (МР) примерами гемминированных синдетических субстантивных моделей с “*y*”, соответствующих морфологической форме множественного числа, о которых говорит М. А. Габинский, конечно же, не

ограничивается [Gabinschi 2002: 94–97]. Вероятность появления этих структур (по которым могут строиться даже испанские антропонимы, например, фамилия *Díaz y Díaz*) в языке испанской поэзии и даже в «глубоко народной» поэзии А. Мачадо [Григорьев 1971: 65], разумеется, невелика. Основной сферой функционирования МР является испанский язык в действии, зафиксированный во многих «диалогических» прозаических произведениях второй половины XX в. Ср. пример следования моделей глагольной (с союзом *y*) и субстантивной (с предлогом *a*) редупликаций в предложении из романа «Улей» К. Х. Селы, являющихся одним из средств повтора – излюбленного приема нобелевского лауреата [Ramiro 1995]: El guardia y el sereno tienen, desde ya varios meses, una conversación que les gusta mucho, una conversación sobre la que *vuelven y vuelven, noche a noche,* con un paciente regodeo (Colmena, 184) – ‘Полицейский и сторож вот уже несколько месяцев ведут разговор, который им обоим очень по душе, и *каждую ночь они возвращаются* к нему с неизменным радостным чувством’ (Улей, 246). Как видно, в переводе структура обеих МР, несмотря на возможность прямой передачи (ср. ‘возвращаются и возвращаются ночь за ночью’) не сохраняется. То же – и в португальской версии: O guarda e o sereno têm, desde há vários meses, uma conversa à qual *voltam sempre todas as noites,* com grande deleito (Colmeia, 139). Около пяти десятков лексических МР содержится в сборнике рассказов Ф. Киньонеса, представляющих, по сути, запись монологической речи персонажей. Ср. МР герундия, используемую для акцентуации постепенно развивающегося процесса (в прошлом): Un ratito después y se fue echando él solo en la mesa … y de ahí se fue *resbalando – resbalando* primero al banco ... y luego al suelo (Doce relatos andaluces, 58) – ‘Через какое-то мгновение он растянулся один на столе…, а оттуда, постепенно сползая (и сползая), оказался сначала на скамье …, а затем на полу’.

Причины некорректного объяснения редупликации в испанском языке как стилистического феномена объяснимы: до недавнего времени не

существовало ни одной специальной работы общелингвистического характера, посвященной лексическому удвоению. Между тем, редупликация – это не только языковая универсалия, содержащая изоморфные, но и алломорфные (типические) для разных языков структурные и семантические явления [Крючкова 2000: 69; Мельчук 2001: 310]. Широко представленная в испанском синтаксисе структурная редупликация, служащая для формирования дополнительных коннотативных значений [Верба 1994: 14] как грамматического (длительность, интенсификация, множественность), так и экспрессивного характера, практически не изучена. В существующих исследованиях МР рассматриваются либо как стилистический прием [Браво 1983; Балясная 1990], либо выборочно, бессистемно и фрагментарно в контексте изучения общей феноменологии повтора [Vidal de Battini 1949; Ariz 1970; Lamíquiz 1971; Vigara Tauste 1992; Верба 1994].

Тем не менее, структурные МР в виде лексических и синтаксических образований составляют значительный фрагмент общей парадигмы расширения в современном испанском языке [Зеликов 1996], существующей наряду с противопоставленной ей парадигмой сокращения. Обе парадигмы, эксплицирующие действие двух антагонистических тенденций («замедляющей» и «убыстряющей» – В. Байнхауэр), являются важнейшими факторами, обусловливающими развитие и функционирование языка как средства коммуникации, могут быть представлены в одной расширительно-компрессивной модели. Ср.: El número uno rumano, Nicolai Ceaucescu, intenta mantenerse de *todas todas* en el poder [Vigara Tauste 1992: 149] – ‘Румынский лидер Николай Чаушеску *любыми* (букв. *всеми-всеми*) способами пытается удержаться у власти’ (← de todas *maneras / formas*).

Приведем полный корпус лексических МР в современном испанском языке: 1) МР *существительных*: *señora señora* (бессоюзная связь). Здесь же – предложные модели типа *canción de las canciones* и *noche a noche*; *días y días* (сочинительная связь); 2) МР местоимений: *nada nada*; 3) МР

прилагательных: *por todo lo alto alto* (бессоюзная связь); *fuerte que fuerte* (подчинительная связь); 4) МР наречий: *bien bien* (бессоюзная связь); *cierto y bien cierto* (сочинительная связь); 5) МР глаголов: *te distraes – te distraes* (бессоюзная связь); *volvían y volvían* (сочинительная связь); 6) МР инфинитивов: *eso de irse – irse* (бессоюзная связь); *me lío a sonar y sonar* (сочинительная связь); 7) МР герундия: *resbalando – resbalando* (бессоюзная связь); *mirando y mirando* (сочинительная связь).

Настоящие модели вместе с синтаксическими МР (здесь можно выделить еще 10 единиц) составляют беспрецедентный по своему разнообразию инвентарь образований, входящих в парадигму расширения испанского языка, которые следует отделять от других ее разновидностей – плеоназмов и тавтологий, которые в отличие от МР, всегда являются избыточными [Топорова 1989: 76] и новых коннотаций, как правило, не содержат. Исключение составляют некоторые плеонастические образования парономазии. Так, например, испанская этимологическая фигура *vivir su vida* (в отличие от лат. *vitam vivere* ‘жить жизнь’ или исп. *descansar con su descanso* – S. Teresa) уже содержит сему развития фразеологического значения ‘жить, никому не мешая’. Принципиально отличными от МР являются и модели синтаксической эмфазы, также составляющие мощный ресурс парадигмы расширения. Ср.: *Lo que es es tonto, ese niño* ‘Да этот мальчик просто дурак’. Здесь форма *ser (es)* используется не для повторения, а для выделения рематического именного компонента составного сказуемого.

В большинстве случаев не имея аналогов в других иберо-романских языках, богатый вариативный корпус испанских МР может быть сопоставим с баскским, в котором МР вообще составляют обычный (морфологический) и единственный способ выражения атрибутивности и предикативности [Зеликов 1989: 362]. Так, например, типичной формой местоимения ‘*какой-то*’ (исп. *algo*) является *zer-edo-zer*, букв. ‘*что-или-что*’, а приоритетным

способом адъективной модели ‘*очень белый’* является не *oso zuria* (исп. *muy blanco*), а именно *zuri-zuri* (исп. *blanco-blanco*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балясная Л. Ю.* Роль лексического повтора в организации предложения и текста (на материале кубинской публицистики): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1990. – 18 с.

2. *Браво У. У.* Повтор в современном испанском языке (Грамматико-стилистическое исследование): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1983. – 18 с.

3. *Верба Г. Г.* Синтаксические средства выражения эмоциональности в испанской разговорной речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1994. – 17 с.

4. *Гончаренко С. Ф.* Стилистический анализ испанского стихотворного текста. – Москва, 1988. – С. 86–111.

5. *Гончаренко С. Ф.* Металогическая информация поэтического текста и перевод // Miscelania Philologica. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – С. 18–21.

6. *Григорьев В. П.* Антонио Мачадо (1875–1939). Современная зарубежная литература. – М.: Высшая школа, 1971. – 96 с.

7. *Зеликов М. В.* Типологические и субстратные параллели к синтаксической эмфазе в испанском языке // Изв. АН СССР. – СЛЯ. – 1989. – Т. 48. – № 4.

8. *Зеликов М. В.* Парадигма избыточности в современном испанском языке // Материалы международного научного семинара. – Киев, 1996. – С. 36–37.

9. *Крючкова О. Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 60–72.

10. *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. – Т. IV. – Москва – Вена: Языки славянской культуры, Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 38/4, 2001.

11. *Топорова Т. В.* Проблема оригинальности: готские сложные слова и фрагменты текста // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1.

12. *Ariz C. M.* Bosquejo para una gramática española de la afectividad // Revista de la Univ. de Costa Rica. –1970. – № 28.

13. *Gabinschi M.* Un procedul stilistic rar de substituire a morfemului de plural // Omagiu profesorului Ion Ciornīi. – Chişinau, 1999.

14. *Gabinschi M.* Plurarul nonafixal reduplicativ ca procedeu stilistic (O figură poetică spaniolă privită sub raport lingvistic general) // Revista de Lingvistica şi ştinţă literară. – 2002. – № 1/2. – P. 94–97.

15. *García-Page M.* Las reduplicaciones fónicas en la obra poética de Vicente Aleixandre // Acta Univ. Wratislaviensia. Estudios Hispánicos. – 2005. – V. 13. – n 2834. – P. 23–25.

16. *Lamíquiz V.* El superlativo iterativo // Boletín de la Filología Española. –1971. – N 38–39.

17. *Ramiro M.* Procedimientos sintácticos de énfasis en la prosa de C. J. Cela: la repetición. – Valladolid: Univ. de Valladolid, 1995.

18. *Vidal de Battini B. E.* El habla rural de San Luis. – Parte I. – Buenos Aires, 1949.

19. *Vigara Tauste A. M.* Morfosintaxis del español coloquial. – Madrid: Gredos, 1992.

Иванова А. В.
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
С-Петербург, Россия

КАТЕГОРИЯ ОБЛАДАНИЯ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИИ К АКТИВИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Репрезентация в структуре высказывания субъекта и объекта действия, выражение отношений между ними и собственно действием, занимает важное место в системе испанского глагола. Совокупность форм,

отражающих эти отношения, кроме форм, традиционно относимых к залоговым (рефлексив, пассив), целесообразно дополнить формами, составляющими своеобразие ибероромансского синтаксиса, рассмотрев последние через призму функционирования категории обладания (КО) в испанском языке.

Эта категория получает весьма не тривиальную интерпретацию еще у Аристотеля в небольшом трактате «Категории» в начале «Органона» в связи с рассмотрением ее залогового и видового потенциала (Аристотель, «Категории», XV). Позднее было отмечено, что КО состоит в генетической и универсально семантической связи с другой аристотелевой категорией «Претерпевание», так как в обеих большую роль играет категория неопределенной личности [Степанов 2002: 158]. Обе эти категории связаны также и тем, что логический субъект при предикатах, относящихся к этим категориям, всегда выражен косвенным падежом[1]. В свою очередь, обращаясь к истории возникновения и развития глагола «иметь» в индоевропейских языках, А. Мейе указывает, что причина появления данной лексемы была вызвана стремлением выразить действие как «активный и абстрактный процесс» [Meillet 1923]. Развитие в каждом отдельном случае шло от типа *mihi est* к *habeo*, но не наоборот, и выражение *habeo aliquid* является лишь вторичным вариантом *mihi est aliquid* таким образом, что глагол ‘*иметь*’ представляет собой лишь инвертированное ‘*быть у*’ [Бенвенист 1974: 212–215]. Эту тенденцию можно было бы объяснить стремлением к изоморфизму логического и синтаксического субъектов [Чинчлей 1987: 123].

[1] Связь между этими категориями определяет выявленную нами особенность залоговой интерпретации конструкции *tener+participio*. См. подробнее: [Иванова 2005: 134–137].

Тем не менее, говорить о семантико-синтаксическом тождестве этих базовых структур[2] не совсем корректно. Давно отмечено, что употребительность глагола «иметь» в индоевропейских языках Европы нарастает по мере движения с востока на запад, однако объяснение данного феномена влиянием субстратного фактора, к сожалению, в некоторых работах было расценено как неубедительное [Гак 1985: 32–33]. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что развитие в сторону расширения функционирования глагола «иметь» свидетельствует о нарастании более общей тенденции к активизации высказывания в целом и акцентуации субъектного начала при построении высказывания в языках по мере приближения к Атлантике. Так, например, в тибетском можно, видимо, говорить о «нулевой активности» субъекта, так как подлежащее переходных глаголов в этом языке всегда выражается творительным падежом (не *я сделал*, но *мною сделано*). Глагол всегда безличен; залоги совсем не различаются, таким образом, тибетскому языку совершенно чужды представления подлежащего как чего-то действующего и дополнения как чего-то затронутого действием [Рерих 1961]. В большинстве языков мира – алтайских, тюркских, финно-угорских, классическом грузинском и др. – вообще не существует лексемы «иметь». В кельтских языках в аналитических образованиях возможен только глагол «быть». В южногерманских и романских языках центральной Европы используется два глагола – «быть» с непереходными и «иметь» с переходными» глаголами в аналитических конструкциях, в то время как

[2] Всего типологии известно восемь посессивных «схем»: кроме активной, дативной и локативной здесь выделяются комитативная («X находится с Y-м»), генитивная («существует X Y-а») и некоторые другие. См. подробнее: [Heine 1997: 47].

периферийным ареалам (запад – север – восток)[3] свойственна другая типологическая черта: использование одного глагола, что связано с *иррелевантностью категории «переходность» / «непереходность»* [Зеликов 1979: 42].

Именно с этой иррелевантностью связана способность испанского глагола *tener* образовывать как субъектные, так и объектные структуры[4]. Ср.: исп. *tener acceso a uno* ‘иметь возможность встретиться с кем-то’ и исп. *tuvo un acceso* de cólera ‘он пришел в ярость’; Mañana *tengo clases* 1) ‘Завтра я даю уроки’; 2) ‘Завтра я беру уроки (чего-то)’[5].

Субъект независимо от его реальной агентивной или фиктивной роли в ситуации становится в испанском доминантой в построении высказывания и, несмотря на наличие богатого набора различных корреляций, предполагающих в большинстве случаев смену субъектно-объектных отношений, преобладает тенденция к выбору активных моделей. Из четырех базовых глаголов испанского синтаксиса – *ser* – *estar* – *haber* – *tener* – потенциалом для покрытия всех этих ситуаций обладает лишь глагол *tener*,

---

[3] Р. Тирофф предложил для обозначения данной изоглоссы термин “European maritime perfect” – ‘перфект европейского побережья’ [Thieroff 2000: 285–286].

[4] Ср. также диалектичность *habēre* в латыни: *habēre vulnus* ‘получить рану, быть раненным’ и *habēre dolorem* ‘причинять боль’ букв. ‘нести в себе причину боли для других’ [Бенвенист1974: 216].

[5] Даже такие элементарные случаи порой остаются без внимания в работах испанских исследователей. См.: [Herrero Ingelmo 2002].

не имеющий по своим функциональным возможностям аналогов в других романских языках[6].

Именно об этой «беспрецедентной для европейских языков парадигме» [Зеликов 2010], к сожалению, пишется мало. Данный иберо-романский феномен обусловлен существованием в современном испанском языке двух дихотомий глаголов – диахронической (*haber – tener*) и синхронической (*ser – estar*). Кроме того, в синхронии можно отметить практически полную взаимозаменяемость всех четырех базовых глаголов, которую мы попытаемся проиллюстрировать ниже.

tener = estar: 1. Era la costa Este la que *tenía* delante (A. Gala) = que *estaba* delante ‘Передо мной было восточное побережье’; 2. Tan emocionado y lloroso cuando vuelve a ver a mamá después de *tenerla lejos* (C. Laforet) = después de que (ella) *estaba lejos* ‘Такой взволнованный и готовый расплакаться, когда снова видит маму после, того как она долгое время была далеко от него’; 3. ¡*Estoy en mi derecho* de subir! (C. Laforet) = ¡*Tengo derecho* de subir! ‘Я имею право подняться наверх!’; 4. *Estar en posesión de* alguna de las titulaciones siguientes (в официальных документах) = *Tener* alguna de las titulaciones ‘Иметь одно из следующих званий’; 5. no sé por qué la llamábamos así, de *vacía y desamparada como la teníamos* (C. J. Cela) = de *vacía y desamparada como estaba* ‘не знаю почему мы ее так называли, ведь она у нас стояла всегда неуютная и пустая’; 6. Todavía me molestaba el muslo por la picadura, pero *no lo tenía apenas inflamado* (A. Gala) = pero *no estaba apenas inflamado* ‘Меня все еще беспокоило бедро в области укуса, хотя оно даже не

[6] Исключение составляют лишь южные диалекты Италии, в частности неаполитанский, в котором *tènere* почти повсеместно заменяет *avere* (ср. неап.: *Chi tene 'e mmane 'mpasta, nun mette 'e ddete 'nculo a' gallina*; ит. *chi sta impastando, non mette le dita nel culo della gallina*). A*vere* в свою очередь, заменяет essere при образовании сложных времен, в том числе с возвратными и глаголами движения, ср.: *haggiu juto, haggio venuto* [Rohlfs].

распухло’; 7. *Aquí tienes* a Iturdiaga (C. Laforet) = *Aquí está* Iturdiaga, Andrea – ‘Вот это Итурдиага, Андреа’. Отметим попутно дейктическую модель *he aquí*[7]: Señoras y caballeros, *he aquí* a Terence Barr (J. Marías) ‘Господа, а вот и Теренси Барр!’; 8. Este eunuco, por lo que me han contado las mujeres de la casa, es de una crueldad terrible con ellas y *las tiene aterrorizadas*[8] (P. Baroja) = y *las está aterrorizándo* ‘Этот евнух, как рассказывали мне женщины этого дома, очень жесток с ними и *держит* их в постоянном страхе’; 9. A las sobrinas de todas clases *les suelen tener sin cuidado* los tíos (C. Laforet) = Los tíos *están sin cuidado* de sus sobrinas ‘Всем на свете племянницам обычно нет дела до своих дядей’; 10. En casa *nos tenían prohibido* entablar relación alguna con esos chicos (A. Matute) = En casa *teníamos prohibido* = En casa *se nos estaba prohibido* ‘Дома нам запрещали общаться с этими ребятами’. Ср. также: La ínsula que *me tiene prometida* (Quijote, IV, 51) = La ínsula que *me está prometida* por Usted

---

[7] Статус глагольного компонента *he* в этой модели трактуется в литературе неоднозначно: 1) как дефективная безличная форма *haber* [M. Seco]; 2) наречие от арабского *hê* [M. Pidal; J. Corominas, DRAE]; 3) указательная частица [M. Moliner]; Интерпретация *he* как архаической формы императива от *haber* отрицается большинством грамматистов, однако отметим типологическое сходство в хинди, в котором десемантизированные формы повелительного наклонения глагола lenā 'брать' используются в качестве указательных частиц [Дымшиц 1986: 73]. Переосмысление исходного значения здесь основано на том, что говорящий призывает адресата приблизить к себе, взять, принять во внимание некоторую ситуацию. Интересно, что в русском языке страдательное причастие глагола *давать* может употребляться в функции, близкой к указательному местоимению *этот,* ср.: *данная* работа посвящена …, в *данном* случае …

[8] зд.: *tener = tener asido, mantener*. Ср. также *tener* ‘держать’ в каузативной функции у Сервантеса в эллиптической структуре: según él había leído en los libros que *tal le tenían* (Quijote, II, 29).

= La ínsula que *me ha prometido* = La ínsula que *tengo prometida* (если не указан актант-адресат кроме грамматического субъекта данной структуры) – ‘Остров, который Вы мне обещали’.

ser = haber: 1. ¿ toda mi vida ha sido equivocación? – Si lo ha sido, tiempo *es* de remediarlo (A. Gala) = tiempo *hay* de remediarlo ‘есть еще время все изменить’; 2. Será tarde ya, ¿verdad, chaval? – Antes de asomar el sol *es* tiempo (M. Delibes) = Antes de asomar el sol *hay* tiempo ‘Пока не выглянуло солнце еще есть время’. Ср. У Сервантеса: porque *no era razón* que caballo estuviese sin nombre conocido (Quijote, I, 27), ‘потому что было несправедливо оставить лошадь без имени’. В кастильской провинции Бискайя почти равноправно функционируют такие модели как *soy nacida* и *he* nacido, что, видимо, объясняется влиянием амбивалентного баскского *izan*[9]: *jaioa naiz* = ‘*soy nacido*’ (зд. *naiz* выступает как глагол-связка при атрибуте) и *jaio naiz* = ‘*he nacido*’ (зд. *naiz* выступает как вспомогательный глагол) [Fernández Ulloa 1979: 19].

tener = ser: 1. No tengo habilidad (P. Baroja) = No soy hábil ‘У меня нет способностей’; Ср. у Сервантеса: *soy del parecer* que no se queme (Quijote, VI, 50) = *tengo* el parecer / a mí parecer / me parece ‘мне кажется, что ее не нужно сжигать’.

haber = estar: 1. No es agradable que hables de crímenes sádicos, sobre todo *habiendo* señoras delante (J. Marías) = sobre todo cuando las señoras *están* delante ‘Неприятно, что ты рассказываешь о садистских преступлениях, особенно когда перед тобой женщины’; 2. En las paredes *hay colgados* los cuadros (A. Gala) = En las paredes *están (colgados)* los cuadros ‘На стенах висят картины’.

[9] См. подробнее: [Зеликов 1979: 44–48].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.:Прогресс, 1974.– 448 с.

2. *Гак В. Г.* К эволюции способов речевой номинации // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4.

3. *Дымшиц З. М.* Грамматика языка хинди. – Том 2. – М.: Наука, 1986. – 302 с.

4. *Зеликов М. В.* Синтаксис вспомогательного глагола в баскском языке и его ибероромансские параллели // Синтаксис испанского языка и инженерная лингвистика. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена , 1979.

5. *Зеликов М. В.* Функциональная парадигма глагола обладания в испанском и португальском языках / Сб. научн. статей, посв. 80-летию Е. М. Вольф. – М.: РАН, 2010.

6. *Иванова А. В.* К вопросу об интерпретации конструкции *tener+participio* в испанском // Испанский язык в современном мире / V Степановские чтения. – М.: РУДН, 2005. – С. 134–137.

7. *Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. – М.: Восточная литература, 1961.

8. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.

9. *Чинчлей К. Г.* Категория посессивности в типологическом освещении // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1987. – Т. 46. – № 2.

10. *Fernández Ulloa T.* Perífrasis verbales en el castellano de Bermeo (Bizkaia) // Revista Española de Lingüística. 1979. – 31/1.

11. *Heine B.* Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

12. *Herrero Ingelmo J. L.* Tener como verbo soporte // III Jornadas de Reflexión Filológica. Departamento de Lengua Española de la Universidad de Salamanca, febrero-marzo 2002. – Salamanca, 2002.

13. *Meillet A.* Le développement du verbe ‘avoir’. – Zeitschrift Wackernagel. – Göttingen, 1923. – S. 9–13.

14. *Rohlfs G.* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. – Torino: Einaudi, 1966–1969.

15. *Thieroff R.* On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.), 2000.

Ивановский З. В.

Институт Латинской Америки РАН

Москва, Россия

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУБИНСКОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

В отечественной филологии при определении статуса испанского языка в странах Латинской Америки нередко происходит смешение концептов «диалект» и «национальный вариант». На наш взгляд, более аргументирована точка зрения таких авторитетных специалистов, как Г. В. Степанов, Н. М. Фирсова, Н. Ф. Михеева и др., определяющих социолингвистический статус испанского языка в регионе как национальный вариант. По определению Г. В. Степанова, для национального варианта языка характерны «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [Степанов 1976: 100]. Аналогичным образом рассматривается это явление и применительно к английскому, французскому, немецкому, арабскому и другим языкам, используемым в качестве официальных в нескольких странах, при этом национальные варианты считаются подсистемами более высокого уровня по сравнению с диалектами и могут иметь собственные диалектальные разновидности.

Нельзя не согласиться с мнением Н. М. Фирсовой, утверждающей, что для успешного осмысления функционирования испанского языка в

Латинской Америке и для развития междисциплинарных направлений необходимо проводить специальные исследования с последующим сопоставительным анализом в рамках отдельных латиноамериканских государств [Фирсова 2007: 25].

Огромное влияние на развитие того или иного языка оказывают экстралингвистические факторы, относящиеся к социальной, культурной, религиозной и политической истории народа, без изучения которых невозможно лингвистическое решение того или иного вопроса [Степанов 2004; Шишмарев 2002; Будагов 1963; Фирсова 2007; Григорьев 2006].

В специфических условиях той или иной страны важнейшую роль играют государственный строй, политическая ситуация и специфика социально-экономической модели развития [Томахин 1984; Иовенко 2005]. Для особенностей лексического состава кубинского варианта испанского языка именно этот фактор имеет первостепенное значение.

Не менее важно и наличие многочисленной кубинской диаспоры, достигающей 2 млн. чел. Хотя кубинская эмиграция представлена в различных странах мира, примерно 70% эмигрировавших кубинцев находится в США, а г. Майами стал, по определению самих кубинцев, этническим анклавом [Emigración 2000: 52]. При этом, как справедливо отмечается в монографии «Латиноамериканские диаспоры в США», среди испаноязычного населения США именно кубинцы обладают самой большой экономической силой и политическим влиянием, после революции 1959 г. они сохраняют сообщество «политических изгнанников», для них характерна высокая степень вовлеченности в развитие ситуации на родине [Латиноамериканские диаспоры 2003: 157]. Важно также отметить, что, несмотря на препятствия, создаваемые как правительством Кубы, так и США, между нацией и эмиграцией установились достаточно тесные контакты, что не может не отразиться и на развитии кубинского варианта

испанского языка (КВИЯ). В данном случае под КВИЯ по аналогии с методикой, разработанной Н. Ф. Михеевой для мексиканского варианта, мы понимаем язык кубинцев вне зависимости от страны проживания [Михеева 2002]. Отличия КВИЯ от остальных вариантов минимальны на академическом уровне и существенны в разговорной речи и официальной пропаганде.

Длительное сотрудничество Кубы с Советским Союзом, большое количество советских специалистов, работавших на Кубе, и значительное количество кубинцев, обучавшихся в СССР, многочисленные межнациональные браки способствовали появлению в КВИА русизмов. Непосредственные заимствования из русского языка малочисленны: *curtka, sumka, esmetana*. Некоторое отражение нашли реалии нашей жизни: *carne rusa* – ‘тушенка’, *diplotienda* – ‘валютный магазин для иностранцев’, *comedor obrero* – ‘рабочая столовая’, *aproductamiento* – ‘отоваривание’, *jabita* – ‘продуктовый и промтоварный заказ’. Гораздо большую роль сыграло многочисленное калькирование социалистических реалий, уже давно забытых в нашей стране и не встречающихся в других вариантах испанского языка, однако до сих пор успешно использующихся в пропагандистских клише в кубинском официальном стиле: *núcleo de partido* – ‘партийная ячейка’; *reunión del colectivo* – ‘собрание коллектива’; *emulación socialista* – ‘соцсоревнование’; *contraplán* – ‘встречный план’; *a raíz de los señalamientos* – ‘в свете указаний’; *colocarse en la primera trinchera* – ‘находиться в авангарде’; *supervisar* – ‘курировать’; *repensar el marxismo* – ‘переосмыслить марксизм’; *purgas ideológicas* – ‘идеологические чистки’; *rectificar los errores* – ‘исправлять ошибки’ и т. д.

После дезинтеграции СССР и фактического прекращения двустороннего сотрудничества на Кубе был объявлен так называемый «особый период» в мирное время, сопровождавшийся резким ухудшением социально-экономической ситуации. В кубинской жизни появились новые

реалии, которые пополнили КВИЯ новыми словами либо расширили их привычные значения: *guamón* ‘гибрид грузовика и автобуса’; *camello* ‘трактор, тянущий платформу’; *picadillo texturizado, masa cárnica, fricandel* ‘эрзац-продукты с минимальным содержанием мяса’; *proteína* ‘любые продукты, содержащие белок’; *apagón* ‘длительное отключение электроэнергии’; *triciclo* ‘велорикша’.

Массовая политическая и экономическая эмиграция в США породила целый ряд терминов с различной стилистической окраской: *gusanería* – ‘контрреволюция’ (букв. ‘червяки’); *escoria* – ‘отбросы’; *marielitas* – ‘кубинцы (125 тыс.), покинувшие страну через порт Мариэль’; *balseros* – ‘бальсерос’ (рискующие жизнью беженцы на подручных плавучих средствах)[1]; *ley de ajuste cubano* – ‘закон о регулировании кубинской миграции’; *pie seco* – ‘беженцы, достигшие территории США’; *pie mojado* – ‘беженцы, захваченные береговой охраной в территориальных водах США’.

Распределительных характер кубинской экономики нашел отражение в терминах *racionamiento* – ‘нормирование товаров’; *mercado paralelo* – ‘свободная торговля’; *ropa reciclada* – ‘«секонд хэнд»’; *tiendas estatales de estimulación* – ‘магазины для продажи товаров передовикам производства’; *libreta* – ‘продуктовые и промтоварные карточки’. Элементы рыночной экономики дали свет таким концептам, как *despenalización del dólar* – ‘легальное обращение доллара’; *dualismo monetario* – ‘параллельное обращение валют’; *cuentapropista* – ‘индивидуальный предприниматель’; *paladar* – ‘частное кафе’; *remesas* – ‘денежные переводы из США’; *chavito o peso convertible* – ‘«фантик» или конвертируемый (внутри страны) песо’;

[1] По ориентировочным данным, при пересечении Флоридского пролива погибло до 100 тыс. чел. [Латиноамериканские диаспоры 2003: 172].

vendedor al detalle en punto fijo – ‘продавец товаров в розницу с фиксированным местом работы’[2].

В пропагандистских целях официальная публицистика все чаще стала использовать политические эвфемизмы [Родченко 2004: 74]: *reuniones individuales* – ‘вызов на ковер или на объяснение с представителями спецслужб’; *flexibilización del mercado de trabajo* – ‘рационализация использования рабочей силы т.е. сокращение штатов’; *desvinculación laboral* – ‘увольнение (букв. утрата связи с рабочим местом)’; *suministro de energía alimentaria* – ‘пополнение калорий (поставки пищевой энергии)’; *desaleración* – ‘промышленный спад (букв. снижение ускорения)’.

Разная идеология и политическая культура и взаимоисключающая оценка тех иных явлений на самом острове и в зарубежье привела к созданию параллельных терминов для одних и тех же концептов: *bloqueo – embargo* ‘блокада’ – ‘эмбарго’; *emigrados – refugiados* ‘эмигранты’ – ‘беженцы’; *emigración – éxodo* ‘эмиграция’ – ‘массовый исход’; *apátridas mercenarios – prisioneros de la conciencia* ‘предавшие родину наемники’ – ‘узники совести’; *prisioneros del imperio – espías castristas* ‘узники империи’ – ‘кубинские шпионы’; *connotado criminal y terrorista – luchador anticastrista* ‘известный преступник и террорист’ – ‘борец с режимом Кастро’ и т. д. В то время как испаноязычная печать США, сохраняющая резко критичное отношение к кубинскому режиму, по языку и стилю приближается к академическим исследованиям (исключение составляют блоги и письма читателей), для кубинских официальных изданий характерны публицистическая риторика и использование резких выражений: *lamebotas, groseras y desesperadas maniobras, les sale el tiro por la culata, llenar necias cuartillas, camarilla corrupta, terrorista y torturadora, intentan ocultar el sol con el dedo, ignomia del*

[2] Анализ современного социально-экономического и политического положения Кубы дается в работе: [Куба 2007].

imperialismo decadente и т. п. И для тех, и для других характерно символическое использование цифр, понятных каждому кубинцу: *número dos* – Рауль Кастро; *Los Cinco de Miami* – агенты кубинских спецслужб, отбывающие наказание в США; *los 75* – кубинские диссиденты, приговоренные к длительным срокам тюремного заключения; *tener 33* – иметь доступ к международной линии связи. Обе стороны активно используют адъективную тенденцию испанского языка, однако за одними и теми же суффиксами закрепилась различная стилистическая окраска: *fidelista* – сторонник Ф. Кастро на Кубе, но *castrista* – исключительно в США и с негативной оценкой, *raulista* – нейтрально, но только в США.

Для молодежной субкультуры и частично для разговорной речи характерно широкое использование слов и выражений из эстрадных песен, тиражируемых СМИ: *me gusta cantidad, es un pasta, está pasmao, préstame un caña que no hay maraña*; бейсбольного жаргона: *está en tres bolas y dos strikes, la botó de jonrón*; компьютерной лексики: *no lo tengo en el disco duro, dale enter, se le calentó la placa*; активизации религиозных терминов: *puros* – ‘родители’, *santería, carismático, sincretismo*. В связи с ростом туризма и активным изучением английского языка в разговорной речи появляется значительное количество англицизмов: *bisnero, quei, brother, dame break.* Среди кубиноамериканцев, особенно второго поколения, широко используется *Spanglish* и *Cubonics* – калькирование кубинских фразеологизмов в английской речи: *I care three cucumbers, he falls so thick on me, you shipped me off.*

Приведенные примеры убеждают, что недостаточная страноведческая подготовка и незнание национальных реалий может вызвать существенные трудности при переводе и понимании лексики кубинского варианта испанского языка или же неадекватную передачу стилистической окраски.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Будагов Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. – М.: Изд-во МГУ,1963. – 302 с.

2. *Григорьев В. П.* История испанского языка. – М.: Высшая школа, 2006. – 176 с.

3. *Иовенко В. А.* Теоретический курс перевода. Испанский язык. – М.: ЧеРо, 2005. – 132 с.

4. *Куба* – Куба: от адаптации к переменам? / отв. ред. В. М. Давыдов. – М.: ИЛА РАН. Серия «Саммит», 2007. – 116 с.

5. *Латиноамериканские диаспоры в США* / Дьякова Л. В., Коваль Б. И. и др. – М.: Наука, 2003. – 280 с.

6. *Михеева Н.Ф.* Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки. Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 185 с.

7. *Родченко А. В.* «Особый период» и политические эвфемизмы на Кубе // Проблемы перевода и межкультурной коммуникации. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. – С. 74–78.

8. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – 224 с.

9. *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – М.: УРСС, 2004. – 328 с.

10. *Томахин Г. Д.* Теоретические основы лигнвострановедения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1984. – 45 с.

11. *Фирсова Н. М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 352 с.

12. *Шишмарев В. Ф.* Очерки по истории языков Испании. – М.: УРСС, 2002. – 344 с.

13. *Emigración* – Emigración cubana. – La Habana, 2000.

Исенко Л. А.

Российский университет дружбы народов

Россия, Москва

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН ИНДИКАТИВА ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ В УРУГВАЙСКОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЕ

Проблема функционирования прошедших временных форм индикатива в текстах уругвайской телерекламы является одним из аспектов проводимого нами исследования особенностей языка телевизионных рекламных текстов уругвайского национального варианта испанского языка. В ходе этой работы были проанализированы 500 телевизионных рекламных роликов, показанных на крупнейшем уругвайском телеканале TELEDOCE в период с 2004 по 2007 гг.

В результате анализа было выявлено, что из глагольных форм всех наклонений наиболее употребительными в текстах уругвайской телевизионной рекламы являются временные формы индикатива, которые указывают на реальный характер действий в настоящем, прошедшем и будущем времени. Результаты проведенного исследования количественного распределения временных форм индикатива в текстах уругвайской телерекламы приводятся в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение временных форм индикатива

Настоящее	Будущее простое	Будущее сложное	Претерит	Перфект	Имперфект	Плюсквам-перфект	Претерит антериор	Всего:
1241	41	0	139	1	22	1	0	1445
85,8%	2,8%	0%	9,6%	0%	1,5%	0%	0%	

В данной статье мы ограничимся рассмотрением только прошедших временных форм индикатива, употребляющихся в телевизионных рекламных текстах уругвайского национального варианта испанского языка для выражения предшествования действия.

Наши наблюдения показали, что в текстах уругвайской телерекламы предпочтение отдается простым прошедшим временам индикатива: *претериту (Pretérito Simple)* и *имперфекту (Imperfecto)*. Отсутствие сложных форм прошедших времен индикатива – *плюсквамперфекта (Pretérito Pluscuamperfecto), перфекта (Pretérito Perfecto) и претерита антериора (Pretérito Anterior)* – определяется свойственным языку рекламы принципом экономии и тенденцией к упрощению.

Таблица 1 свидетельствует о том, что наиболее употребительным из прошедших времен индикатива в текстах уругвайской телерекламы является *претерит,* который используется, главным образом, в тех случаях, которые, согласно традиционным грамматикам, свойственны перфекту. Претерит выражает следующие действия.

1. только что законченное относительно момента речи действие и в силу это сохранившее связь с данным моментом.

– Julio, ¿cómo le va?

– Mal. Con problema de plata.

– Y ¿por qué no pide el préstamo en FUCAC? Le prestan desde 2000 hasta 30000 pesos con cuotas bien bajitas. Aparte sacarlo es bien fácil. ¿por qué no llame? 7127070.

– ¿cómo **dijo**?

– 7127070.

2. прошедшее законченное действие, свершившееся в период времени, который еще не закончился к моменту речи. При этом прошедшее действие воспринимается как событие, не утратившее своего значения для настоящего

момента, а глагольная форма сопровождается словами и словосочетаниями типа *hoy, esta semana, este mes, este año* и т. п.

– ¿Cuántas veces **seguiste** hoy a tu naturaleza? SALUS. Está en tu naturaleza.

3. прошедшее законченное действие, причем время его совершения не уточняется, оно может быть даже достаточно удаленным от момента речи, однако, с точки зрения говорящего, это действие сохраняет свою неразрывную связь с настоящим временем, к нему еще проявляется интерес, его результаты еще ощутимы, оно имеет свои последствия и т. д.

– Lo **viste**. Lo **sentiste**. Lo **probaste**. Te **gustó**. Desde ahora Master Blend. Special Reserve Whisky.

4. прошедшие, законченные, неоднократно повторяющиеся в прошлом действия. В этом случае глагольная форма сопровождается такими словами и словосочетаниями как *nunca, jamás, siempre, toda la vida, muchas veces, varias veces, más de una vez*. Действия, сопровождаемые вышеперечисленными словами, воспринимаются носителями испанского языка как единый заключительный акт, как конечный результат всех не раз повторившихся в прошлом действий. К тому же этот конечный результат принадлежит моменту речи и сохраняет свое значение для этого момента.

– Si sos asesoriado o jubilado, ganás menos de 6000 pesos en FUCAC creamos un crédito especial para vos. Menos tasa de interés para que estas fiestas y vacaciones disfrutes como *siempre* **soñaste.** Pedílo al 7120707. En FUCAC lo hacemos simple.

Следует отметить, что данное явление, свойственное испанскому языку, отмечают многие испанисты, как отечественные, так и зарубежные. Г. В. Степанов пишет: «Формы pretérito perfecto simple (canté) в

американском варианте проявляют тенденцию к вытеснению и замене форм presente perfecto (he cantado)»[1].

В свою очередь С. Хили-и-Гайя находит, что в обширных зонах Латинской Америки (таких, как Рио дела Плата, Коста-Рика) господствующей формой выступает претерит [Gili y Gaya 1968: 160].

Количественное преобладание в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка форм *претерита* в ситуациях, в которых в пиренейском национальном варианте отдается предпочтение формам *перфекта*, отмечали Х. Саморра Мунне и Х. Гитарт [Zamora Munné, Guitart 1982: 170], М. Вакеро [Vaquero 1996: 29], Н. Донни де Миранде [Donni de Mirande 1992: 666–668], Х. Фернандес Лопес [Fernández López 2004] и др.

При этом необходимо отметить, что формы *претерита* встречаются в уругвайских телевизионных рекламных текстах не только в значениях, свойственных *перфекту* (60% от всех форм *претерита*), но и в своих основных значениях (40%). Об этом ярко свидетельствуют следующие примеры.

> **Se realizó** días pasados el lanzamiento de la nueva fórmula de Nevex con perlas revitalizadoras. En el mismo **se realizó** la demostración del proceso de recuperación del blanco utilizando una tela percudida, lavándola en la forma habitual como lo hacen los consumidores y aplicando el nuevo Nevex. Todos los presentes **pudieron** comprobar los resultados de la recuperación inmediata del blanco original.

Для обозначения прошедших имперфективных действий употребляют *имперфект*. Вместе с тем следует подчеркнуть, что это время в языке уругвайской телерекламы составляет всего 1,5 % от всех глагольных временных форм.

---

[1] Цит. по: [Фирсова 2002: 180].

Hasta el 20 de febrero Los Discontinuados de Divino. Pasé un minuto por Divino y encontré justo el juego de comedor que **necesitaba** y una silla que me **venía** bárbaro para el escritorio. Y sabés que me compré – una mesa de luz lindísima, la última, casi regalada. Únicamente hasta el 20 de febrero.

Проведенный нами анализ функционирования прошедших временных форм индикатива для выражения предшествования действия позволил выявить их количественное распределение в рассмотренном жанре в уругвайском национальном варианте испанского языка. Присущее языку уругвайской телерекламы использование прошедших временных форм индикатива для выражения предшествования действия способствует усилению прагматического воздействия рекламного текста на реципиента, а также отражает национально-культурную специфику телевизионных рекламных текстов уругвайского национального варианта испанского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фирсова Н. М.* Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол: учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 352 с.

2. *Donni de Mirande N.* El sistema verbal en el español de la Argentina. – Buenos Aires, 1992.

3. *Fernández López J.* El Español de América. – 3-ra edición. – Madrid. Editorial Cátedra, 2004.

4. *Gili y Gaya S.* Curso superior de sintaxis española. – La Habana: Edición revolucionaria, 1968. – 347 p.

5. *Vaquero M.* El español de América II: Morfosintaxis y léxico. – Madrid: Arco / Libros, 1996.

6. *Zamora Munné J. C. y Guitart J. M.* Dialectología hispanoamericana: teoría, descripción, historia. – Salamanca: Ediciones Almar, 1982.

Энрике Ф. Керо Хервилья
университет Гранады,
Испания

Вотякова И. А.
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *ПРИЯТНЫЙ И НЕПРИЯТНЫЙ* ПРИ ВЫРАЖЕНИИ СЕНСОРНО-ВКУСОВОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Многие мыслители, от Аристотеля до фон Вригта, включая Гоббса, Локка, Канта, Бентана, Сидвика, Мора, а также целый ряд наших современников, стояли на подступах к разрешению проблемы оценки, вызванной отсутствием точных и ясных критериев, мотивирующих какое-либо суждение о предмете или явлении. Известно, что говорящий выражает свое отношение к явлениям окружающего мира и событиям, пользуясь определенными языковыми средствами оценочного характера. Несмотря на то, что бывает совсем не сложно выявить слова, которые содержат в себе элемент оценки, зачастую трудно определить их целенаправленность и намерение того, кто выносит это оценочное суждение. Как утверждает Н. Д. Арутюнова, «оценка создает совершенно особую, отличную от природой, таксономию объектов и событий» [Арутюнова 1988: 62]. Оценочные суждения подразделяются на общеоценочные и частнооценочные. К первым относятся те суждения, которые содержат самый общий взгляд на вещи с точки зрения их природы или предназначения. Частнооценочное суждение выражает субъективное отношение говорящего к оцениваемому объекту как проявление возникающей между ним и данным объектом связи [Арутюнова 1988; Вольф 2002]. Самое сложное в процессе

анализа оценочных суждений заключается в том, что они не всегда легко поддаются разложению на семантические компоненты, отражающие определенную сторону или аспект оценки. Кроме того, рассматривая употребление прилагательных оценочного характера, мы отдаем себе отчет в том, что не так просто бывает определить, чем, собственно, мотивирована положительная или отрицательная оценка явления или предмета. В частнооценочном суждении важен взгляд его носителя на природу вещей, поэтому в нем преобладает субъективный компонент. Каждый по-своему оценивает свойства объектов действительности, и этот субъективный критерий приводит к тому, что им приписываются разные значения в зависимости от точки зрения оценивающего их субъекта и его эмоциональной сферы.

Естественно, что личностный подход, лежащий в основе оценки, приводит к тому, что при переводе оценочного прилагательного на другой язык мы сталкиваемся с возможным несовпадением или частичным совпадением типов частнооценочного значения языка – оригинала и языка перевода (т. е., с их принадлежностью к разнотипным семантическим сферам). «Субъективный и объективный компоненты оценочного значения в языке представляют собой диалектическое единство с весьма сложными и меняющимися соотношениями в пределах каждого ряда языковых единиц» [Вольф 2002: 28 / 29].

Во всех языках существуют оценочные слова, предназначенные отражать позитивное или негативное восприятие действительности, но основания оценки зачастую размыты. Так, говорящий обычно не задумывается, прежде чем высказывает какое-либо суждение (позитивное или негативное) об определенном предмете или событии.

По нашему мнению, при проведении сравнительного анализа прилагательных, отражающих оценочные значения, следует придерживаться следующих параметров:

1. Тип оценочного значения: общеоценочное, или частнооценочное.

2. Место, которое занимает оценочное прилагательное на шкале типов анализируемых оценочных значений. В случае частнооценочного значения, необходимо выяснить, к какой категории оно принадлежит (сенсорно-вкусовая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная, нормативная или телеологическая) [Арутюнова 1988: 75].

3. Отнесенность оцениваемого объекта, выраженного существительным, к той или иной стороне действительности. В этом случае надо заметить, что язык бывает «капризен»: совсем необязательно, чтобы оценочный предикат, приложимый в русском языке к существительному, обозначающему данный круг объектов действительности, переводился на испанский язык словом, приложимым к существительному, обозначающему тот же самый круг объектов действительности.

4. Частота употребления наиболее приемлемого языкового эквивалента прилагательного с оценочным суждением по отношению к отображаемой им действительности как в переводе, так и в оригинале.

5. Стиль: нейтральный, литературный, высокий, низкий, и т. д.

Исходя из анализа этих параметров в приложении к языку оригинала, мы можем выбрать оптимальный вариант перевода прилагательного со значением оценки на другой язык. В данной работе на основании обозначенных выше параметров на материале русского языка будут проанализированы прилагательные сенсорно-вкусовой оценки и их значения как способ адекватного перевода на испанский. Возьмем для исследования ту эмоционально окрашенную лексику, которая подразделяется на группы с положительной или отрицательной оценкой в общей системе оценочных прилагательных выбранной нами лексико-семантической категории, встречающихся в русской речи.

Выберем для анализа наиболее употребительные прилагательные сенсорно-вкусовой оценки, входящие в лексический состав русского языка, и попытаемся найти аналогичные им лексемы в испанском языке.

Наиболее употребительным, по данным материалов Национального корпуса русского языка, является прилагательное **«приятный»**, которое в русском языке встречается почти в 5 раз чаще, чем «вкусный», «привлекательный»; в 8 раз чаще, чем «душистый». Это объясняется универсальностью данного прилагательного. Кроме того, оно имеет наибольшее количество синонимов. *Приятный* обозначает «доставляющий удовольствие, радующий; привлекательный, нравящийся; вызывающий симпатию, расположение». *Неприятный* обозначает «не нравящийся (своими качествами, свойствами и т. п.); вызывающий огорчение, неудовольствие». ***Приятными*** или ***неприятными*** могут быть: ***беседа*** *// conversación agradable / desagradable;* ***вечер*** *// tarde agradable / tarde desagradable;* ***вещь*** *// cosa buena o agradable;* ***вкус*** *(например, пива) // buena cerveza, la cerveza tiene un sabor agradable;* ***воспоминание*** *// recuerdo agradable / recuerdo desagradable;* ***впечатление*** *// buena impresión, impresión agradable / mala impresión, impresión desagradable;* ***голос*** *// voz agradable;* ***женщина*** */ / mujer agradable / desagradable;* ***запах*** *// buen olor o olor agradable / mal olor o olor desagradable; отношение // buena / mala relación;* ***звук*** *// sonido agradable / desagradable;* ***личность*** *// personalidad agradable;* ***место*** *// lugar agradable / lugar desagradable;* ***мужчина*** *// hombre agradable / hombre desagradable;* ***мысль*** *// pensamiento agradable / pensamiento desagradable;* ***неожиданность*** *// sorpresa agradable / desagradable;* ***новость*** *// buena noticia / mala noticia;* ***ощущение*** *// buena sensación, sensación agradable / mala sensación, sensación desagradable;* ***последствия*** *// consecuencia agradable / consecuencia desagradable;* ***разговор*** *// conversación agradable / desagradable;* ***событие*** *// acontecimiento agradable / acontecimiento desagradable;* ***сообщение*** *// buena noticia, noticia agradable / mala noticia, noticia desagradable;* ***сюрприз*** *// sorpresa agradable / sorpresa desagradable* и др. Например: После них в классе остался *приятный запах спирта и неприятный лекарства* // Cuando ellos se fueron en la clase se quedó impregnada de *un agradable olor a alcohol y un desagradable olor a medicina* (Фазиль Искандер); У газетчика много забот, которые следует

классифицировать не по признаку «***приятные***», «малоприятные» и «совсем ***неприятные***», а по признаку «нужные» и «ненужные» // El periodista tiene muchas obligaciones que es mejor clasificar no en función de si son ***agradables***, poco agradables o muy ***desagradables***, sino por el hecho de si son o no necesarias (Валерий Аграновский) и др.

Как можно убедиться из вышеприведенных примеров, при выражении названного частнооценочного значения «доставляющий удовольствие, радующий; привлекательный, нравящийся; вызывающий симпатию, расположение» прилагательное *приятный* при переводе на испанский язык имеет несколько возможных эквивалента: *bueno, agradable y bonito*. Выбор прилагательного зависит от категории существительного, к которому относится прилагательное *приятный*.

Когда речь идет о лицах *(мужчина // hombre agradable / hombre desagradable; женщина // mujer agradable / desagradable)* прилагательное *приятный* встречается лишь при выражении самого поверхностного суждения. Ни в русском, ни в испанском языках оно не затрагивает глубинных основ оценки человеческой личности, в противоположность антонимичной паре *хороший / плохой* (*Он хороший человек // Él es una buena parsona; Он плохой человек // Él es una mala persona*).

Что же касается оценки событий и существительных с абстрактным значением, в испанском уместно употребление синонимов *приятный / agradable* и *хороший / bueno*: *запах // buen olor* или *olor agradable / mal olor; впечатление // buena impresión, impresión agradable / mala impresión, impresión desagradable* в качестве абстрактных прилагательных, характеризующих сенсорные ощущения, возникающие при оценке объекта с помощью обоняния и пяти чувств (*приятный запах // buen olor* и *olor agradable*). В меньшей степени прилагательное *agradable* применимо к событиям *(приятная новость // noticia agradable)*, более идиоматично звучит по-испански прилагательное *bueno (приятная новость // buena noticia).*

В частнооценочных суждениях *agradable* не всегда может служить эквивалентом прилагательного *приятный* прежде всего по отношению к неодушевленным существительным; с неисчисляемыми существительными оно неидиоматично (*приятное пиво // cerveza agradable).* В последнем случае мы обязательно должны указать то качество референта, которое выступает объектом оценки, например, запах или вкус (*La cerveza tiene un olor agradable, un sabor agradable* или же *Este jersey tiene un textura agradable* (если речь идет о тактильных ощущениях), чтобы было ясно, что прилагательное обозначает именно это, а не какое-то иное свойство предмета. Испанскими эквивалентами прилагательного *неприятный* являются *malo, desagradable* и *feo* и, как можно заметить на основании анализа, предварительно сделанного нами перевода, они имеют то же функциональное значение, что и слова, принадлежащие к группе положительной оценки *bueno* и *agradable.* Иначе говоря, *desagradable* употребляется по отношению к лицам и абстрактным существительным, обозначающим сенсорные ощущения на основании пяти чувств (неприятный запах *// mal olor* или *olor desagradable*), но не употребляется с неодушевленными неисчислимыми существительными (но: *cerveza desagradable*). Если *неприятный* употребляется по отношению к физическим недостаткам человека, оно переводится как *feo: неприятный нос // nariz fea.*

Оценочная характеристика ощущений и впечатлений, несмотря на свою прагматическую зависимость, оказывается важной для человека. Сказать о том, вкусна ли пища, приятен ли у человека голос, хорошо ли пахнет цветок, иногда бывает достаточно для характеристик объекта. Возможно, что именно та роль, которую отводит человек сенсорной оценке, блокируют создание в этой области разветвленных концептуальных систем [Арутюнова 1988: 85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.

2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человекам. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.

3. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.

4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

Корман Е. А.

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия семантика фразеологизмов находится в фокусе пристального внимания многих лингвистов по всему миру. Изучение семантики фразеологизмов представляется сущностно важным для определения роли лексико-фразеологической системы в плане репрезентации языковой картины мира и формирования этнокультурного стереотипа. В подобном контексте фразеологизмы с анималистическим компонентом *(ФЕАК)* представляют собой достаточно благодатный материал для анализа, так как, с одной стороны, входят в число самых многочисленных групп ФЕ испанского языка, насчитывая, по нашим данным, 2515 единиц. С другой стороны, рассматриваемые фразеологизмы способны охарактеризовать самые разные стороны действительности – от абстрактных отношений и форм существования материи до социальной организации общества, демонстрируя при этом глубинные связи не только между однородными, но и между разнородными явлениями окружающего мира.

Необходимо отметить, что семантическое значение ФЕАК носит комплексный характер: фразеологизмы не только обозначают денотат и содержат его характеристику, но и выражают положительную, нейтральную либо отрицательную оценку обозначаемого явления адресантом, его эмоции. Данный факт обусловлен ярко выраженной внутренней формой ФЕ – в частности, денотативным, сигнификативным или коннотативным аспектами значения анималистического компонента, что и предопределяет повышенную экспрессивность и высокую образность единицы в целом. По мнению Т. З. Черданцевой, именно внутренняя форма фразеологизма (образно-метафорическая или символьная по своей основе) позволяет выявить существенные межъязыковые различия, фиксирующие несовпадения в интерпретации определенных фрагментов действительности разными языковыми сообществами, в то время как дефиниция (дескриптор) ФЕ, как правило, носит универсальный характер [Черданцева 1996: 69].

Детерминируя ***личностную сферу*** индивида, ФЕАК указывают на такие характеристики, как *вес, рост, возраст, внешние данные* лица. При этом наблюдаются некоторые особенности в плане обозначения *физических, интеллектуальных* и *моральных качеств личности* фразеологизмами в зависимости от биологической принадлежности анималистического компонента, входящего в их состав.

Отмечается, что самый широкий спектр значений выражается **ФЕ с анималистическим компонентом - наименованием млекопитающего,** что, на наш взгляд, обусловлено бóльшим процентным соотношением рассматриваемых фразеологизмов в испанском языке (1284 единицы – 51% от общего количества ФЕАК), а также их частым использованием в процессе коммуникативной деятельности. Итак, семантика данной подгруппы ФЕ связана с такими параметрами, как:

1. **физические качества:** а) соотносимые с органами чувств – *острое зрение*: *vista de lince*; *тонкий нюх*: *olfato de perro perdiguero*; *хороший слух*:

oído de liebre; б) опытность: *gato viejo – тертый калач*; в) выносливость (как правило, с компонентом - наименованием копытного животного): *tener más alma que un caballo*; г) слабость (как правило, с компонентом наименованием небольшого по размеру млекопитающего): *más manso que gata vieja*; д) проворность: *tener más pies que un galgo*; е) нерасторопность: *hecho un camello – медлительный* и др.

2. **интеллектуальные качества:** а) высокий или низкий уровень интеллектуального развития: *más listo que una ardilla*; e*l que asno nace, asno muere*; б) сумасшествие, с компонентами *mono 'обезьяна', gato 'кот', cabra 'коза'*: *más loco que una espuerta de gatos*; в) хитрость, коварство, с компонентами *zorro 'лиса', mono 'обезьяна', toro 'бык'*: *más astuto que una zorra*.

3. **черты характера:** это достаточно большой набор признаков от неаккуратности до авторитарности. При явном преобладании негативных параметров имеются и положительные качества, такие как а) смелость, с компонентами *tigre 'тигр', león 'лев'*: *más valiente que un tigre;* б) терпеливость, с компонентами *asno, burro 'осел', cordero 'ягненок'*: *ir como cordero a su manada*; в) бережливость: *come como el erizo que después que ha comido se lleva lo que sobra en las púas – 'запаслив как еж, что не доел, то на себе унес'*; г) трудолюбие, с компонентами *asno, burro, mulo 'осел', 'мул', buey 'вол'*: *trabajar más que un buey*; д) невинность, целомудрие, с компонентом *cordero 'ягненок'*: *más dócil que un cordero* и др.

Среди **фразеологизмов с компонентом - наименованием птицы** (684 ФЕ – 27,2%) при обозначении физических, интеллектуальных и моральных качеств человека отмечается противопоставление домашних и остальных видов птиц. В интеллектуальном плане практически со всеми видами птиц кроме орла – *águila* – соотносится *глупость, забывчивость*.

1. ***компонент - наименование домашней птицы*:** а) флегматичность, медлительность: *tener sangre de pavo*; б) прожорливость: *comer a lo pavo*;

в) заботливость, с компонентом *gallina ‘курица’*: *como gallina con huevos*; г) назойливость: *ser más pesado que un pavo*; д) заносчивость: *parecer un pavo real*; е) влюбчивость: *más puta que las gallinas*; ж) трусость: *tener mucho pavo*.

2. ***компонент - наименование хищной птицы*:** а) зоркость: *vista de águila*; цепкость: *estar en papo de buitre*; б) паразитизм: *parecer un buitre*.

3. ***компонент - наименование городской птицы:*** а) слабость: *tener menos aliento que un gorrión*; б) быстрота, проворность: *paloma mensajera*; в) недоедание, легкий вес: *pesar menos que una golondrina*; г) невинность, безобидность, с компонентами *paloma, tórtola ‘голубь’, ‘горлица’*: *inocente como una paloma torcaz*; д) подозрительность: *dormir en un pie como las grullas*; е) болтливость: *haber comido arroz con perico*; ж) ветреность: *como el ave del paraíso*; з) скупость, с компонентом *urraca ‘сорока’*: *parecerse a la urraca.*

Фразеологизмы с компонентом - наименованием насекомого (292 ФЕ – 11,6%) характеризуются преимущественно отрицательной оценочностью, что обусловлено ярко выраженной внутренней формой (анималистическим образом) и негативным отношением к нему в испанской этнокультуре. Таким образом, данные единицы обозначают: а) физические изъяны человека: *más feo que un grillo – ‘пучеглазый’*; прожорливость, с компонентами *gusano ‘червь’, lombriz ‘гусеница’, langosta ‘саранча’*: *comer más que un gusano de seda;* недоедание, с компонентом *hormiga ‘муравей’*: *comer menos que una hormiga*; быстрота (вызванная, как правило, страхом или желанием наживы): *como las mariposas a la luz, separarse como un puñado de moscas*; б) глупость, сумасшествие: *tener menos seso que un mosquito, más loco que una jaula de grillos*; в) болтливость: *hablar como una chicharra en verano*; г) назойливость: *pegarse como nigua*; д) неусидчивость: *revolcarse como gusano en brasas*; е) злоязычие, вредность: *hacer más daño que la carcoma*; ж) трусость: *tener menos alma que un mosquito*; з) жадность: *arañita para su*

casa; и) заносчивость: *tener la cabeza llena de grillos*; к) лицемерие: *hacerse la mosquita muerta*.

Положительные ассоциации вызывают только образы пчелы *'abeja',* муравья *'hormiga',* шелкопряда *'gusano de seda'* и светлячка *'gusano de luz'*: *laborioso como el gusano de seda, aplicada como la hormiga.*

Значение **ФЕ с анималистическим компонентом - наименованием водного животного** – *рыбы, моллюска, амфибии, членистоногого* (165 ФЕ – 6,6%), прежде всего, соотносится с таким качествами, как: а) медлительность, нерасторопность *(амфибии)*: *parecer una rana*; б) глупость, невежество *(рыбы)*: *estar pez 'не знать ни бельмеса'*; в) нелюдимость, затворничество: *como el caracol en su concha*; г) злоязычие *(моллюски)*: *como el caracol, siempre babeando*; д) неусидчивость: *saltar rana*.

Дескриптором **фразеологизмов с анималистическим компонентом - наименованием пресмыкающегося** (90 ФЕ – 3,6%) во многих случаях выступают такие качества, как: а) проворность, быстрота: *huir como una lagartija*; б) прожорливость***:*** *tener dos hileras de dientes como los camaleones*; в) хитрость, ум: *más taimado que un cocodrilo*; г) непоседливость: *como rabos de lagartijas*; д) злоязычие, вредность: *el huevo de la serpiente* – '*средоточие злобы'*; е) лицемерие: *parecer un camaleón*; ж) трусость: *más cobarde que una lagartija.*

Следует отметить, что ФЕАК также выражают характеристики ***темпоральные*** *– cuando vayan a tener pelos las tortugas*; ***погодные*** *– canta la chicharra 'настоящее пекло'*; ***цветовые*** *– de color de sangre de toro,* ***локальные*** и ***формальные***, причем два последних параметра свойственны только для **ФЕ с компонентом - птицей**: *a tiro de gorrión 'в нескольких шагах', como cola de pavo ' веером'*.

В разряде ***ФЕАК-интенсификатов*** выделяются единицы, обозначающие *количество, размер и высокую степень проявления* того или

иного *признака*. В частности, ФЕ с компонентом - насекомым обычно указывают на *маленький размер, большое количество*: *camino de hormigas ‘людная дорога’, como una pulga ‘с булавочную головку’*; ФЕ с компонентом - водным животным указывают на признаки *«холодный», «соленый»*: *más frío que trucha escabechada, más salado que sardina asada*; ФЕ с компонентом - птицей указывают на признаки *«мокрый», «пресный»*: *hecho un pato ‘промокший до нитки’, más soso que carne de pato ‘безвкусный’*; ФЕ с компонентом - млекопитающим указывают на *большой размер* и интенсификацию признаков *«твердый», «мягкий», «колючий»*: *que no lo salta un galgo ‘огромный’, como crin de caballo ‘жесткий’, como la pata de un cabrito ‘мягкий’, fino como las astas de un toro ‘колючий’*.

Итак, отражая и формируя ценностную картину мира, фразеологизмы с анималистическим компонентом охватывают довольно широкий спектр семантических значений, образуя своеобразные подтипы, моделирующие различные аспекты внеязыковой действительности. При этом ФЕАК способны не только обозначать или характеризовать те или иные явления, но и оказывать запланированное коммуникативное воздействие, выражать чувства и эмоции говорящих, демонстрировать их отношение к денотату.

Анализ фактического материала показал, что в большинстве случаев употребление ФЕАК связано с характеристикой индивида по морально-этическим, интеллектуальным, физическим и внешним признакам, а также с оценкой его поступков, деятельности и поведения. При этом интересно, что в оценочном значении фразеологизмов взаимодействуют дескриптивный (объективный) и аксиологический (субъективный) компоненты [Клушин 1991: 14], которые соединяются при помощи признака, попадающего в фокус оценки и являющегося воплощением некой сущности, соизмеримой со стандартом, принятым в языковом коллективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клушин Н. А.* Зоо- и фитоморфные характеристики человека в английской разговорной речи : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1991. – 21 с.

2. *Черданцева Т. З.* Идиоматика и культура // Вопросы языкознания, 1996. – №1. – С. 58–70.

Valentina V. Kórneva
Universidad Estatal de Vorónezh
Vorónezh, Rusia

CONSTRUCCIÓN LOCATIVA COMO REFLEJO DEL MUNDO Y MODUS VIVENDI

Las investigaciones que tienen por objetivo comprobar que el idioma de un pueblo refleja el mundo que le rodea suelen basarse en el estudio de los vocablos y apenas se fijan en las unidades sintácticas. Sin embargo, la construcción sintáctica también posee esa posibilidad de reflejar el modo de percibir y entender la realidad objetiva por un pueblo concreto.

Desde este enfoque del problema analizaremos la construcción sintáctica locativa de tipo *mar adentro***.**

Sería muy arriesgado afirmar que las construcciones de este tipo nunca hayan sido objeto de estudio lingüístico. Efectivamente, a partir de Andrés Bello (1887) los gramáticos suelen citarlas como un caso peculiar de la lengua española (A. Bello, E. Alarcos, F. Matte Bon, O. Kovacci, M. Victoria Pavón Lucero entre otros). Dicha construcción se caracteriza sobre todo por los indicios siguientes:

– el orden fijo de sus componentes;

– la obligatoria posposición del adverbio**;**

– la invariabilidad del sustantivo que se priva de la posibilidad de obtener determinantes cualesquiera que sean y que no tolera cambios de número.

Lo que más atrae la atención de lingüistas y provoca disputas es la calificación del estatuto de adverbio, su función sintáctica, si es la de adverbio, de preposición u otra. Sólamente en los últimos años, a causa del interés creciente hacia la semántica de las unidades lingüísticas, algún que otro investigador empieza a hablar del significado de dicha construcción comentando de paso sus propiedades semánticas y fijándose a veces en el significado léxico de los vocablos que la componen. Entre estos científicos señalemos en primer lugar las figuras eminentes del mundo lingüístico hispánico, sea ruso o extranjero, como V. S. Vinogradov,Yu. A. Rylov, N. I. Popova, F. Matte Bon, O. Kovacci, M. Victoria Pavón Lucero y otros.

Según la opinión de algunos lingüistas, lo peculiar de las construcciones en cuestión, se basa en que los sustantivos denominan el lugar de desplazamiento y los adverbios, la dirección. Así, F. Matte Bon señala que los operadores *arriba* y *abajo*, en algunos contextos, se pueden utilizar para expresar la dirección del movimiento y que en estos usos, *arriba* y *abajo* van después del sustantivo a cuyo espacio se refieren y añade que también son frecuentes los usos de *adentro* y *afuera* en construcciones análogas, después de un sustantivo**.**

Según el análisis del material práctico y la teoría lingüística, la variedad léxica de dichas construcciones está bastante limitada tanto para los sustantivos como para los adverbios. Efectivamente, son pocos los adverbios de lugar que se usan en estas construcciones, sobre todo, son *arriba, abajo* y *adentro, afuera*.

A su vez los adverbios *arriba, abajo* y *adentro, afuera, adelante* forman varios grupos antonímicos según el eje de orientación que denominan. Podemos distinguir entre ellos los pares siguientes: a) los adverbios *arriba – abajo* de orientación vertical; b) los adverbios *adentro – afuera* que indican la dirección del movimiento de un espacio a otro interpretado como interior o exterior.

Mucho más difícil resulta determinar las clases de los sustantivos que pueden usarse en la construcción.

Para el análisis usamos los datos electrónicos del [corpusdelespañol.ru] que abarca el material del siglo XII al XIX y principios del siglo XX, y también la encuesta de los informantes, nativos de la lengua española. Esas fuentes de la investigación, además de presentar una lista posible de los sustantivos – miembros de la construcción nominal, nos ofrecen la ocasión para aprovechar la frecuencia de uso de los vocablos determinados.

Los sustantivos que se usan en las construcciones con los adverbios *arriba* y *abajo* de orientación vertical no son muy numerosos, pero sí muy variados por su significado. Los diccionarios y las gramáticas suelen citar entre ellos tales palabras como *pendiente, cuesta, loma, calle, río, aguas, boca, cabeza, pies, patas, escalera(s)* y otras que a primera vista no tienen nada de común entre sí. Sin embargo, esa variedad semántica de las palabras podemos dividirla en unos grupos a base del significado. Así, podemos distinguir entre ellas las palabras "geográficas" que verbalizan varios conceptos geográficos, las palabras que denominan las partes del cuerpo humano o del animal (éstas últimas sulen llevar el nombre de "somatismo") y las palabras funcionales (término que usa E. V. Ragilina).

A su vez, los vocablos geográficos son muy heterogéneos. Algunos de ellos designan objetos naturales sean de tierra o de agua, otros denominan hechos, *cosas* artificiales. Entre los primeros figuran tales elementos de relieve natural como la superficie inclinada de una elevación o elevación misma (vocablos *monte, montaña, colina, peña, ladera, cuesta*, *pendiente,* etc.) y distintas denominaciones de agua fluvial (palabras *río, aguas, corriente,* etc.). A los nombres de *cosas* artificiales pertenecen las palabras que designan algunas partes de la población (de tipo *calle, avenida, rambla* y también *camino, carretera*).

Basándonos en las particularidades semántico-sintácticas (semántico-funcionales) de dichas palabras en las construcciones con los adverbios *arriba* y *abajo* podemos afirmar que lo que une a todas las palabras de varios grupos

semánticos arriba mencionados es la orientación vertical o no vertical. Según este criterio semántico podemos distinguir dos clases de palabras. La primera se compone de los vocablos como *pendiente, cuesta, río, aguas, calle, cabeza, pies / patas, escalera* y la otra, de lexemas *boca* y *panza*. Las palabras de la primera clase tienen semas de orientación vertical (sean éstos reales o potenciales) y las de segunda no tienen semas de orientación vertical sino de orientación facial (frontal) del cuerpo humano o del animal. Sin embargo, debemos tener en cuenta lo siguiente.

Primero. Por un lado, la orientación vertical de unos sustantivos no suscita dudas porque ellos denominan objetos naturales elevados (*monte, cuesta*) o destinados para subir y bajar (*escalera*). Por otro lado, los nombres de objetos artificiales (*calle, camino*) por si mismos no tienen ninguna orientación espacial, la adquieren en el contexto a base de la metonimia: lugar elevado – objeto en ese lugar. Compárese, v.g.:

va calle arriba; va camino arriba (1)

va calle adelante; va camino adelante (2)

No obstante debemos darnos cuenta de que en el segundo caso no se trata de la metonimia; más bien ahí se revela la conceptualización de los objetos como línea.

Segundo. Las construcciones con los somatismos *cabeza, pies / patas* y *boca, panza* se excluyen de nuestro análisis posterior ya que no son idénticas por su significado a las de otros sustantivos y representan otro tipo de frases. Estas últimas se caracterizan por indicar la postura del cuerpo – humano o del animal. Compárese, v.g.:

Cayó cabeza abajo (1)

Cayó cuesta abajo (2)

El hecho de indicar siempre la postura del cuerpo nos permite determinar estas construcciones como construcciones de orientación.

En el primer ejemplo la construcción de orientación por ser complemento circunstancial de modo contesta a la pregunta *¿Cómo (de qué modo) cayó?* Y en el segundo *¿Por dónde cayó?* localizando la misma acción en el espacio denominando a la vez su lugar y la dirección.

Hablando de la frecuencia de dichas construcciones en español señalemos también que en el idioma castellano la construcción con el adverbio *arriba* se usa más que la de adverbio *abajo*. En el material analizado encontramos 333 frases con el adverbio *arriba* en comparación con 241 ejemplos con el adverbio *abajo*. Sin embargo, en el caso de concretizar el lugar por donde se realiza el desplazamiento, o sea, hablando de varios tipos de la elevación o de sus partes, el español acude a la construcción con el adverbio *abajo***.**

De los nombres de relieve lo que más se usa es el vocablo *cuesta* que funciona sin dificultad alguna tanto en la construcción con el adverbio *arriba* (149 frases) como en la de adverbio *abajo* (103 frases). La razón de ello reside en que la palabra *cuesta* es una denominación prototípica del sitio en una elevación por donde se realiza el desplazamiento.

Debemos señalar también que el hecho de que en las construciones de las que estamos hablando, se usan mucho las denominaciones de la elevación y también otras palabras que denominan varios elementos del espacio geográfico, no puede ser casual. A nuestro modo de ver, es una prueba clarividente de la peculiaridad del cuadro lingüístico de la lengua española.

No cabe duda que el uso frecuente de numerosos nombres de elevación así como el de los nombres “geográficos” (tales como *costa, mar, tierra, río, valle* y otros) refleja perfectamente la situación geográfica muy peculiar de España – un vasto terreno montañoso cruzado por ríos y rodeado de mares.

Cabe señalar que en las construcciones con el vocablo *costa* predomina la indicación de la dirección del movimiento hacia arriba (105 frases en comparación con 47 frases con el significado de la dirección del movimiento para abajo). Y no olvidemos que por la frecuencia de uso en el material analizado la palabra *costa* ocupa el segundo lugar y sigue el vocablo *cuesta* teniendo cada uno 152 y 252 casos respectivamente.

Sin embargo debemos reconocer que ni podemos comparar el uso de estos vocablos con los que determinan el espacio fluvial denominado con lexemas *río, aguas, corriente, canal.* Tenemos registrados en el corpus de ejemplos 755 casos de funcionamiento de dichos vocablos en las construcciones con el adverbio *arriba* y 424 frases con el adverbio *abajo*. A nuestro modo de ver, estos datos no contradicen a lo dicho líneas arriba.

Las construciones locativas con diversos nombres del espacio fluvial pueden valorarse como una muestra del papel importantísimo que desempeñaba el río en la vida del hombre ora como un lugar natural del desplazamiento, ora como sitio privilegiado para habitar.

También podemos suponer que las construcciones locativas de un modo u otro nos sirven para indicar a qué se dedicaban los españoles en los tiempos remotos del pasado. ¿Quiénes suben la costa? En primer lugar son marineros, pescadores, exploradores de tierras nuevas, conquistadores.

Como una prueba indirecta más del oficio de los españoles en el pasado podemos citar el uso muy frecuente en la lengua castellana de las construcciones *tierra adentro, mar adentro.* La tierra y el mar, siendo cosas opuestas como elementos de la naturaleza, no obstante pueden conceptualizarse a base de un rasgo común – la extensión – como terrenos muy extensos, prácticamente ilimitados, apercibidos en su totalidad con la vista del hombre. Se puede irse a la mar, ir *mar adentro* alejándose de la costa, también se puede llegar por el mar *y* alejarse de la costa en la dirección opuesta *tierra adentro.*

Todo lo dicho arriba a nuestro parecer puede ser considerado como una prueba más de la percepción objetiva del mundo que sin embargo refleja lo peculiar del medio ambiente y del propio ser del pueblo español.

Кругова М. С.
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, кодификацией норм испанского языка на протяжении почти трехсот лет занимается Королевская академия испанского языка. Результаты кодифицирующей деятельности Академии закреплены в нормативных словарях и грамматиках. Это самые влиятельные и авторитетные своды нормативных указаний, которые отражают исторические закономерности развития языка и предпочтения образованной части общества.

С момента основания Академии всеми признавалась ее функция нормативной оценки языковых фактов. Королевская академия испанского языка определяет функционально-стилистическую целесообразность использования языковых форм и устанавливает, что одно выражение приемлемо в разговорной речи, другое – в официальной. Норма ориентирована на среднего образованного носителя языка и не возникает спонтанно: “La norma no es una decisión caprichosa de la Academia. Esta consagra lo que resulta normal en el uso de los hablantes, y que no contradice a lo que se llamaba antes el espíritu de la Lengua” [Hernández 2006]. Однако в настоящее время функции и цели Академии, по замечанию Ф. Ласаро Карретера, зачастую трактуются неверно, потому что задача Королевской

академии испанского языка – не предписывать, а наблюдать и фиксировать закрепившиеся в узусе слова и выражения [Lázaro Carreter 1997: 87].

До недавнего времени Академия ориентировалась на классическую художественную литературу как авторитетный источник нормы. В настоящее время отмечается возрастание роли средств массовой информации в качестве материала для извлечения современных норм. По мнению члена-корреспондента Академии У. Лопеса Моралеса, уже в течение нескольких лет норму диктуют не академии и писатели, а средства массовой информации, и даже если в них начинает использоваться определенное слово, не одобренное Королевской Академией испанского языка, оно может стать употребительным: “El español será lo que los grandes medios de comunicación quieran que sea”[1].

В последние десятилетия в Испании в процессе регулирования языковых норм стремятся активно участвовать представители феминистской лингвистики. В центре внимания поборников гендерного равноправия в языке оказывается соотношение грамматической категории рода и пола существительных со значением лица, а основным требованием является создание гендерно симметричных номинаций. Сторонники гендерного равноправия пытаются оказать воздействие на Королевскую академию испанского языка, призывая кодифицировать новые языковые номинации как следствие сложившихся новых социальных реалий, и открыто вступают с представителями Академии в полемику. Участников этой полемики можно условно поделить на «традиционалистов» и «новаторов».

1. Для «традиционалистов» – представителей Королевской академии испанского языка и ее сторонников в целом характерно стремление сохранить традиционные речевые нормы в обозначении гендерных коррелятов и осторожное отношение к новообразованиям.

[1] Цит. по: [Comisso 2006].

2. «Новаторы» – сторонники совершающегося (порой, насильственными путями) языкового реформирования. В основе новаций лежат социальные сдвиги в обществе, которые необходимо учитывать. Сторонниками языкового обновления являются, прежде всего, филологи-феминистки. Это идеологическое направление развивает в Испании консультационный комитет по языку NOMBRA и Институт Женщины.

Хотя дискуссия между «традиционалистами» и сторонниками языкового реформирования ведется уже на протяжении двух десятилетий, противостояние сохраняется по-прежнему. Дело не в том, что Академия категорически отказывается включать те или иные номинации в академический словарь DRAE или модифицировать словарные дефиниции. На наш взгляд, имеет место расхождение между Академией и представителями феминистской лингвистики в представлении о деятельности Королевской академии испанского языка. Кроме того, сторонники гендерного равноправия стремятся добиться кодификации ряда новообразований, еще не закрепившихся в узусе, чтобы таким образом повлиять на некоторые социальные процессы и представление о роли женщины в обществе. Они пытаются изменить саму традицию словоупотребления, призывая носителей языка использовать непривычные формы слов и чуждые традиции выражения. Например, в 2007 г. состоялась презентация рекламной кампании ассоциации женских объединений “La Plataforma Andaluza de Apoyo al Lobby Europeo de Mujeres” и коллектива “Jóvenas Feministas” при поддержке муниципалитета Кордовы. В рамках этого проекта, направленного против языкового сексизма, планировалось распространить в различных институтах и организациях открытки с девизом “El lenguaje sexista ¡¡¡Otra forma de violencia!!!”, в которых приводятся краткие рекомендации-предложения о создании симметричной гендерной оппозиции, а именно: коррелят женского рода *marida* ‘жена’ для формы *marido*, устранив родовую оппозицию *marido / mujer*; коррелят женского рода *miembra*, соответствующий форме мужского рода *miembro*; элиминировать из

узуса сексистское, с точки зрения авторов проекта, существительное *solterona*, заместив его словосочетанием *mujer independiente*; называть домохозяйку *trabajadora del hogar* вместо *ama de casa*.

Под давлением критики не только со стороны лингвистов, но и рядовых носителей языка оборонительная реакция Королевской академии испанского языка постепенно угасает, и Академия включает в словарь DRAE гендерные новообразования. Например, в 22-ом издании словаря DRAE наряду с формой общего рода *juez* ‘persona que tiene autoridad y potestad para juzgar y sentenciar’ в отдельную статью вынесена форма *jueza* ‘mujer que desempeña el cargo de juez’, что стало новшеством последних десятилетий. *Juez* как существительное общего рода впервые появляется в издании DRAE 1970 г., форма женского рода сначала помещается в одной статье с формой *juez* (DRAE 1989), и, начиная с издания DRAE 1992 г. – отдельно.

Кодификация нормы, основанная на знании тенденций языкового развития, отражение нормализаторской деятельности лингвистов в грамматиках, словарях и справочниках важны не только для сохранения целостности, единства и правильности литературного языка, но и являются проявлением борьбы за национальную культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Commisso P.* Las normas del idioma las dictan los medios, no las academias // Clarín, 10.07.2006.

2. *Hernández J.* Víctor García de la Concha: “La norma no es una decisión caprichosa de la Academia” // La Opinión – El Correo de Zamora, 19.09.2006.

3. *Lázaro Carreter F.* El dardo en la palabra. – Barcelona: Galaxia Gutenberg / Círculo de Lectores, 1997. – 757 p.

Курчаткина Н. Н.
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия

ИСПАНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Известно, что для создания научной базы лексикографии необходима теоретическая разработка важнейших лексикологических категорий. Практика создания переводных словарей требует решения целого ряда вопросов. Одна из задач двуязычного словаря – дать представление о несвободной сочетаемости слов данного языка, об основных видах несвободных сочетаний, их структуре, их формальных и семантических вариантах. К несвободным словосочетаниям относятся не только собственно идиомы, не только единицы, в основе которых лежит образ, делающий их относительно понятными, прозрачными по значению, но и лишенные образности лексико-аналитические структуры (ЛАС). Основанием для включения последних в словарь является тот факт, что они образуют одну из самых многочисленных групп, широко употребляются и определяют специфику испанского языка.

Регистрация единиц этого типа представляется особенно важной, когда речь идет о словаре активного типа. Создание такого словаря связано с большими трудностями теоретического и практического характера. Тип такого словаря является новым для лексикографии, активного словаря не знает еще ни одна лексикография (см. Гак В. Г.). Однако следует сказать, что вопрос об активном и пассивном описании языка был поставлен еще академиком Л. В. Щербой, который показал на материале синтаксиса, что если мы идем от форм к значениям, то это пассивное описание синтаксиса, а

если мы идем от содержания, от мысли к формам, то это активный синтаксис[1].

ЛАС представляют собой единицы номинативного инвентаря языка. Это такие словосочетания, в которых один компонент является носителем семантики целого, а другой морфологизован и выполняет наряду с семантической служебную (строевую) функцию, т. е. налицо оказываются две номинации. Приведем примеры: *tener – dar – tomar – coger asco* ‘испытывать’ – ‘вызывать’ – ‘начать испытывать отвращение’*:¿Tiene asco de mí?* (Quiroga); *Me fastidia y me da asco* (Fernández); *le tomé aún más asco* (Fernández); *Cada vez le cojo más asco – decía Marcos* (Goytisolo). Словосочетание *tener asco* обозначает состояние человека безотносительно к началу или концу; *coger, tomar asco* – служит для обозначения начала состояния. Сема «начало состояния» выражается взаимодействием семантики глагола и *его* временной формы (*le tomé asco* – глагол употреблен в Pretérito Indefinido) или взаимодействием семантики глагола и семантики наречной группы: *cada vez le cojo más asco* (*cada vez* – наречная группа, выражающая смыслы «однократность», «начало»); *dar asco* – служит для обозначения состояния, каузированного кем-либо, чем-либо. Каузатор состояния в структуре предложения занимает место подлежащего.

Особенность ЛАС состоит в том, что вокруг одного компонента (обычно это существительное – семантический центр словосочетания) группируются другие слова, образуя фразеологическую парадигму, в которой лексические средства выполняют роль морфем (ср. *carácter: abstracto – абстракт: ность; des: tronar – quitar: el trono*). Налицо изоморфизм морфологических и лексических словообразовательных средств.

Следует сказать, что лингвисты (В. Н. Телия, В. Г. Гак) отмечают сходство фразеологической парадигмы и словообразовательной

[1] Ср. также: [Matte Bon 2003].

(морфологической) парадигмы. Разница между ними состоит в том, что фразеологическая парадигма может оказаться неполной, так как употребляются не все сочетания, а только те, которые зафиксированы узусом. Ср. пример из русского языка: *вступить в действие – быть в действии – бездействовать (*выйти из действия)*. Ср. также пример из испанского языка: *estar en flor – ponerse en flor, permanecer en flor – seguir en flor (*desflorecer).*

Слова, группирующиеся вокруг семантического центра, реализуют фразеологически связанное значение в зависимости от семантики опорного слова. Ср. *bestial* реализует значение «*очень хороший*» только с некоторыми словами (*plan, idea* и т.п.). Значение «*очень большой*» это прилагательное приобретает в сочетании со словом *talento (talento bestial).* Таким образом, фразеологически связанные значения слов обусловлены смыслом других, опорных наименований. Эти структуры получили широкое распространение во всех языках. Их исследование представляет большой интерес. Для изучающего иностранный язык они трудны не с точки зрения их понимания, а с точки зрения выбора слов для правильного построения высказывания.

В словарях эти структуры либо вообще не представлены, либо представлены непоследовательно и неполно. Любопытное решение проблемы регистрации некоторых ЛАС можно найти в словаре М. Молинер (ср. словарную статью “miedo” и зарегистрированную группу глаголов, с которыми может сочетаться существительное miedo). Подобное решение вопроса подтверждает идею, высказанную в свое время В. Г. Гаком об относительности лексикологических категорий в лексикографии: «Чем подробнее будет разработана семантическая структура слова, тем меньше будет оснований считать некоторые словосочетания фразеологизмами» [Гак 1977].

ЛАС представляют собой единицы разных структурных типов, что видно из примеров, приведенных выше. Однако, наблюдается особенно

много глагольных аналитических структур, поскольку именно глагол склонен к десемантизации, а, следовательно, к выполнению строевой функции. Типы моделей, по которым создаются ЛАС, соотносимые с глаголом, определяются спецификой конкретного языка. В испанском языке выделяются, например, такие модели как: глагол + прилагательное; глагол + наречие (наречная единица представляет собой устойчивое сочетание неидиоматического характера; или наречная единица представляет собой устойчивое сочетание типа идиомы); глагол + существительное.

ЛАС отводится большая роль в системе средств номинации в испанском языке. Такое широкое использование, например, глагольных ЛАС можно объяснить целым рядом лингвистических факторов.

1. ЛАС может восполнять отсутствие глагола: *moda – estar – quedar(se) – poner – ponerse de moda.*

2. Соответствующий глагол имеется в языке, но его место оказывается занятым в системе языка: *estar – quedar(se) – dejar en apuros (*ср. *apurar).*

3. Аналитическая структура может вместить больше семантической информации, чем глагол: *morir – estar – quedar – dejar a lo último / a / en / los / las / últimos / en sus finales /.*

4. Система языка допускает выражение какого-либо семантического параметра при помощи морфологических, а также синтаксических средств (в словосочетании), а речевая норма отдает предпочтение какому-либо одному способу выразить идею: *desflorecer – perder la flor, destronar – quitar el trono.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М: Международные отношения, 1977. – 264 с.

2. *Matte Bon F*. Gramática Comunicativa del español. – Tomo I: De la idea a la lengua. – Madrid: Edelsa, 2003. – 369 p.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Fernández – Fernández-Flórez D. Lola, espejo oscuro. – Barcelona: Ediciones G.P., 1975. – 334 p.

Goytisolo – Goytisolo J. La isla. – Barcelona: Seix Barral, 1975**.** – 171 p.

Quiroga – Quiroga E. Viento del Norte. – Barcelona: Destino, 1983. – 365 p.

Zunzunegui – Zunzunegui J. A. El mundo sigue. Barcelona: Planeta, 1970. – 247 p.

Ламина К. В.
Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный испанский язык обладает богатым набором средств, выражающих лексическое (внутрилексемное) отрицание. Эти средства могут быть имплицитными или эксплицитными. Имплицитными – в словах с формально не выраженной отрицательной семантикой *(faltar = no existir, prohibir = no permitir)* и эксплицитным – с формально выраженными показателями отрицания. В свою очередь, эксплицитное отрицание может быть синтетическим или аналитическим. В первом случае используется развитая система отрицательных префиксов *(in-, im-, ir-, i-, des-, dis-, a-, sin-, mal-),* во втором – частица *no*, привативный предлог *sin* и существительное *falta*, означающее отсутствие. Приведем некоторые примеры:

I. **Синтетическое отрицание**: incultura, incumplir, una mujer inmarchitable, la televisión es intragable, irreelegible, irreligión, un aire

irrespirable; desamor, desmemoria, desinterés, descreencias; acrítico, alegal, ahistórico, un español atípico; malagradecido; sinrazón, sinvergüenza.

II. **Аналитическое отрицание**: cosas *sin nombre*, el (los) *sin trabajo (sin partido)*, la *sin hueso* (la sinhueso) ‘язык’; *falta de orden* (= desorden), *falta de sueño* (= insomnio); la *no violencia*, un *no profesional*, un gesto *no amistoso*.

Лексическое отрицание в его аналитической форме соответствует аналитическим тенденциям испанского языка как языка неолатинского.

Как показало диахроническое исследование, синтетические способы выражения лексического отрицания в испанском языке являются сравнительно поздними. На ранних этапах его развития внутрилексемное отрицание выражалось аналитически, поскольку испанский не унаследовал от латыни ее системы отрицательных префиксов. Слова с отрицательными префиксами, в своем большинстве, представляют собой сравнительно поздние книжные заимствования из латыни, в большом количестве проникавшие в испанский словарь в XV–XVII вв. Долгое время эти неологизмы ощущались как чужеродные, как принадлежность высокого, аффектированного стиля речи. Однако, несмотря на их «экстравагантность», большая часть заимствований с течением времени закрепилась в испанском словаре и сейчас уже принадлежит нейтральному стилю речи. На протяжении последних пяти веков количество слов с отрицательными префиксами значительно возросло как за счет новых заимствований из латыни, так и благодаря собственно испанским новообразованиям.

Наблюдения над современными научными, газетными, журнальными и художественными текстами показывают, что в языке идет активный процесс развития отрицательной префиксации, которую словари не успевают фиксировать. Так, в солидных словарях, изданных за последние годы [Seco, Andrés, Ramos 1999; DRAE 2001], отсутствуют найденные нами в языке прессы *desvínculo* (el *desvínculo* del cariño madre-hijo), *irreelegible* (El País

17.05.04:22) и *deslugar:* Y un lugar sin cartas se torna en el más absoluto *deslugar* (El País Semanal 22.08.99:100).

Что касается аналитизмов с приименным *no*, то некоторые испанские грамматисты считали и считают его явлением современного языка. А. Бельо в 1847 г. писал, что употребление этого наречия (=*no*) перед существительным в качестве препозитивной частицы является достаточно новым – “es bastante moderno: La *no comparecencia* del reo” [Bello 1945: 376]. Современным считает его и академическая грамматика испанского языка веком позже, отмечая, что некоторые абстрактные существительные допускают *no*, напр.: la *no existencia,* la *no conformidad*. Это употребление, в общем, является современным, ученым и очень ограниченным (es, en general, moderno, culto y muy restringido) [Esbozo 1973: 357].

С утверждением, что *no* в сочетании с именами появилось лишь в современном языке, согласиться нельзя. Свидетельства историков языка Э. Льоренса, К. Вагенаара, М. Руэда и наши собственные исследования опровергают эту точку зрения [Llorens 1929: 9, 55; Wagenaar 1930: 16; Rueda 1997: 54–59]. В текстах XIII–XV вв. (“Primera crónica general”, Хуан Руис, Хуан де Мена, Сантильяна и др.) мы встречаем la *non justicia,* la *non sabiduría,* los *non dignos, non fieles, non yguales, non mortales* и т. п.

Исследование языкового материала, полученного нами из испанских текстов последних лет, показало следующее:

1. Отрицательный префикс *no* весьма продуктивен в сочетании с именами существительными, прилагательными и причастиями, имеющими во многих случаях четко выраженную глагольную сему, что позволяет провести типологическое сравнение с линией развития отрицания в древних индоевропейских языках, где присловное отрицание развилось из отрицания общего, а частное отрицание второстепенного члена предложения исторически предшествовало появлению отрицательных префиксов. См.

соотнесенность с глаголом следующих сочетаний: *no agresión* (agredir), el *no respeto* de las normas (respetar), la *no entrega* (entregar); salarios *no pagados* = que no fueron pagados; las personas *no creyentes* = que no creen; la América *no voseante* = que no vosea.

2. Будучи аналитической формой выражения, *no* служит удобным средством создания эксплицитной или имплицитной антитезы положительному понятию: textos *literarios* y *no literarios, aliados* y *no aliados, lo indoeuropeo* y *lo no indoeuropeo*. Эксплицитная антитеза способствует сохранению и закреплению этой отрицательной модели не только в современных, но и в старых испанских текстах [Ламина 1988: 76].

3. Префикс *no* встречается в текстах разных функциональных стилей, но характерен, в первую очередь, для научного стиля и языка средств массовой коммуникации.

Имея в виду тот факт, что лексемы с префиксом *no* исконны в испанском языке, мы не можем согласиться с мнением некоторых авторов, которые объясняют его употребление в современном языке калькированием иностранных моделей. Так, Б. Стил, исследуя аффиксы прилагательных на материале современной испанской прессы, цитирует rumores *no confirmados,* según fuentes *no oficiales* и замечает: «Таким образом, как кажется, этот новый (подчеркнуто нами – К. Л.) префикс все больше входит в употребление (se está imponiendo) в испанском языке как префикс существительных и прилагательных. Он в точности соответствует английскому префиксу *non-*, которому, без сомнения, и обязан своим происхождением» [Steel 1968: 3]. Ему вторит Л. А. Журко, говоря, что un *no-personaje*, el *no-héroe* и ese *no-tiempo* «явно имитируют иностранные модели» (is patently imitative of foreign models) [Gyurko 1971: 237]. Того же мнения придерживается М. Криадо де Валь, правда, он пишет уже об англо - французском влиянии (por influencia anglofrancesa). Исп. *no-americano* он соотносит с англ. *non-american* [Criado de Val 1972: 250].

Мы полагаем, что если в некоторых случаях и можно установить прямое соответствие испанских и английских (или французских) сочетаний, это не отменяет того факта, что аналитизмы с раздельным *no* свойственны испанскому языку на всем протяжении его письменной истории. Эта устойчивая языковая модель не только восполнила отсутствие системы отрицательных префиксов в раннем испанском, но, оказавшись несколько оттесненной на второй план в результате латинизации испанской лексики в XV–XVII вв., тем не менее, сохранилась как важный источник пополнения испанского лексикона, как средство создания четкой антитезы положительному понятию и введения новых лексических единиц там, где имеющееся синтетическое отрицание передает иное значение (forma *no personal* del verbo не означает forma *impersonal* del verbo).

Добавим к сказанному, что некоторые стилисты усматривают особое изящество в *no*, предпосланном существительному: "[no] se antepone con elegancia y propiedad al sustantivo" [Alonso 1968: 395].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ламина К. В.* Семантика и структура отрицательных предложений в испанском языке XII–XX вв. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1988.

2. *Alonso M.* Gramática del español contemporáneo. – Madrid: Ediciones Guadarrama, 1968. – 595 p.

3. *Bello A. Cuervo R. J.* Gramática de la lengua castellana. – Buenos Aires: ed. Sopena Argentina, 1945. – 559 p.

4. *Criado de Val M.* Fisonomía del español y de las lenguas modernas: Características del español comparadas con las del francés, italiano, portugués, inglés, alemán, rumano y lenguas eslavas. – Madrid: Editorial S.A.E.T.A., 1972. – 402 p.

5. *Esbozo* – Real Academia Española. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. – Madrid: Espasa Calpe, 1973. – 485 p.

6. *Gyurko L. A.* Affixal Negation in Spanish // Romance Philology. – vol. XXV. – No. 2, November 1971.

7. *Llorens E. L.* La negación en español antiguo, con referencias a otros idiomas. Madrid, 1929. – 199 p.

8. *Rueda M.* Los términos negativos en español: aproximación diacrónica. – León: Universidad de León, Centro de estudios metodológicos e interdisciplinares, 1997.

9. *Steel B.* Observaciones sobre el uso periodístico de los afijos adjetivales en los grupos nominales // Español actual. – Madrid, 1968. – No 12. – P. 1–6.

10. *Wagenaar K.* Etude sur la négation en ancien espagnol jusqu'au XV-e siècle. – Haag: Groningen, Den Haag, J. B. Wolters' uitgevers-maatschappij n. v., 1930. – 191 p.

Лапшина-Медведева Л. Н.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

Языковая специфика Перу на современном этапе

Ответить на вопрос на скольких языках говорят сегодня перуанцы в настоящее время задача не из легких. Причину такого языкового многообразия можно объяснить как географическими, так и историческими особенностями, поэтому, чтобы языковая картина страны стала более ясной, нам представляется целесообразным обратиться к краткому обзору географии и истории страны.

Перу разделено на три географические зоны, резко отличающиеся по своему ландшафту и климату. Это Коста – тихоокеанское побережье, где никогда не идут дожди. На этой территории в основном живут испанцы и метисы. Основной язык на Косте – испанский. В связи с тем, что во времена

колонии именно Коста была центром вице-королевства, Лима являлась столицей и культурным центром, где строго следили за чистотой испанского языка.

Вторая географическая зона – это горные хребты Анд, протянувшиеся на 5000 км с севера на юг континента. Это одна из самых мощных горных систем мира. Горные перевалы находятся на высоте 3000–4000 м над уровнем моря. Эта географическая ситуация повлияла на изолированность этнических групп друг от друга. Однако именно Анды стали зоной традиционного расселения различных индейских народов, развития древнейших андских культур и создания великого Инкского государства, творцами которого стали далекие предки современных индейских народов, обосновавшиеся здесь более 20000 лет назад.

В прибрежных оазисах пустыни тихоокеанского побережья и высокогорных долинах с конца второго тысячелетия до нашей эры складываются основные очаги индейских цивилизаций, высшей точкой развития которых стала обширная Инкская империя.

Третья географическая зона – труднопроходимая сельва, где общение между племенами было возможно, в основном, только по Амазонке и ее притокам. В этом районе индейские племена имели свои традиции, говорили на своих языках.

До завоевания инками все племена Кордильеры, Косты и Сельвы говорили на своих языках. Общения между ними почти не было. При завоевании племен инками, обязательным становился язык завоевателей – кечуа. Императорская власть инков придавала большое значение распространению языка кечуа, как одному из важнейших объединяющих факторов: все жители, независимо от места проживания должны были говорить только на языке кечуа. Говорить на родном языке строго запрещалось.

Национальный язык империи инков до завоевания испанцами назывался не кечуа, а «рунасими» (runasimi), что обозначало «язык всего народа».

При всей продуманности управления огромным Инкским государством, никто из правителей или жрецов не мог предугадать ту беду, которая случится в империи за несколько лет до испанского завоевания – войну за власть между братьями, что привело к страшной гражданской войне. Это обстоятельство позволило испанским конкистадорам достаточно быстро завоевать некогда могучую империю.

Одной из основных задач испанских конкистадоров было распространение католицизма, а через него своего влияния на завоеванные народы. Для этого нужно было не только хорошо знать язык кечуа, но и изучить историческое и культурное наследие империи инков. После завоевания испанский язык становится основным государственным языком.

Период после конкисты характеризуется рядом исследований, в первую очередь лингвистических. В 1571 г. при Лимском университете Сан Маркос была открыта кафедра языка кечуа. Испанский монах Доминго де Санто Томас начал изучение языка рунасими в 1560 г., позже он опубликовал в Вальядолиде две важнейшие книги «Грамматика или искусство основного языка индейского королевства Перу» и «Лексика или словарь основного языка Перу».

В 1607 г. Дьего Гонсалес издал в Лиме книгу «Грамматика и новое искусство основного языка, названного Qquirua или язык инков».

Что касается третьей географической зоны – Сельвы, ответить на вопрос, на скольких языках там говорят, достаточно затруднительно. В Амазонии специалисты насчитывают около 40 языков, объединенных в 16 языковых групп. Если раньше каждая этническая группа в сельве и в сьерре (в Андах) тем или иным образом была связана с национальной культурой

через язык кечуа, то сейчас это происходит не только через него, но и посредством испанского языка.

В 1968 г. из 23 млн. жителей страны 12 млн. говорило на кечуа, что позволило генералу Веласко Альвародо сделать кечуа вторым государственным языком Перу. В настоящее время в Перу два официальных языка – испанский и кечуа.

Juan de Dios Luque Durán
Universidad de Granada
Granada, España

CLAVES CULTURALES E IMAGINOLÓGICAS DE LOS TEXTOS ARGUMENTATIVOS

1. Introducción

Los culturemas son, junto a otros elementos del lenguaje como fraseologismos, paremias, palabras específico-culturales, parte importante del diccionario intercultural e interlingüístico en el que trabaja desde el año 2004 el Grupo de Investigación de Lingüística Tipológica y Experimental con sede en la Universidad de Granada.

Los denominados culturemas juegan un papel significativo en la transmisión de las ideas culturales y así mismo son piezas clave para la correcta comprensión e interpretación de cualquier texto argumentativo, sobre todo de carácter periodístico. La definición de lo que es un culturema, y sobre todo su distinción de otros elementos impregnados de cultura del lenguaje, como son los fraseologismos y paremias, es una de las tareas que es preciso acometer. Podemos abordar el tema diciendo que los culturemas son unidades semióticas que contienen ideas de carácter cultural alrededor de las cuales es posible construir discursos textuales y que, por esta razón, están presentes en muchos textos argumentativos. Por

principio, el número de culturemas no es fácil de cuantificar, ya que en cualquier sociedad existen un número ilimitado de culturemas, que se incrementan continuamente; probablemente en una lengua – según los hablantes y su nivel de cultura – existan cientos si no miles. El conjunto de culturemas de que dispone una determinada sociedad, por tanto, no es un grupo cerrado, por el contrario, constantemente se crean culturemas a partir de motivos diversos. Los motivos son variados: un personaje político, una canción del momento, un tipo de vestimenta, una moda, un determinado hecho político, social, artístico, etc. En conclusión, cualquier item simbólico que por distintas razones haya llegado a tener una relevancia especial en la lengua y sea utilizado como moneda de cambio por parte de los hablantes en su comunicación oral o escrita es un culturema.

Si tuviéramos que ofrecer ya una definición de culturema podríamos tomar la siguiente:

> "un culturema es un fenómeno social de una cultura X que es entendido como relevante por los miembros de esa cultura, y que comparado con un fenómeno correspondiente de otra cultura (Y), resulta ser percibido como específico de la cultura X".

Esta definición de culturema nos aporta además otra de las características definitorias de los culturemas: su especificidad cultural. Un determinado hecho se convierte en culturema cuando se contrasta con otra sociedad en la que dicho hecho no existe y es desconocido. Es decir, es en la transferencia cultural donde los culturemas cobran vida.

Según Molina Martínez [2006: 78–79], los culturemas presentan una serie de rasgos comunes:

1. Los culturemas no existen fuera de contexto, sino que surgen en el seno de una transferencia cultural entre dos culturas concretas. Esta afirmación pretende dar cuenta de dos situaciones diferentes:

a) Los elementos culturales no deben plantearse como elementos propios de una única cultura, habitualmente la cultura origen, sino como la consecuencia de un trasvase cultural.

b) Los culturemas lo son en el marco de dos culturas concretas. La palabra *chador* que se califica como *palabra cultural* no funcionaría como tal si las lenguas en juego fueran por ejemplo el farsi y el urdu, pero sí funciona como palabra cultural entre las lenguas urdu e inglés. Podríamos decir que la palabra X funciona como culturema entre las lenguas A y B, pero no necesariamente entre las lenguas A y C.

2. La actuación de un culturema como tal depende del contexto en el que aparezca. Un culturema puede ser un elemento dinámico sobre el que se articule una argumentación. Por esta razón, para determinar el valor de un culturema son importantes el contexto situacional y la función textual.

2. Origen de los culturemas en español

En español los culturemas surgen de esferas muy diferentes de la realidad. Así, tenemos culturemas que se toman de la Biblia, de la Antigüedad Clásica, de la cuentística popular, de la historia de España, de la política, de las supersticiones populares, etc. Algunos ejemplos de culturemas serían:

HISTORIA DE ESPAÑA: *Santiago y cierra España; los reinos de Taifas; no se tomó Zamora en una hora;¡Cosas veredes, mío Cid!; ni quito ni pongo rey pero ayudo a mi señor; tener manga ancha; salga el Sol por Antequera y póngase por donde quiera; el huevo de Colón; averígualo Vargas*[1]*; quemar las naves como Cortés; vivan las ca(d)enas; el capitán Araña; así se las ponían a Fernando VII; más se perdió en Cuba; quinta columna; los mismos perros con distintos collares; más sonado que la campana de Huesca; Fuenteovejuna todos a una; las cuentas*

[1] Personaje de la corte de los Reyes Católicos.

del Gran Capitán; llora como una mujer lo que no has sabido defender como un hombre (madre de Boabdil).

CUENTOS TRADICIONALES, ETC.: *Pepito Grillo; la zorra y las uvas, la gallina de los huevos de oro; quién le pone el cascabel al gato; la cigarra y la hormiga; ábrete Sésamo*; *la nariz de Pinocho; las ranas pidiendo rey; el lobo y el cordero; la lámpara de Aladino; el viejo de la isla* (episodio de Simbad)*; el traje del emperador; el patito feo; la bella durmiente; Barbazul*[2]*; la madrastra de Blancanieves; la zorra y el cuervo; el rey Midas*; *el ratoncito Pérez*[3]*; los Reyes Magos; el hada madrina (Cenicienta); Caperucita y el lobo; la Bruja de Blancanieves; el flautista de Hamelin; la lámpara y el genio de Aladino, etc.*

BIBLIA Y RELIGIÓN: *Sansón y Dalila; David y Betsabé; David y Urías; el pelo de Sansón; la maldición de Caín; el mayordomo infiel de la Biblia; de Herodes a Pilatos; lavarse las manos como Pilatos; juicio salomónico; el beso de Judas; el ángel de la guarda; el demonio que nos tienta.*

ANTIGÜEDAD CLÁSICA: *Escila y Caribdis; Caja de Pandora; talón de Aquiles; la manzana de la discordia; los trabajos de Hércules; la cabeza de la medusa; la hidra; el rey Midas; complejo de Edipo; complejo de Electra; ave Fénix; lecho de Procusto; pender sobre la cabeza como la espada de Damocles; los establos de Augías; nudo gordiano*, etc.

---

[2] Como es lógico un número de lenguas pueden compartir culturemas ya que tienen tradiciones, historia y literaturas comunes.

[3] El ratoncito Pérez es un personaje de la mitología infantil que deja unas monedas a cambio de los dientes de leche caídos que los niños le ponen debajo de la almohada. Una prueba de que el ratoncito Pérez es un culturema en español es el chiste: *–¿Cuál es el animal con más dientes? – El Ratoncito Pérez.*

Luque Durán (2007) ha realizado un estudio de los culturemas históricos y aquellos basados en los mitos nacionales de diversos países además de España. Así, en Luque Durán (2009) se mencionan algunos ejemplos como:

Historia de Inglaterra: Night of the long knives[4]; Gunpowder plot (Guy Fawkes); Don't wait I give that order[5]; Meet your Waterloo[6].

Historia de Francia: Après moi le deluge (Madame de Pompadour); L'etat c'est moi (Luis XIV); Tuez-les tous, Dieu reconnaîtra les siens[7];

Historia de Italia: Qui si fa l'Italia o si muore[8]; O Roma o morte[9]; L'Italia e' un'espressione geografica[10].

Historia de Portugal: Conto do Vigário; Ficar a ver navios; Vá se queixar ao Bispo.

3. Los culturemas en los medios de comunicación de masas

[4] Purga implacable, la reestructuración del equipo ministerial. Alude a la masacre que hizo Hengist de los británicos en 472.

[5] La reina Isabel I de Inglaterra dijo esto al referirse al hecho de matar a su prima, María Estuardo.

[6] Significa llegar a una prueba final decisiva. El término Waterloo se convirtió en equivalente a algo difícil de dominar o superar.

[7] Amalric a los soldados que preguntaban cómo actuaban en una ciudad de heréticos.

[8] Cesare Abba, un acompañante de Garibaldi, dejó constancia de esta frase dicha por Garibaldi cuando combatía para liberar Sicilia de los Borbones.

[9] Grito de guerra usado por los garibaldinos que intentaron conquistar Roma en las tentativas fracasadas de Aspromonte (1862) y Mentana (1867).

[10] Expresión humillante para los italianos usada por el príncipe Metternich.

Son muchos los culturemas que actualmente se pueden encontrar en los artículos de opinión de cualquier periódico o medio de masas y, en menos medida, en el lenguaje de la calle. Sobre todo, encontramos culturemas en artículos de opinión, anuncios televisivos, chistes gráficos, etc.

La función de los culturemas es diversa: embellecer el texto, darle fuerza imaginológica, facilitar la comprensión de una teoría u opinión, prestar apoyo argumentativo a un texto, estructurar un anuncio televisivo, etc. Piénsese, por ejemplo, en el culturema ['Caperucita y el lobo'] que aparece en muchos chistes gráficos y en anuncios televisivos[11]. La comprensión de los anuncios exige el conocimiento por parte del público receptor del cuento de Caperucita Roja y de distintos contenidos, personajes y propuestas presentes en dicho cuento. Otro anuncio televisivo muestra la situación siguiente: una persona retira una moneda de la fuente y vuelve a lanzarla. En ese momento otra persona que va a entrar en su yate cae al agua del puerto, en el lugar que ocupaba el yate cae un modelo determinado de coche. La comprensión del anuncio exige el conocimiento del culturema ['Moneda lanzada a la fuente cómo expresión de un deseo']. La interpretación, por tanto, es la siguiente: alguien consiguió un yate lanzando una moneda a la fuente, otra persona recoge la moneda y la vuelve a lanzar con otro deseo, este deseo es el nuevo coche anunciado que por el contexto se infiere que es más deseable que el yate que pidió el primer lanzador de la moneda.

En los textos argumentativos encontramos frecuentes culturemas de origen histórico. Uno de ellos, referido a la historia de España, es el culturema ['llora como una mujer lo que no has sabido defender como un hombre']. Esta frase se le atribuye a la madre de Boabdil, quien se dirigió de esta forma a su hijo Boadil cuando este, tras ser expulsado de Granada por los Reyes Católicos, observó por

[11] Actualmente, en España aparece en las pantallas de televisión en dos anuncios comerciales: uno, el anuncio de una colonia y otro el de una promoción de Optimum que ofrece televisión, teléfono e internet en un solo paquete.

última vez la ciudad y suspiró. Esta frase, que ha pasado al acervo cultural de los españoles aparece en un artículo de opinión que lleva el llamativo título *Boabdil Solbes*[12]. La comparación que hace el articulista entre el rey moro Boabdil y el vicepresidente económico del Gobierno, Pedro Solbes la basa en los lamentos que uno y otro hicieron, uno por la pérdida de su ciudad, y otro por la pérdida o más bien, por la cesión de competencias a gobiernos autonómicos en perjuicio del Ministerio de Economía nacional. Según el articulista Solbes, al igual que Boabdil, no han sabido defender sus intereses, y por tanto, lamentarse una vez que han perdido, sirve de poco. El texto es el siguiente:

> El vicepresidente económico del Gobierno, Pedro Solbes, acaba de manifestar su insatisfacción con el contenido del nuevo Estatuto de Cataluña en lo referente a las inversiones estatales. (…) Dicho de otra forma, los estatutos catalán y andaluz acaban de arrebatar al Estado competencias que les son propias, competencias que entran dentro del ámbito del Ministerio de Economía, el cual no ha sabido defenderlas como exigían las circunstancias. **A Solbes, por tanto, ahora podría aplicársele aquello que le dijo su madre a Boabdil tras la pérdida de Granada: "*No llores como una mujer lo que no has sabido defender como un hombre*".**

Otros ejemplos en los que se utilizan culturemas de origen histórico en titulares o artículos de opinión son:

> [TEXTO 1] Rajoy pone en su sitio a los barones: "**No somos un reino de taifas"**[13]. Mostró su hartazgo durante un Comité Ejecutivo Nacional con récord de participación: hubo 26 intervenciones, una docena de presidentes regionales. En ausencia de Aguirre, habló Güemes.

---

[12] *http://www.libertaddigital.com/opinion/emilio-j-gonzalez/boabdil-solbes-34507.*

[13] http://www.elsemanaldigital.com/articulos.asp?idarticulo=102015

En este titular se compara la situación actual de desunión y caos del Partido Popular con la situación real que se dio en España durante los reinos de Taifas donde había muchos jefezuelos locales pero no existía un poder general capaz de gobernarlos a todos.

Otro texto critica la actuación del gobierno en el manejo de una situación crítica como fue el secuestro de un barco pesquero en el mar Índico:

> **La guerra de Gila.** Se veía venir. Con un Ejército que ha equivocado su orientación y con una Ministra de Defensa pacifista, no resulta en absoluto extraño que los piratas eritreos, somalíes y de las Chimbambas nos tomen la filiación y, sorteando a los ejércitos de cualesquiera otras nacionalidades, se ceben con nuestros ciudadanos[14].

La *guerra de Gila* es un culturema basado en un sketch cómico de un humorista muy famoso en España durante décadas: Miguel Gila. En este sketch la guerra era trivializada como algo ridículamente familiar y absurdo. Al comparar la situación del Índico con la guerra de Gila se transmite un fuerte mensaje de que el gobierno español es incapaz de hacer una guerra seria, de tomar las decisiones oportunas según exige la gravedad del caso. En resumen, que el gobierno español ha hecho un espantoso ridículo y ha dejado la dignidad del ejército español por los suelos.

4. Tipología de los culturemas según su capacidad argumentativa

El estudio de los culturemas precisan no solo la creación de inventarios que contengan aquellos más frecuentes y usados en los medios de comunicación actuales, sino también un estudio que muestre los distintos tipos de culturemas y sus distintas funciones textuales. Ofrecemos aquí un resumen mínimo del funcionamiento de los culturemas. Estos han de tener una estructura compleja proyectable a situaciones coyunturales, es decir, han de responder al esquema:

[14] http://www.diariosigloxxi.com/texto-diario/mostrar/48082

X es como CULTUREMA Y

Mediante esta fórmula general comprendemos que el culturema (Y) nos da una interpretación de X. X corresponde a lo que alguien hace, lo que dice, lo que debe hacer, la situación en que se encuentra dicha persona, etc. Es decir, mediante la equiparación de una situación real, de un personaje, etc. se tipifica su conducta / acción, la situación en que se haya, el acto verbal que realiza, etc. Sintéticamente, los casos más abundantes son:

A1) **es lo que hace:** *como el niño que gritó 'lobo'; quemar las naves como Cortés; lavarse las manos como Pilatos.*

A2) **lo que realmente dice:** *están verdes dijo la zorra.*

A3) **lo que realmente es:** *ser algo el cuento de la lechera**;** los mismos perros con distintos collares; las cuentas del Gran Capitán; ser el cuento de nunca acabar; ser cueva de Ali-Babá; la guerra de Gila.*

A4) **situación en que se encuentra alguien / algo:** *Escilla y Caribdis; la espada de Damocles; cornudo y apaleado.*

A5) **lo que debe / debería hacerse:** *la campana de Huesca; el mayordomo de la Biblia[15]**,** los establos de Augías; nudo gordiano.*

Conclusión

El estudio de los culturemas en el lenguaje argumentativo exige un doble conocimiento, de una parte el saber reconocerlos y de otra parte, y esta es la más complicada, el saber interpretarlos correctamente. En muchas ocasiones, los culturemas son claros y su relación con el argumento del texto es indicada por el propio periodista para que sus lectores no se pierdan. Sin embargo, en otras muchas ocasiones, los culturemas están tan entrelazados en el texto de manera casi evocadora que el lector tiene que hacer un verdadero ejercicio de resolución de

[15] Parábola del mayordomo infiel Lucas 42:16:15

acertijos para poder comprender a la perfección qué ha querido decir el articulista al utilizar un determinado culturema.

BIBLIOGRAFÍA

1. *Luque Durán, Juan de Dios* (2007): "La codificación de la información lingüístico-cultural en los diccionarios (inter)culturales". En Luque Durán y Pamies Bertrán (eds.): *Interculturalidad y Lenguaje I. El significado como corolario cultural*. Granada: Método, pp. 329–374.

2. *Luque Durán, Juan de Dios* (2009): "El diccionario intercultural e interlingüístico y su aplicación a la traducción de culturemas". Ponencia presentada a las *III Jornadas Internacionais da Traduçao da Universidade da Evora*. Evora, 2009.

3. *Molina Martínez, Lucía* (2006): *El otoño del pingüino: análisis descriptivo de la traducción de los culturemas.* Castellón de la Plana: Publicaciones de la Universitat Jaume I.

Мартынова Ю. В.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК-РЕАКЦИЙ НА КОМПЛИМЕНТЫ В ИСПАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ

Положение о необходимости изучения иностранного языка в неразрывной связи с культурой народа-носителя данного языка уже давно воспринимается как аксиома. Взяв во внимание изменившийся статус иностранного языка, как средства общения и взаимопонимания, особо подчеркивается необходимость усиления прагматических и социокультурных аспектов его изучения.

Речь идет не просто о знании языка, а об умении использовать его в реальном общении, т. е. о практическом владении языковыми средствами и, следовательно, о развитии межкультурной компетенции.

Формирование коммуникативной компетенции неразрывно связано и с социокультурными и страноведческими знаниями, иными словами, с вторичной социализацией. Без знания социокультурного фона и социокультурных установок нельзя сформировать коммуникативную компетенцию даже в ограниченных пределах. Проявление особых установок и ожиданий коммуникантов при реализации речевых актов (РА), в одинаковой мере присущих различным языковым культурам, легко проследить на примере РА «Комплимент» в испанском языке и американском варианте английского языка.

В различных языковых культурах при реализации РА «Комплимент» возникают отличия, как в плане контекстного содержания, так и в плане целей речевого высказывания. Однако особое внимание привлекает не только сравнение особенностей реализации данного РА, но и ответные реакции коммуникантов. В каждой лингвокультуре существует общепризнанное понятие о том, что есть «правильный ответ» на услышанный комплимент. Знание и выполнение своеобразных правил РА гарантирует его успешную реализацию и, следовательно, свидетельствует о коммуникативной компетенции участников общения.

Если попытаться обобщить стратегии коммуникативного поведения при реализации РА «Комплимент», то для испанской и американской языковой личности (ЯЛ) стратегии и социокультурные установки будут отличаться, что хорошо видно при подробном рассмотрении ответных реплик-реакций коммуникантов. Для испанской ЯЛ при успешной реализации РА «Комплимент» характерным будет использование набора определенных ответных стратегий, которые можно проследить на

нескольких возможных примерах ответных реплик на отдельно взятое комплиментарное высказывание *¡Qué bien te sientan estos pantalones!*.

A	**B**
1: ¡Qué bien te sientan estos pantalones! 2: Gracias.	1: ¡Qué bien te sientan estos pantalones! 2: ¿Sí? ¿Te gustan? Pues son baratísimos. 1: Me encantan. De verdad. 2: Ah, pues gracias.Ya sabes, cuando quieras.

При реализации РА «Комплимент» в испанской языковой культуре говорящий исходит из двух возможных ожиданий:

A – адресат не принимает комплиментарное высказывание и не вступает в ритуал РА «Комплимент». В данном случае ожидаемая адресантом ответная реакция сведется к благодарности “Gracias” и разговор будет переведен на другую тему.

B – адресат принимает комплиментарное высказывание и вступает в ритуал РА «Комплимент», используя при этом *определенный (социокультурно ограниченный) набор ответных реплик,* которые можно классифицировать следующим образом:

1. Снижение значимости восхваляемого факта или предмета, используя набор этикетных формул: *Pues son baratísimos (Pues son viejísimos).* При этом адресат ожидает, что адресант подтвердит искренность своего высказывания *(Me encantan de verdad; En serio, son preciosos; Serán viejos, pero sí son muy bonitos)* и в качестве завершения ритуала последует благодарность за комлементарное высказывание: *Ah, pues gracias. Y ya sabes, cuando quieras, te los presto.*

2. Если речь идет о внешнем виде, то уместно ответное комплиментарное высказывание: *Tú sí que estás guapo /a; Tú que me miras con buenos ojos*.

3. В зависимости от ситуации можно прибегнуть к дополнительным тактикам, таким как шутка, ирония: *Es que soy como los vinos. Mejoro con la edad.*

Для американской ЯЛ свойственна более *ограниченная* парадигма возможных ответных реплик на РА «Комплимент», так как он носит менее ритуальный характер.

1. Благодарность: *Oh, thank you. / Thank you / Thanks*.

В испанской лингвокультуре, подобная ответная реплика, выступая в качестве первой и единственной, приведет к коммуникативной неудаче и будет расценена как неприятие РА «Комплимент».

2. Взаимное комплиментарное высказывание: *Thanks. You look nice today also / Thanks, so do you*.

При переносе вариантов ответов, свойственных американской ЯЛ, в испанскую языковую культуру, испанская ЯЛ испытает культурный шок и воспримет данное поведение как отказ от ритуала РА «Комплимент»; ожидание, что собеседник поддержит ритуал РА «Комплимент», не оправдывается.

Таким образом, при анализе функционирования таких РА как «Комплимент» следует рассматривать не только схему функционирования единиц речевого этикета на уровне структуры, но и уделять должное внимание социокультурным установкам и ожиданиям коммуникантов, которые варьируются в зависимости от принадлежности к той или иной языковой культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Backman L. F.* Fundamental Considerations in Language Testing, Oxford: Oxford University Press, 1990. – 408 p.

2. *Canale M., Swain M.* Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing. – Applied Linguistics. – No 1. – 1980. – P.1–47.

3. *Gumperz J. J.* Discourse Estrategies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 225 p.

4. *Harris M.* Antropología cultural. – Madrid: Alianza editorial, 1990.

5. *Hymes D. H.* On communicative competence // Sociolinguistics. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – 269–293.

6. Miquel L., Sans N. Didáctica del Español como lengua extranjera. – Madrid: Expolingua. – vol. 3. – 1994. – P. 75–94.

7. Miquel L., Sans N. El componente cultural: un ingrediente más en las clases de lengua. – Cable. – No 9, abril. –1992. – P. 15–21.

8. *Saville-Troike M.* The ethnography of Communication. An Introduction. – London: Basil Blakwell, 1982. – 198 p.

Микаэлян Ю. И.

Московский государственный

университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *MUERTE* (СМЕРТЬ) В КАРНАВАЛЬНЫХ ФОРМАХ КУЛЬТУРЫ МЕКСИКИ

Исторически карнавальные формы восходят к древним языческим праздникам аграрного типа, включавшим в свой ритуал смеховой элемент. С приходом христианства происходит переосмысление многих языческих праздников и их включение в церковный календарь. Однако и сейчас многие празднества у носителей разных культур несут на себе отпечаток карнавализации, отражая двойной аспект восприятия мира: «серьезный»,

официальный и так называемый «смеховой», карнавальный [Бахтин 1990: 13].

Национальный мексиканский праздник Día de los muertos (День мертвых) воплощает в себе насмешливое, карнавальное отношение к смерти. В день праздника одна из основных категорий мировоззрения любого народа – смерть – подвергается карнавальному переосмыслению и снижению. Фигура смерти, помимо символа неизбежной печали по умершим, выступает и в роли карнавального страшилища, которого не боятся и над которым смеются.

Празднование Día de los muertos связано с доиспанским ацтекским сельскохозяйственным календарем. Это был единственный праздник, который отмечали во время начала сбора урожая, и первое крупное пиршество после предыдущих голодных месяцев. Такое радостное событие древние ацтеки стремились разделить даже с умершими. И в наши дни в праздновании Дня мертвых сохраняется сильное влияние доиспанских культов мертвых [Таубе 2005: 42, 71].

В отличие от христианской традиции, в мировоззрении ацтеков и майя не было места для страха перед смертью, поскольку смерть воспринималась ими не как прекращение жизни, а напротив, как ее продолжение. Однако нельзя рассматривать отношение современных мексиканцев к смерти как исключительно насмешливо-праздничное, восприятие смерти амбивалентно и совмещает в себе вместе с насмешкой также и естественную печаль и страх перед утратой близких. Такая двойственность восприятия возникает в результате синтеза доиспанских языческих верований и христианства.

Как отмечает М. М. Бахтин, одной из характерных черт карнавального мироощущения является отмена всех иерархических отношений, снижение и перевод всего высокого, духовного в материально-телесный план. Таким образом, сакральные вещи, в обычной жизни вызывающие страх и трепет, в стихии карнавала подвергаются осмеянию, на празднике карнавала все

грозное становится смешным [Бахтин 1990: 31]. Это осмеяние смерти можно интерпретировать как своеобразную попытку преодолеть страх перед утратой и перед непознаваемым, лежащим за гранью жизни.

На лингвистическом уровне карнавализация смерти проявляется в особенностях речевого поведения, которое также ярко отражает специфику национального менталитета мексиканцев.

В испанском языке Мексики синонимический ряд лексем *muerte, muerto* существенно расширяется по сравнению с пиренейским вариантом. В большинстве своем эти синонимы метафорические, разные по коннотациям и экспрессии. За переносными обозначениями, как правило, комическими и гротескными, стоит представление о смерти как о скелете: *dientona, la sin dientes, cabezona, flaca, tembeleque, calva, pelona, pelada, pelá*. Существительное *calaca* является мексиканским вариантом обозначения черепа (*calavera*) и, выступая синонимом смерти, также восходит к скелету как ее традиционной символике [Чеснокова 2004: 77].

В мексиканском варианте испанского языка упоминания смерти встречаются практически во всех сферах жизни, часто приобретая как философский, так и ироничный характер. Мексиканская идиоматика изобилует примерами, соотносимыми с обыденными ситуациями, где снижение, десакрализация понятия «смерть» может рассматриваться как своеобразное средство карнавализации речевого поведения.

В речевом поведении мексиканцев встречаются такие карнавальные приемы, как насмешка над смертью, основывающаяся на принижении силы олицетворяемой смерти: *Al cabo la muerte es flaca y no ha de poder conmigo – Смерть слаба, и меня ей не одолеть*; или конструировании алогичных ситуаций: *No vas a morir de parto ni de cornada de burro – Ты не умрешь ни от родов, ни от удара рогом осла* (адресовано мужчине) [Чеснокова 2004: 80].

Карнавализация смерти в культурологическом и лингвистическом планах ярко отражает специфику менталитета мексиканцев: они много рефлексируют над смертью, не страшась ее. Подобное отношение обусловлено синтезом культур: доиспанской, индейской культуры ацтеков и майя с их культом поклонения смерти, и католической культуры Испании, принесенной конкистадорами на американский континент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.

2. *Таубе К.* Мифы ацтеков и майя / Пер. с англ. К. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 112 с.

3. *Чеснокова О. С.* Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: Учеб. пособие. – М.: изд-во РУДН, 2004. – 99 с.

Михеева Н. Ф.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

О КОНТАКТНЫХ, СМЕШАННЫХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

Открытость политики любого государства мировому сообществу стимулирует процессы интеграции и интернационализации разных сфер человеческой деятельности.

В изменившихся условиях человек в своей повседневной, в том числе, профессиональной, жизни все чаще «сталкивается» с иностранными языками. Более того, интеграционные общественные процессы меняют не только статус иностранных языков в обществе, но и выполняемые ими в этом обществе функции. Приоритетными становятся установление

взаимопонимания между народами, обеспечение доступа к многообразию мировой политики и культуры.

В связи с этим все большее внимание научной общественности привлекают проблемы, связанные с контактами различных языков и культур.

Известно, что в неэкстремальной ситуации языковых контактов языки могут взаимодействовать на протяжении долгого времени и постепенно оказывать влияние друг на друга. В результате в одном языке проявляются следы влияния другого языка. В фонетике, морфологии, синтаксисе возникают черты, которые не существовали в доконтактный период. (Такое влияние иногда называют интерференцией, имея в виду взаимодействие, взаимное влияние двух языковых систем в условиях билингвизма). Другой результат межязыкового взаимодействия в неэкстремальных ситуациях – лексические заимствования.

В экстремальной ситуации языковых контактов может возникнуть контактный язык, который принято называть пиджином. Как правило, образование пиджина происходит в экстремальной ситуации межэтнических контактов при остром дефиците общего для всех носителей средства языкового общения. Лингвистический результат межэтнических контактов зависит от типологической близости родных языков, вовлеченных в контактную ситуацию людей, а также от целого ряда социальных факторов – социального статуса, численности, половозрастной структуры, образовательного уровня участников ситуации, от продолжительности и интенсивности контактов. Прототипическими считаются случаи образования пиджинов на рабовладельческих плантациях в бассейнах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Суперстратными языками (на которых говорили белые рабовладельцы, надсмотрщики и т. д.) в этих случаях выступали языки метрополий: английский, португальский, испанский, французский, голландский; субстратными – родные языки рабов, а также

наемных рабочих, привезенных на плантации. Суперстратный язык является языком-лексификатором – он дает пиджину всю или почти всю лексику, точнее материал, на базе которого строится лексическая система. В прототипическом случае пиджин возникает как результат взаимодействия двух процессов – сознательного упрощения языка со стороны носителей суперстратного языка (иногда в этом случае говорят о специальном регистре для иностранцев) и неполного усвоения суперстратного языка носителями субстратных языков. Такая ситуация отражает отношения социального неравенства, в которых находятся участники контактной ситуации.

Социальные условия вообще играют огромную роль при образовании пиджинов, и часто именно от них зависит, какие лингвистические черты будет иметь пиджин. Так, если контактирующие группы имеют примерно равный статус, то образовавшийся пиджин может иметь два языка-лексификатора, как это произошло, например, в случае с руссенорском (русско-норвежский пиджин, лексический состав которого сложился на базе норвежского и русского языков, если не считать немногочисленных вкраплений из английского, голландского, нижненемецкого, шведского, саамского).

Пиджин ни для кого не является родным языком. Число носителей пиджина может быть очень различно – от горстки людей (например, эскимосский французский пиджин, использовавшийся в восточной части современной Канады в XVIII в.) до сотен тысяч (например, так называемый чинукский жаргон в начале XX в. на западном побережье Канады в районе Ванкувера) и даже нескольких миллионов (западно-африканский пиджин-инглиш в Нигерии или нага-пиджин в Индии).

В качестве диагностических признаков пиджинов традиционно выделяют следующие:

1) взаимная непонятность (неполная понятность) пиджина и того языка (языков), который послужил языком-лексификатором;

2) пиджин должен быть выучен; он не может быть создан путем произвольного упрощения языка его носителем;

3) пиджин не является родным ни для кого из говорящих на нем.

Выделяют и некоторые структурные черты, свойственные большинству пиджинов (именно большинству, а не всем, так как «исключения» довольно многочисленны). Это − ограниченный словарь и чрезвычайно простая грамматика. Пиджину как лингвистической системе совершенно несвойственна избыточность. Из всех традиционно выделяемых языковых функций он реализует только коммуникативную.

Еще одним примером новых языковых систем, используемых вновь образовавшимися социумами, могут служить так называемые смешанные языки.

Смешанный язык – это язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем он возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения. Исходно все члены группы – билингвы, владеющие теми двумя языками, на базе которых возникает смешанный язык. Образовавшийся смешанный язык как бы составлен из различных частей языков-источников, при этом лексика взята из одного языка, а большая часть грамматических структур – из другого.

Смешанные языки отличаются от пиджинов следующим: главное отличие состоит в том, что появление смешанного языка не обусловлено отсутствием общего средства коммуникации. Группа, которая в дальнейшем начинает пользоваться смешанным языком, исходно всегда двуязычна.

Основная причина появления нового (смешанного) языка – конструирование группой, поначалу занимающей маргинальное положение, собственной идентичности. Вновь образовавшаяся группа в качестве одного из маркеров этничности использует вновь образовавшийся язык.

Примером смешанных языков может служить, на наш взгляд, Spanglish на территории США. На Spanglish пишутся произведения художественной литературы, он встречается в СМИ, проникает в общественно-политическую сферу. Вот как выглядит на Spanglish роман М. Сервантеса «Дон Кихот» (перевод сделан известным испанистом И. Стивенсом):

"Después salió a ver su caballo, y although el animal tenía más cracfks en sus hoobes que cuarers en un real, y más blemishes que′l caballo de Gonela, which "tantum pellis et ossa fuit" ("all skin y bones"), nonetheless le pareció al felo que era un far better animal que el Bucephalus de Alexander or el Babieca del Cid. El spend cuatro días complete tratando de encontrar un nombre aporopiado oa′l caballo: porque – so se dijo ti himself – viendo que era propiedad de tan famoso y worthy caballero, there was no razón que no tuviera un nombre de equal renombre. El type de nombre que quería was one that would at once indicar what caballo it had been antes de ser propiedad del caballero errant y también what era su status presente; porque, cuando la condición del gentleman cambiara, su caballo also ought to hace una apelación famosa, una high soundin one suited al nuevo orden de cosas y a la new profesión that was to follow; y thus, pensó muchos nombre en su memoria y en su imaginación discardeó many other, aladiendo y sustrayendo de la lista. Finalmente hinteó el de “Rocinante”, un nombre that lo impresionó as being sonoroso y al same time indicativo of what el caballo had been cuando era de segunda, whereas ahora no era otra cosa que el first y feromost de los caballos del mundo.

"Habiendo foundeado un nombre tan pleasin pa′ su caballo, decidió to do the same pa′ himself. Esto requirió otra semana. Pa′l final de ese periodo se había echo

a la mente that él as henceforth Don Quixoter, which, como has been stated antes, forwardeó a los autores d′este trú cuento a asumir que se lamaba Quijada y no Quesada, as otrios would have it …" /данные Интернет/.

Контакты диалектов – это одна из самых важных мотиваций в развитии лингвистических изменений. Идея о том, что контакты играют важную роль в истории и диалектологии испанского языка, является центральной в работе Р. Пенин «Вариации и изменения в испанском языке» (2002), частично основанной на идеях Дж. и Л. Мильроя (1985) о роли социальных корней в инновациях и распространении лингвистических явлений.

В связи с этим интересна мысль В. Лабова о том, что «сельские» или региональные диалекты трансформируются в городские диалекты в результате контактов диалектов, как результат миграции.

Ле Паж (1980) проанализировала пути развития различных диалектов в результате их контактов: от «сращивания» до «размывания». «Сращивание» − это слияние диалектов на основе сохранения нормы. «Размывание» означает потерю нормы в результате «смешения» разнообразных диалектов. Согласно точке зрения указанного ученого, в случае городской миграции коммуниканты, как правило, владеют нормами разговорной речи. Однако в процессе демократизации языка указанные нормы «размываются». В дальнейшем, наряду с сохранением «нейтрального и размытого» стандарта, происходит становление новых норм живой разговорной речи.

Безусловно, данный вопрос требует многочисленных специальных исследований не только в области испанского, но и других романских языков.

Oleg T. Moguilny

Universidad Estatal Pedagógica de Moscú

Moscú, Rusia

INVECTIVA EN EL HABLA POPULAR:

ASPECTOS SOCIOLINGÜÍSTICOS, PRAGMÁTICOS Y CULTURALES

Es sabido que "la lengua es el hábitat de la conciencia del ser humano" que busca el equilibrio constante entre la regularidad del pensamiento y el caos de las situaciones vitales, de psicologías individuales y de valores sopesados [Арутюнова 1988: 5]. Precisamente la lengua es el indicador del nivel cultural de toda sociedad. Conforme a la opinión del famoso periodista y crítico español Francisco Umbral, el último – nivel cultural del español – ha decaído considerablemente [Umbral 1998: 68]. Lo testimonia de una manera evidente la creciente introducción en el habla española, sea en forma hablada o escrita, de las palabras de sentido peyorativo que impactan al público y suenan mal [Moguilny 1995; 1996], antes proscritas por las normas socio-culturales o reglas de urbanidad.

Las cuestiones de conducta irregular o no estandarizada, desde el punto de vista de las normas verbales ya formadas dentro de la sociedad, atraen la atención de lingüistas, psicólogos y últimamente la de neurolingüistas que estudian los aspectos tanto psicológicos, como fisiológicos del comportamiento del ser humano en el momento de verbalizar o pronunciar estas palabras malsonantes. Teniendo en cuenta su extensión en aumento en el habla de los representantes de todas las capas sociales, la neurolingüista norteamericana Diana Van Lanquer considera que los lingüistas y los psicólogos deberían prestar más atención a este problema socio-lingüístico actual [Van Lanquer 2000: 15].

La actualidad de dicho tema la confirma el hecho de que últimamente, en muchas lenguas europeas, incluidas la española y la rusa, han aparecido una serie de artículos y diccionarios [Luque, Pamies, Manjón 2000; Квеселевич 2005; Cela 1998; DUEA 1997], cuyos autores han intentado analizar y sistematizar esta extensa capa del léxico.

Cabe indicar que entre los autores de estos trabajos fundamentales se percibe una divergencia en la terminología aplicada al léxico de semántica peyorativa:

behavitivos o palabras chocantes [Ostin 1986], léxico no estandarizado [Jomiakov 1992], léxico injurioso u ofensivo [Moquiyenco 1995], léxico tabuizado [Volkov 1993], léxico invectivo [Zhelvis 1985; Firsova 1994], palabras malsonantes [Criado de Val 1980] y otros.

El objeto de este estudio es la invectiva, que forma un extenso campo de semántica peyorativa, dirigido explícita o implícitamente contra un sujeto determinado del discurso.

El microcampo de la invectiva está formado por palabras que toman sus raíces en el habla popular. Poseyendo una semántica positiva o negativa, la palabra fuera del contexto interviene como unidad neutral, revelando su semántica a través del contexto. Camilo José Cela escribe en "Las cuatro generaciones": “Con la palabra se domeñan las almas y los corazones, se rigen las voluntades y se orientan las conciencias y las conductas. La palabra es la herramienta del hombre, el arma con la que el hombre ama la vida, pelea con la muerte y contra la muerte y deja constancia de sí mismo y de todos sus anhelos y vicisitudes”[Cela 1998]. Y de los vicios humanos, podríamos añadir.

Como uno de los vicios más extendidos se podría citar la excesiva inclinación a recurrir, en el discurso coloquial, a las palabras y locuciones de significado peyorativo o la invectiva dirigida o no dirigida contra: 1) un ser humano o 2) un objeto inanimado.

Las más frecuentes situaciones son aquellas que están relacionadas con caracterizar despectivamente las propiedades mentales o físicas de la persona o circunstancias en que discurren las situaciones mencionadas. Los determinativos que atribuyen a la apreciación lingüística el significado peyorativo, son vocablos relacionados con la idea de designar los procesos fisiológicos del hombre, así como también nombres de los órganos reproductores de ambos sexos y la verbalización del proceso relacionado con el continuar del género humano: *mierda*, *gilipollas*, *coño, coña, puta*, *putón desorejado, tonto del carajo, cabrón, pendejo,* y muchos

otros de la misma índole. Debido al proceso de desemantización el valor semántico de este grupo léxico, en determinadas situaciones, se reduce a cero.

Hay que constatar que en español, como en otras lenguas, se está observando una introducción pujante y bastante extensa del léxico perteneciente al campo semántico peyorativo de la invectiva, cuya relación con su significado principal se está perdiendo en los nativos. Es muy notorio que dicho léxico en " Diccionario Secreto" fue denominado de una manera más que acertada por D. Camilo José Cela "el tigre del español". Este fenómeno tiene carácter universal y se observa en la mayoría de las lenguas europeas, y evidencia, a nuestro entender, la disminución del nivel de las normas éticas socio-culturales.

Concluyendo esta reseña podemos decir que:

– La invectiva como categoría lingüística debe ser valorada como un determinado sistema que ocupa un lugar concreto en la jerarquía socio-estilística del sistema léxico nacional;

– Ésta se caracteriza por una considerable disminución de valores ético-morales y estilísticos que varía sus rasgos expresivos desde la ironía informal habitual hasta la expresión familiar de tipo despectivo.

– La disminución del valor ético-estilístico de la invectiva contribuye a la percepción de la última como léxico vulgar, que se origina en la denominación extremadamente obscena medieval.

– La invectiva española, lo mismo que la invectiva rusa, es el reflejo de la psicología, no sólo de las personas de poca cultura, sino también de las de la clase media e incluso de las capas sociales más altas.

– A la invectiva le son propios matices de rasgos tanto emocionales, como metafóricos.

BIBLIOGRAFÍA

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковызх значений. Оценка. Событие. Факт. / Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 339 с.

2. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 1024 с.

3. Cela C. J. Cuatro generaciones. – ABC. – 4.10.1998.

4. Diccionario de uso del español actual [DUEA] / Maldonado González C. (coord.). – Madrid: SM, 1996.

5. *Luque J. de D., Pamies A., Manjón F. J.* Diccionario del insulto. – Barcelona: Península, 2000. – 488 p.

6. *Moguilny O.* Apreciación peyorativa y medios estilísticos de atenuación en español // Actas de la Primera Conferencia de Hispanistas de Rusia. – Madrid, 1995.

7. *Moguilny O.* Eufemismos como medios estilísticos de disminuir la apreciación peyorativa en español // Материалы XXXIX научно-практической конференции. – Таганрог: изд-во ТГПИ, 1996. – С. 155–159.

8. *Van Lanquer D.* Naprasnie slova. – Poisk. – No 562 – 25.02.2000.

9. Umbral F. La España mágica. El Mundo. 12 de noviembre de 1998.

Мунгалова О. М.

Московский государственный

университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ТЕНДЕНЦИЯ К ВЫРАЖЕНИЮ ГЕНДЕРНОЙ СИММЕТРИИ В ОБОЗНАЧЕНИИ ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале пиренейского варианта)

A priori известно, что морфологический строй языка как наиболее глубинный ярус языковой структуры характеризуется устойчивостью к внешним воздействиям. Тем не менее, в морфологической системе испанского языка наших дней с поразительной быстротой возникают

новшества, которые прокладывают себе путь благодаря тому, что на грамматический строй языка оказывают непосредственное воздействие именно социальные факторы. Наиболее подвластным социальным воздействиям оказался разряд существительных со значением лица, характеризуемого по профессии или по роду деятельности. В этой сфере наметилась отчетливая тенденция к установлению симметричной гендерной оппозиции, в которых грамматическим средством выражения пола являются либо флексии – синтетические показатели рода (decano / decana), либо суффиксы (alcalde / alcaldesa). Ярким примером таких корреляций являются бытующие в живой разговорной стихии образования типа: torero / torera, puta / puto, niñera / niñero и др. Вместе с тем, получили широкое распространение номенклатурные обозначения лица женского пола по виду деятельности, что является результатом общественного признания профессионального и социального статуса женщин и фиксируется в словарях (presidenta, primera ministra, gobernadora, médica, jueza).

Целью предлагаемой статьи является анализ гендерных корреляций по виду деятельности в современном испанском языке в условиях воздействия на язык со стороны социума, а также рассмотрение некоторых изменений, происходящих в узусе и норме под влиянием социальных факторов.

На протяжении многовековой истории Испании социальные условия неравенства полов в общественной сфере глушили потенциально существовавшую в системе испанского языка возможность к созданию симметричной родовой оппозиции для обозначения профессиональной деятельности женщины отдельным словом женского рода (*arquitecto / arquitecta*). В книге “La mujer en el siglo XX” известный испанский социолог Хулиан Мариас отмечает, что в конце XIX в., когда в Испании проводилась перепись населения, большинство женщин в графе «род занятий» поставили таинственные буквы LS, что означало sus labores ‘домашние дела’ [Marías 1980: 52]. Многие актуальные процессы, происходящие в современном

испанском языке, связаны с понятием гендера. Гендер-комплекс социально-культурных представлений о поведении человека в зависимости от его пола оказался в центре внимания в западных странах во второй половине XX в., когда борьба за равенство полов приобрела особую социальную остроту. Поскольку речевое поведение является неотъемлемым компонентом социального поведения в целом, гендерная вариативность неизбежно получает отражение в языке.

В связи с этим, внутри социолингвистики возникло новое направление гендерная лингвистика, которая изучает наличие определенных особенностей в мужском и женском вербальном поведении. В рамках этого направления анализируются изменения в узусе под влиянием сознательного воздействия языкового коллектива, который стремится к реформированию языковых норм с позиций гендерной корректности. Ярче всего инициативы по искоренению сексизма и андропоцентризма в языке проявились в исследованиях представительниц нового течения – феминистской лингвистики, которая зародилась в 60–70-х гг. прошлого столетия (М. Рич Кей, Р. Лакофф, Л. Пуш и др.).

В Испании генедерные исследования активизируются в конце 80 – начале 90-х гг. Среди наиболее важных работ следует упомянуть труды А. Гарсии Месегера “Lenguaje y discriminación social” (1977), П. Гарсии Мутон “Cómo hablan las mujeres” (1991), И. Лосано Доминго “Lenguaje femenino, lenguaje masculino” (1995), А. Лопеса и Р. Моранта “Gramática femenina” (1991). Авторы этих работ утверждают, что сознание испанского социума пропитано идеями и ценностями мужской идеологии, поэтому долговременное патриархатное преобладание мужской точки зрения находит отчетливое отражение в языке.

В этой связи следует упомянуть, что составители XXII издания DRAE (2001) были подвергнуты критике со стороны филологов-феминисток за то,

что, по их мнению, словарь отражает мир с андроцентристских позиций. “Androcéntrico, con detalles sexistas y un cierto machismo”, “una explicación del mundo desde un punto de vista de hombre, católico y heterosexual” – так характеризуют авторы концепцию нового издания академического словаря [Lledo, Calero, Forgas 2004: 22]. Авторы книги упрекают составителей словаря, например, в отсутствии пометы *‘sexista’* в толковании словосочетания *“hijo de puta”,* видя в этом предвзятость и враждебность по отношению к женщинам, что проявляется также в стереотипных представлениях о мужчинах как носителях активного творческого начала, а о женщинах как о слабом поле, чей удел – сфера домашнего хозяйства, воспитание детей и т. д. [Lledo, Calero, Forgas 2004: 246].

Феминистское движение не ограничилось констатацией факта неравноценной представленности маскулинности и фемининности в языке.

Благодаря усилиям лингвистов этого направления были предприняты реформы, касающиеся изменения норм некоторых европейских языков, в частности, английского и немецкого. В Испании также с конца 80-х гг. прошлого века осуществляются попытки изменения некоторых норм языка, в частности, в сфере делового общения с позиций гендерного равноправия.

Министерство по образованию и науке выпустило инструкцию “Recomendaciones para el uso no sexista de la lengua” (1988), Институт Женщины, который существует под патронатом Министерства социального развития – “Propuestas para evitar el sexismo en el lenguaje” (1989). В пособии “Manual de estilo del lenguaje administrativo” (1994), адресованном государственным чиновникам, есть раздел, направленный на устранение гендерной дискриминации в административном словоупотреблении.

В 1994 г. при Институте женщины был создан консультационный совет по языку NOMBRA, который в 1997 г. предложил внести в готовящееся XXII издание DRAE гендерно симметричные обозначения женских профессий.

Этот консультационный совет только в 2006 г. издал несколько сборников инструкций, направленных на достижение равенства мужчин и женщин в языковой сфере: “Las profesiones de la A a la Z. En femenino y en masculino”, “Hablamos de Salud. En femenino y en masculino”, “Nombra en red. En femenino y en masculino”. В автономных областях Испании существуют региональные филиалы Института Женщины (Каталония, Страна басков, Андалусия, Экстремадура), которые активно участвуют в создании пособий по устранению языкового сексизма. Существующие рекомендации по гендерной корректности употребления могут быть сведены к следующим.

– Поскольку в слове *hombre* отождествлены понятия «человек» и «мужчина» и они выражаются одним словом, следует отказаться от употребления *hombre* в обобщающем значении ‘человек’, заменяя его словами *persona, ser humano, pueblo* и др.: *los derechos del hombre / los derechos humanos; Museo del Hombre / Museo de la Humanidad, el hombre de la calle / la gente de la calle, el hombre dominicano / el pueblo dominicano, a medida del hombre* / *a medida del ser humano* [García Meseguer 1994: 46; Recomendaciones 1991: 5–9].

– Существительные мужского рода могут употребляться неспецифированно, т. е. целесообразно устранить гендерную ассимметрию при обозначении лиц по профессии: *soldado / soldada, juez / jueza, decano / decana* [Bosque, Demonte 1999: 48–64].

– Учитывая, что испанский язык предпочитает форму мужского рода для обозначения лиц обоих полов или группы лиц разного пола, нужно избегать обозначения группы лиц мужского и женского пола формой множественного числа существительных мужского рода и, по возможности, замещать их собирательными существительными: *los estudiantes / el estudiandado; los funcionarios / el funcionariado; los alumnus / el alumnado*. При отсутствии в системе языка собирательных существительных

желательно обозначать представителей обоих полов раздельно: *cada trabajador y trabajadora, ciudadanos y ciudadanas* [Andrés Castellanos 2001: 5–6].

– Следует изъять из узуса обращение *señorita,* так как симметричный член родовой оппозиции *señorito* имеет другое значение (представитель золотой молодежи) [Andrés Castellanos 2001: 5–6; Recomendaciones 1991: 28–30].

Заметим, что хотя многие из подобных рекомендаций противоречат соображениям здравого смысла и языкового вкуса, они активно внедряются, прежде всего, в сферу административно-делового словоупотребления Испании. Так, в системе административного делопроизводства введены формуляры бланков, где обозначение пола конкретного лица в соответствующих графах отмечается специально (-o / -a): *El trabajador /a; D / Da; contratado /a; jubilado /a.* В публичных выступлениях получило распространение дифференцированное обозначение пола для называния группы лиц: *delegados y delegadas, trabajadores y trabajadoras, nuestros hijos y nuestras hijas.* Эта тенденция часто вызывает ироническое неприятие социума. Испанский социолог Х. Мариас заметил в этой связи, что логическим продолжением подобных новообразований является фраза *“El perro y la perra son los mejores amigo y amiga del hombre y la mujer”* (El País 20.03.1995).

При обозначении лиц мужского пола в языке СМИ вместо обобщающей номинации hombre часто используется слово *varón: Un varón de 72 años ... mezcló gasolina y gas butano* (El País 14.08.2003)*;* а при назывании представителей рода человеческого в целом – существительное *persona: La subdelegación del gobierno confirma la detención de una persona en relación con el crimen* (El País 11.01.2004).

Следует подчеркнуть, что в современном узусе произошли серьезные сдвиги по устранению гендерной асимметрии в сфере обозначения женщин по профессии или роду деятельности. За несколько десятилетий «внедрения» испанских женщин в профессиональную деятельность стабилизация терминов

женского рода, соотнесенных с реальным полом референта, пережила четыре этапа. Эти этапы можно проследить в словоупотреблении СМИ при обозначении должностей, выполняемых женщинами. Когда Маргарет Тэтчер заняла пост премьер-министра, первоначально ее именовали *el primer ministro de Inglaterra,* затем – *la primer ministro,* а впоследствии – *la primera ministro.* В наши дни женщину, выполняющую эту высокую должность, в Испании называют la primera ministra, и это обозначение кодифицировано.

Хотя многие аналогичные формы вполне освоились в речи *(senadora, cirujana, diputada, jefa, decana)* и даже закреплены нормативно, некоторые предложенные варианты *(jueza, concejala, árbitra)* не прижились в узусе [Andrés Castellanos 2001: 6].

Социальные перемены в мире привели к тому, что не только женщины стали осваивать мужские профессиональные сферы, но и мужчины стали заниматься традиционно женскими видами деятельности. Поэтому возникла потребность в появлении мужских эквивалентов слов *modista* (швея), *matrona* (акушерка), *niñera* (няня), *empleada de hogar* (домоуправительница). В узусе возникло колебание аналитических и флективных форм обозначения рода: *el niñero / el niñera; el matrón / el matrona; el modisto / el modista.* Формы *niñero, matrón* встречаются в узусе, но они еще не зафиксированы в словарях и звучат непривычно.

Анализ словоупотребления СМИ за 2003–2007 гг. показывает дальнейшее нарастание тенденции к устранению гендерной асимметрии в сфере обозначения лиц обоего пола по профессии или выполняемой должности. Практически не выявлено колебаний в употреблении слов *ministra, directora, candidata, alcaldesa, presidenta, primera ministra, secretaria del estado, gobernadora civil* и т. д. В этих языковых фактах можно отчетливо проследить единство социальных влияний и внутриязыковой тенденции

испанского языка к симметричности выражения родовых корреляций лица, которое опирается на отсутствие структурных затруднений при выражении родовой оппозиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Andrés Castellanos S.* Sexismo y lenguaje. Estado en cuestión: reflejos en la prensa. – Madrid: Espéculo. U. C. M., 2001.

2. *Bosque I., Demonte V. et alia.* Gramática Descriptiva de la Lengua Española. – Madrid, 1999.

3. *García Meseguer A.* ¿Es sexista la lengua española? – Barcelona, 1994.

4. *Lledó E., Calero M. A., Forgas E.* De mujeres a diccionarios. Evolución de lo femenino en la 22ª edición del DRAE. – Madrid, 2004.

5. *Marías J.* La mujer en el siglo XX. – Madrid, 1980.

6. *Recomendaciones para el uso no sexista de la lengua*. – Madrid, 1991.

Оболенская Ю. Л.

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

«ДОН КИХОТ» МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Удивительное творение Сервантеса традиционно оценивают как энциклопедию испанской жизни, а теперь все чаще – как энциклопедию или опыт жизни всего человечества. Эту мысль впервые высказал Ф. М. Достоевский в своем «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что вы об ней заключили?» – то человек мог бы молча подать Дон Кихота: «Вот мое заключение о жизни и – можете ли вы за него осудить меня?»

Русский гений прочел роман в «мутном» зеркале переводов середины Х1Х в. и смог правильно оценить роль этой книги в истории христианской цивилизации. Известно, что в настоящее время «Дон Кихот» является второй после Библии книгой по количеству изданий и переводов. М. де Унамуно, разумеется, не читал этой записи Достоевского, когда полвека спустя заключил свое стихотворение “La sangre de espíritu” строчками, ставшими крылатыми: “...lengua en que a Cervantes / Dios le dió el Evangelio del Quijote”, подаренные русским читателям в прекрасном переводе

С. Ф. Гончаренко: «…не зря на нем Сервантес написал / Евангелие нам – от Дон Кихота»[1].

В романе, повествующем обо всем, естественно, нашлось место и взглядам Сервантеса на перевод, по крайней мере, можно предположить, что в уста героев автор вкладывал свои собственные мысли на этот счет. Об этом речь пойдет чуть ниже, а вот то обстоятельство, что само произведение автор выдает за перевод произведения с арабского языка – заслуживает особого комментария.

---

[1] О судьбе романа в России нашими исследователями написано довольно много. Одна только монография В. Багно «Дорогами Дон Кихота» позволяет понять, насколько важным событием, во многом определившим развитие духовной жизни России на протяжении нескольких веков, стало освоение «Дон Кихота» русской национальной культурой (с момента выхода первого русского перевода Игнатия Тейльса в 1769 г., а затем более известного перевода Н. Осипова 1791 г.).

Другие национальные культуры познакомились с Сервантесом значительно раньше, а первым «Дон Кихот» оказался востребован английскими читателями. В переводе Томаса Шелтона I часть романа вышла в Англии в 1612 г. (через семь лет после выхода оригинала, причем считается, что готовый перевод, выполненный Шелтоном за 40 дней (!), пролежал в издательстве 5 лет), а II часть после успеха первой, была издана еще быстрее – через пять лет после испанского издания, в 1620 г. Английские исследователи творчества Шекспира утверждают, что английский гений работал над сценическим переложением романа Сервантеса. Французы прочли I часть в 1614 г., а итальянцы – в 1622 г. Немецкий перевод хоть и появился на год раньше, но был скорее кратким изложением романа в 22 главах.

В конце IX гл. I части подробно рассказывается о находке тетрадей с арабским текстом в толедской лавке, о поисках переводчика-мориска, т. е. обращенного мусульманина, для срочного заказа. Описанная Сервантесом работа над переводом романа о Дон Кихоте, по сути, является ироничной аллюзией на легенду о создании первого перевода иудейского текста Ветхого завета на греческий язык, когда 72 переводчика (запертые по одному в кельях), за 72 дня перевели текст, впервые названный Библией, и тексты переводов оказались одинаковыми[2]. У Сервантеса рассказчик полтора месяца держит переводчика взаперти, пока тот не закончит перевод. Потом, извиняясь перед читателем за огрехи представленного текста, пишет, что всему виной собака-переводчик, потому что все мусульмане – враги христиан и «лживы от природы» (при этом в оригинале употребляется не родовой термин «собака» – perro, а *galgo* – ‘борзая’, ср. с русским «борзописец»[3]).

Детали, относящиеся к процессу перевода довольно любопытны. Так, мы узнаем размер гонорара – две арробы (23 кг) изюма и две фанеги (два мешка) пшеницы, первую реакцию переводчика на оригинал – его смех по поводу комментария автора-мусульманина, о том, что Дульсинея славилась мастерством в засолке свинины и т. п. По ходу повествования выясняется, что настоящий автор «Истории Дон Кихота Ламанчского» – известный и уважаемый арабский историк Сид Ахмет Бен-Инхали.

Роман Сервантеса представляет собой *тексты в тексте*, причем основной текст – якобы арабский в переводе – сопровождается эмоциональными комментариями арабского автора и переводчика.

---

[2] Исследователи полагают, что этот первый перевод Библии был выполнен между 250–150 гг. д. н. э.

[3] “...Fue por culpa del galgo de su autor, antes que por falta del sujeto”. Здесь и далее текст романа цит. по: [Cervantes 2004: 88].

Многослойный текст с элементами стилизации – это одновременно и игра, и желание привлечь читателей экзотикой восточного повествования. Это не только художественный прием или желание повествователя устраниться, скрывшись за автором-ширмой. Это отражение дыхания нового *времени* – *времени переводов*, времени широкого знакомства с иноязычными авторами, литературами, культурами. Кроме того, Сервантес формирует у читателя мысль о том, что идеальное начало служения, воплощенное в образе Дон Кихота, представлено в искаженном (или издевательском) изображении другой культуры – мусульманской. Псевдоарабский текст оказывается включенным в контекст нового времени.

Эпоха Возрождения создала новый социо-культурный контекст, который наряду с техническими достижениями и, в частности, распространением книгопечатания, вызвал необходимость пересмотра критериев переводческого труда, заложенных античной классической традицией. В Испании эпоха Возрождения знаменует не только наступление Золотого Века литературы, но и зарождение европейской переводческой традиции нового времени, которое теоретики и историки перевода обычно связывают с немецким романтизмом и относят лишь к XIX в.

Выдающимися переводчиками того времени стали такие блестящие писатели и поэты как Грасиан, Боскан, Гарсиласо де ла Вега, Фрай Луис де Леон. Своими переводами они способствовали обогащению родного языка и литературы новыми формами и художественными приемами. Переводчики перестают ощущать себя скромными копиистами оригинальных текстов, и в своих переводах более или менее осознанно нарушают правила, установленные ранее непререкаемыми авторитетами античности – Цицероном и св. Иеронимом. В прологах к свои переводам эти писатели, рассуждая о природе перевода, приходят к оригинальным, неведомым Европе выводам и обобщениям, выходящим за рамки еще только предстоящего спора о преимуществах и недостатках вольного и

буквалистского перевода. Эти испанские писатели и гуманисты (и, прежде всего Х. Вальдес и Х. Л. Вивес) впервые выдвигают проблему передачи стиля оригинала и особенностей национальной культуры, отраженных в произведении.

Трудно оценивать какое-либо явление вне культурно-исторического контекста эпохи, тем более принимая во внимание то, что XVI в. стал особым веком в истории переводов. Переводы начала века, содержащие неканонические трактовки религиозных и философских текстов, становились крупнейшими событиями не только культурной, но и идейно-политической жизни Европы. Самым ярким тому подтверждением служит перевод Библии Мартина Лютера. А для Испании таким событием стало появление перевода Соломоновой «Песни песней», стоившей фрай Луису де Леон 9 лет заключения.

В знаменитом комментарии-разъяснении автора (*declaracion*) к переводу «Песни песней» Луиса де Леона, вызвавшем ярость инквизиции, помимо неканонических трактовок Священного писания и критики уже освященных церковью переводов, содержатся поражающие своей новизной рассуждения автора о проблемах восприятия иноязычных текстов, в особенности текстов, созданных в отдаленные от читателя эпохи. В своем герменевтическом, в современном понимании, анализе текста оригинала Луис де Леон пытается воссоздать широкий культурно-исторический фон произведения. Рассуждая об особенностях национальных языков и художественных стилей, автор приходит к выводам об отражении в языке художественного произведения национального мышления, психологии, культурной традиции и литературных вкусов эпохи.

...cada lengua y cada gente tenga sus proriedades de hablar adonde la costumbre usada y recibida hace que sea primor y gentileza lo que en otras gentes pareceria tosco: asi es de creer que todo esto, que ahora por su novedad y por ser

ajeno de nuestro uso nos desagrada era todo bien hablar y toda la cortesia de aquel tiempo entre aquella gente [Prólogo 1950: 218–219].

В 1580 г. за год до смерти в посвящении к сборнику своих стихов Фрай Луис де Леон словно подводит итог спорам писателей и переводчиков о мнимых недостатках испанского языка по сравнению с классическими – латынью и греческим.

Nuestra lengua recibe bien todo lo que se le encomienda y que no es dura ni pobre, como algunos dicen, sino de cera y abundante para los que la saben tratar [Fray Luís de León 1928: 55–56].

Фрай Луис де Леон своим комментарием открывает во второй половине XVI в. важную главу истории перевода, посвященную осмыслению предшествующего опыта и критики переводов. Сервантес в начале следующего века устами священника в шестой главе I части, а потом и самого Дон Кихота, в шестьдесят второй главе II части, критикует качество существующих переводов. Любопытно, что священник во время инквизиторского сожжения книг из библиотеки дона Алонсо с горячностью осуждает переводчиков Ариосто, отмечая, что к произведению поэта в переводе он не чувствует никакого уважения. Ведь «делая из Ариосто кастильца, самый добросовестный и умелый переводчик никогда не поднимется на такую высоту, какой поэты достигают в оригинальном произведении».

Беседа Дон Кихота и переводчика с итальянского в типографии замечательна по нескольким причинам. Мы видим презрительное, пренебрежительное отношение к переводчику, а ехидный допрос, в ходе которого Дон Кихот уличает переводчика в буквализме, предоставляет нам еще и косвенные подтверждения стяжательской натуры переводчика. Эта оценка перевода как скверного ремесленничества свидетельствует о знакомстве Сервантеса с известным в те годы сочинением св. Иеронима,

который во время работы над переводом Библии (знаменитой Вульгаты) пишет «Письмо к Памахию о лучшем способе перевода», ставшим первым трудом по поэтике перевода: «Я не только сознаюсь, но заявляю во всеуслышание, что при переводе с греческого, исключая священное писание, где и самый порядок слов есть тайна, я передаю не слово словом, а мысль мыслию. И в этом я имею наставником Туллия (Цицерона)... Не время теперь говорить, сколько он в них (переведенных произведениях) опустил, сколько добавил, сколько изменил, чтобы своеобразие чужого языка выразить через своеобразие своего... То, что вы называете точностью перевода, люди образованные называют буквоедством...».

Сервантес, в свою очередь, излагает свою точку зрения на перевод в ставшем хрестоматийным монологе дон Кихота о переводе:

Me parece que el traducir de una lengua a otra, como no sea de las reinas de las lenguas, griega y latina, es como quien mira los tapices flamencos por el revés, que aunque se ven las figuras, son llenos de hilos que las encurecen y no se ven con lisura y rez de la haz; y el traducir de lenguas fáciles ni arguye ingenio ni elocución, como no le arguye el que traslada ni el que copia un papel de otro papel. Y no por esto quiero inferir que no sea loable este ejercicio del traducir, porque en otras cosas peores se podía ocupar el hombre y que menos provecho le trujesen (p.1032) – я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или же с латинского, каковы суть цари всех языков, – это все равно что фламандский ковер с изнанки; фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне, да и потом, чтобы переводить с языков легких. Ненадобно ни выдумки, ни красот слога, как не нужны они ни переписчику, ни копиисту (перевод Н. Любимова).

Суждение следует признать устаревшим даже по тем временам, но явно полемическим. Впрочем, как выясняется, есть и счастливые исключения: Дон

Кихот в качестве удачных переводов приводит в пример переводы двух современников Сервантеса. Любопытно, что один из них – Хуан де Хуареги, друг и единомышленник Сервантеса, в своем письме-посвящении, предваряющем его перевод «Аминты» Торквато Тассо 1607 г. (его-то и хвалит Дон Кихот) возможно, впервые высказывает идею о непереводимости художественного текста, которую герой Сервантеса лишь немного видоизменил. Хуареги, останавливаясь на некоторых лексических и синтаксических особенностях тосканского диалекта, трижды в небольшом письме подчеркивает невозможность передать их по-кастильски [Santoyo 1987: 76]. Вторым восхваляемым переводом стал перевод пасторальной трагикомедии итальянца Гварини «Верный пастух», который был опубликован в 1602 г., а выполнил его идейный враг Серсантеса – Кристобаль Суарес де Фигероа (1571–1639), автор памфлета о нравах XVII в. “El pasajero”.

Приписываемое Сервантесу сравнение перевода с изнанкой ковра, на самом деле заимствовано из опубликованного 13 годами раньше «Предисловия к читателям» Луиса Сапаты к выполненному им переводу с латинского на испанский язык «Искусства поэзии» Горация. В свою очередь Сапата использовал метафору, которую, как считают исследователи, первым употребил Фемистокл в V в. д. н. э. По словам Плутарха, Фемистокл в беседе в персидским царем сравнил изучение языков с работой над красочными коврами: неторопливость позволяет добиться ясности изображения, а спешка ведет к тому, что при сворачивании ковра смазывается и становится неясным рисунок. Эта метафора касалась понимания иностранного языка вообще, а Сапата был первым, кто увидел в переводе изнанку оригинала.

Что же касается отмеченных в романе Сервантеса переводов и переводчиков, замечу, что перевод «Аминты», выполненный Хауреги, понравился и Менендесу Пелайо, который в своей «Библиотеке испанских переводчиков», пишет о таланте Хауреги, который позволил не только

«ничего не потерять от ценности оригинала, но и добавить еще стократ, по мнению многих».

Фигероа же не только не поблагодарил Сервантеса за похвалу своего перевода, но подверг его уже после смерти уничижительной критике в “El pasajero”, где он упоминает Сервантеса в связи с его критическими выпадами в адрес переводчиков, заключая, что «хотя многие невежды презирают это занятие (перевод), оно все же заслуживает всяческих почестей» [Yebra 1994: 202].

Сервантес, пожалуй, стал последним в Испании литератором, отстаивающим идею непереводимости и презренности переводческого труда. Эти идеи вскоре вытесняются заботами переводчиков о защите чистоты родного языка. Так, в 1613 г. Франсиско де ла Куеста осмеливается даже поднять руку на неуместные, с его точки зрения, заимствования из латыни (*reinas de las lenguas* – по Сервантесу) и, главным образом, латинские синтаксические кальки, чуждые кастильскому, но столь часто употребляемые в переводах.

В заключение хочется отметить, что движение в защиту родного языка от влияния плохих переводов, прямым следствием которых становится порча кастильского, складывается в Испании задолго до века Просвещения. Причем оно уравновешивается новыми представлениями о роли переводчика, возможно, впервые так категорично провозглашенными в предисловии к переводу «Истории гражданских войн во Франции» (1660) писателем и поэтом Хосе Пельисером де Оссау у Товар:

... i se le deve casi Igual Gloria a la Traducion, de la que tiene el Traducido [Santoyo 1987: 86].

Напомню, что написал эти слова писатель и критик, автор первого в Испании исследования о Сервантесе, словно в продолжение своего спора с Сервантесом, так не любившем переводчиков и подарившем миру самый

затейливый из «переводов» с арабского – роман «Дон Кихот» в полной мере заслуживающий определения **Ingenioso.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cervantes M. de.* Don Quijote de la Mancha. – Edición del IV centenario. – Madrid: RAE, 2004.

2. *Poesías* – Poesías de Fray Luís de León. Dedicatoria a don Pedro Portocarrera. – Madrid, 1928.

3. *Prólogo* – Prologo de la traduccion literal y declaracion del libro de los Cantares de Solomon. – Madrid, 1950.

4. *Santoyo J. C.* Traducción, traducciones, traductores. – Leon: Servicio de Publicaciones de la Universidad de León, 1987.

5. *Yebra V. G.* Traducción: historia y teoría. – Madrid: Gredos, 1994. – 466 p.

Овчинникова Е. А.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

О БИНАРНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОППОЗИЦИИ «ВЕРХ – НИЗ» В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ

Каждый естественный язык, как пишет Ю. Д. Апресян, представляет собой определенный способ восприятия и концептуализации мира, так как язык отражает не только систему языковых знаний (то есть знание языковых единиц), но и неязыковые знания – знания о человеке и окружающем мире. Таким образом, в сознании людей, которые принадлежат той или иной национальности, поколениями складывается и передается свой образ картины мира, окружающей их действительности.

В работах многих исследователей отмечалось, что структуру внешнего

(физического) мира традиционно в разных культурах описывают с помощью ряда пространственных противопоставлений: высокий – низкий, длинный – короткий, внешний – внутренний и т. д. Оппозиция «верх-низ» считается наиболее значимой для большинства культур. Мифологические картины изображают мир преимущественно по вертикали, подчеркивая, таким образом, что в основе композиции мироздания лежит центральная вертикальная ось. Конечно, не менее значима и горизонтальная ось, но В. Н. Топоров отмечает, что если горизонтальная ось доступна простому смертному, то вертикальную ось не каждому под силу преодолеть: «Следует при этом помнить, что только мифологический персонаж или служитель культа (шаман) исключительных качеств способны совершить вертикальный путь вверх и / или вниз… простой смертный может реально вступить на горизонтальный путь и при особых усилиях проделать его, но вертикальный путь может быть проделан лишь фигурально – его душой» [Топоров 1983: 227–284].

Уже Д. Лакофф и М. Джонсон указали, что «ориентационные противопоставления проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире» [Лакофф, Джонсон 1990: гл. 4]. Таким образом, особая значимость вертикальной оси обусловлена строением человека, тем, что человеческое тело сориентировано вертикально. Именно тело человека структурирует пространство, задает его мерность.

Для испанского языка также характерно использование пространственной оппозиции «верх-низ». Этот вывод можно сделать из обилия глаголов и их синонимов, которые способны выразить и придать различные оттенки движению по вертикальной оси, вверх или вниз. Известно, что основной глагол, способный выразить движение вверх – это глагол **subir.** Ниже приведена лишь небольшая часть его синонимов:

alzar ‘поднять’, ‘возводить’; **elevar** ‘поднимать’, ‘возвышать’, ‘возводить’; **levantar** ‘поднять’, ‘поставить вертикально’, ‘поднять дух’; **empinar** ‘поднимать’, ‘выпрямлять’; **aupar** ‘поднять на руки ребенка’; **encaramarse** ‘влезать’, ‘залезать’, ‘лазить’; **levar** ‘поднимать якорь’; **izar** ‘поднимать парус’**; aumentar** ‘увеличивать, повышать’; **crecer** ‘расти’, ‘увеличиться’; **incrementar** ‘увеличивать’, ‘расширять’, ‘повышать’; **encarecer** ‘поднимать цену’, ‘удорожать’, **pujar** ‘набавлять цену на аукционе’; **escalar** ‘достичь чинов’, ‘продвинуться по должностной лестнице’; **remontar** ‘преодолевать препятствия’, ‘взойти на гору’, ‘покорить вершину’; **trepar** ‘карабкаться’, ‘взбираться’**; gatear** ‘влезать’, ‘лазить’ и др.

Ниже также представлены некоторые синонимы глагола **bajar**:

descender ‘спускаться’, ‘сходить’; **abajar** ‘нести вниз’, ‘опускать’; **apear** ‘слезать’, ‘сходить с лошади’; **descabalgar** ‘слезать с лошади’, ‘спешиваться’; **desmontar** ‘разбирать’, ‘демонтировать’; **agachar** ‘наклонять’, ‘нагибать’; **inclinar** ‘наклонять’, ‘нагибать’; **doblar** ‘сгибать’, ‘подгибать’; **disminuir** ‘уменьшать’, ‘убавлять’; **menguar** ‘уменьшать’, ‘сокращать’; **decrecer** ‘уменьшаться’, ‘убывать’; **decaer** ‘ослабевать’, ‘падать’; **abaratar** ‘сбавлять цену’, ‘удешевлять’; **depreciar** ‘снижать цену’, ‘удешевлять’**; reducir** ‘уменьшать’, ‘редуцировать’; **rebajar** ‘снижать’, ‘уменьшать’; **humillar** ‘склонить’, ‘наклонить’, ‘унижать’; **abatir** ‘унижать’, ‘спустить флаг’; **arriar** ‘спускать флаг’ и др.

Идея движения «вверх-вниз» осмыслена испанским языковым сознанием как вширь, так и вглубь. Широта концептуального охвата находит свое отражение в представительности синонимических рядов с доминантой глаголов, способных выразить пространственную оппозицию *subir / bajar*, что было продемонстрировано выше. Глубина же языкового осмысления представлена в многообразии метафорических употреблений рассматриваемых лексем, когда подниматься или опускаться может не только физическое тело, но и нематериальные субстанции, к примеру: *descender el alma, descender las manos; levantar un peso, levantar la voz* и др.

Бинарная оппозиция «верх-низ», подобно другим пространственным оппозициям, способна выполнять функцию одного из классификаторов, позволяющих выражать менее наглядные парные соотношения типа: «добро-зло», «душа-тело», «сознательное-подсознательное» и другие. Посредством ориентационных метафор во многих культурах может быть выражено физическое, эмоциональное, социальное состояние человека, пространственная характеристика понятий и явлений. Дж. Лакофф и М. Джонсон [Джонсон, Лакофф 1990: 387–415] отмечают, что «ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию, например: HAPPY IS UP 'СЧАСТЬЕ ЕСТЬ ВЕРХ'…Подобные метафорические ориентации не произвольны – они опираются на наш физический и культурный опыт». Итак, следуя утверждениям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, можно сделать вывод, что ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию, к примеру, как отмечают исследователи, концепт «счастье» ориентирован вверх.

Испанская языковая картина мира раскрывает связь пространственной ориентации «верх-низ» с идеей о положительном и отрицательном в сознании испанца.

Метафорические значения некоторых глаголов, описывающих движение «вверх-вниз», а также значения некоторых других частей речи, характеризующих положение на соответствующей точке вертикальной оси в общем и целом, коррелируют с оценочной шкалой «хорошо-плохо» (в тех случаях, когда такая ассоциация возможна). Движение «вверх» чаще всего оценивает положительно (приведем пример – речь идет о человеческом здоровье):

Nivel de alta forma deportiva *'Хорошая / наивысшая спортивная форма*';

Dar de alta *'Выздоравливать, поправиться, закрыть больничный, выписаться из больницы*';

Dar de baja *'Выписать больничный'*; Caer enfermo *'Заболеть'* (букв. *упасть больным*); Ha decaído mucho ‘*Он сильно сдал*’.

Но не всегда движение вверх и положительные ассоциации сопровождают друг друга. Иногда движение «вверх» оценивается отрицательно. Так, вверх может быть направлено и «дерзкое поведение, гордыня, ярость, а также ряд субъективных ощущений».

Subirse con los pies ‘*Бесцеремонно вести себя, безобразничать*; Subirse (alzarse, levantarse) a mayores *'Зазнаться, задрать нос'*. Подобных примеров можно привести множество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.

2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.

Antonio Pamies Bertrán
Universidad de Granada
Granada, España

EL SIMBOLISMO CULTURAL EN EL LENGUAJE

De la cultura a la lengua

Las metáforas de motivación cultural ponen de manifiesto que las llamadas *variantes* de un fraseologsimo figurativo no son fruto de una diversificación a partir de una forma canónica anterior sino de la aplicación de una especie de molde común con resultados variables pero basados en la misma asociación de ideas, como han demostrado los trabajos fraseológicos de orientación cognitivista[1].

[1] cf. Gibbs 1994, 2007; Téliya 1996; Téliya et al. 1998; Dobrovol'skiĭ 1998; 2007; Piirainen 1998; 2008; Iñesta & Pamies 2002; Brileva et al. 2004; Mellado

Algunas de estas asociaciones tienen como base un *culturema* (*símbolo* o *emblema*, según los autores). Éstos aprovechan a menudo un simbolismo extra-lingüístico previo, que puede haberse convencionalizado gráficamente con esa función (p.ej., insignias, monedas, decoración, heráldica, etc.), pero esa *imagen* puede incluso tener carácter narrativo). De ello se podría incluso deducir, en última instancia, que todas la metáforas están "vivas"[2]: ya que los hablantes las entenderían y producirían de forma activa a partir de una base, llámese *esquemas-imagen* (Gibbs)*, imágenes* (Dobrovolskiï) o *cultural script* (Wierzbicka), y que serían comunes a muchas de ellas. El significado literal recupera así la importancia que le negaba la concepción clásica de *idiomaticidad* entendida como no-composicionaliodad: *the image component provides conceptual material that is used in constructing the actual meaning* (Dobrovol'skiï 2007:808). Pero ¿cómo se conectan exactamente cultura y léxico en las metáforas? conviene ante todo distinguir entre lo "cognitivo-psicológico" y lo "cognitivo-cultural".

Por un lado están los esquemas más "naturales" que se proyectan sobre otros dominios conceptuales y cuya base es psicomotriz y propioceptiva, por ello potencialmente universal, tal como plantean Lakoff y Johnson. Por otro lado tenemos tenemos imágenes cuyo origen ya no es tan "natural" sino que procede de conocimientos limitados a la comunidad que los crea, los conserva y los transmite: el *componente cultural* que se apoya en un conjunto de valores, creencias y costumbres, aprendido por transmisión interpersonal, y por ello potencialmente más variable de un colectivo a otro (Dobrovol'skiï 1998: 58). P.ej. metáforas como **esp.** *conocer el percal, vergüenza torera* o *estar como unas castañuelas,* etc. Dos comunidades lingüísticas pueden compartir símbolos sin que sus dos lenguas los

---

2004; Dobrovol'skiï & Piirainen; 2005; Luque Durán 2005; 2007; Pamies 2007; Sevilla 2007; Langlotz 2008; Luque Durán & Luque Nadal 2008; Pazos [en prensa].

[2] Lakoff 1987, 1993; Gibbs 1994, 1999, Kövecses & Radden 1998; Aparescida Marques 2007 y Dobrovol'skij 2007.

aprovechen, o aprovecharlos dando lugar a metáforas de significado diferente aunque derivado de una imagen común (Pamies 2002, 2007). Un trabajo muy reciente de Tutáeva (en prensa) muestra cómo el cerdo está asociado a varios simbolismos en español, inglés y ruso, algunos de los cuales son compartidos por esas lenguas (p.ej. SUCIEDAD, FEALDAD, IMPOSIBILIDAD, IDIOTEZ, IGNORANCIA, VULGARIDAD) y otros no (p.ej. en español VENGANZA, o bien RIQUEZA en inglés y español pero no en ruso), lo que le permite analizar y clasificar los casos de correspondencia total, parcial o nula entre los centenares de metáforas que este animal suma en la fraseología de esas lenguas. Así el inglés cuenta con numerosas metáforas basadas en el cerdo como símbolo de prosperidad económica, tales como **ing.** *to live on the hog* (*vivir encima del cerdo) "ser rico, vivir lujosamente"; *to be on the pig's back / ear* (*encima de la espalda / oreja del cerdo) "triunfar en la vida"; *to have brought one's hogs / pigs to a fair / fine market / Banbury market* (*haber traído sus cerdos al buen mercado / mercado de Banbury) "medrar socialmente"; *to be lying in lavender like Paddy's pig* (*estar tumbado en lavanda como el cerdo de Paddy) "vivir confortablemente"; *to be riding on a pig* (*estar montado en un cerdo "tener suerte"); *etc.*, o **esp.** *a quien Dios quiere bien, la perra le pare puercos* ("todo le sale bien a quien tiene buena suerte"); *al dichoso, los perros se le tornan puercos; y al desdichado, los puercos, perros;* etc. (Tutáeva, *Op.cit.*). En cambio el valor SUCIEDAD, de motivación más transparente, viene igualmente simbolizado por ese animal en las tres lenguas (p.ej. **rs.** *зарылся, что свинья в навоз / в солому* vs. **esp.** *estar / (sentirse) más a gusto que un marrano en una charca*; *as comfortable / happy as pig / sow / in mud / muck / shit* – Ibid.).

De la lengua a la cultura

En algunos casos especiales, puede invertirse la mecánica y darse que un hecho lingüístico contradiga (aparentemente) su culturema de partida ya que, en el momento de verbalizarse, hay propiedades semánticas de la palabra que designa literalmente el referente simbólico que pueden introducir limitaciones o

desviaciones con respecto al simbolismo inicial de su referente. Ocurre por ejemplo con el simbolismo de la paloma y de la serpiente. La palabra *paloma* (<lat. vulg. *palumba*) tiene un alcance superior al del animal / culturema porque designa a más de 300 especies de aves de la familia *Columbidae*[3]. Este carácter extremadamente hiperonímico hace que cuando aparece como componente de una metáfora, no siempre se refiere al mismo animal.

Lo mismo le ocurre al ruso *голубь*. Si comparamos con el francés, éste distingue entre *colombe* (sólo las especies silvestres de color blanco) y *pigeon* (sólo las especies domésticas y / o las que no son blancas). En cuanto a **esp.** *pichón* designa el pollo de la paloma doméstica, mientras *palomo* designa el macho de la paloma (*DRAE*). Se supone que *paloma* designa sólo a las hembras, o bien que la oposición de género se neutraliza en favor del femenino. Esto tampoco ocurre en francés donde *pigeon* sólo tiene forma masculina y *colombe* sólo tiene forma femenina, mientras sus pollos no tienen un nombre diferenciado. De modo que **fr.** *doux comme une colombe* (*dulce como una paloma [doméstica y blanca]) excluye claramente al despreciado *pigeon*, cosa que no permiten palabras ambiguas como **esp.** paloma o **rs.** *голубь*.

Esto explica aparentes falsos amigos fraseológicos como **esp.** *tiro al pichón* vs. **fr.** *tir au pigeon* (en francés este metafórico pájaro podría ser adulto), y falsas divergencias interlingüísticas como **esp**. *paloma mensajera* frente a **fr.** *pigeon voyageur* (aunque sea blanca, no es silvestre). En el Antiguo Testamento, la paloma simboliza la PAZ, y, como es silvestre y blanca, hay realmente coincidencia entre **esp.** *paloma de la paz* y **fr.** *colombe de la paix* (y de ningún modo *pigeon*). Para el Cristianismo, el ESPÍRITU SANTO está simbolizado por una paloma, que es

[3] Cualquiera de las aves que tienen la mandíbula superior abovedada en la punta y los dedos libres; como la paloma propiamente dicha y la tórtola (DRAE 1992, acep.7).

la misma (blanca y silvestre), por ello se mantiene la perfecta equivalencia entre **esp.** *casta como una paloma* y **fr.** *chaste comme une colombe.*

En cambio, en el refrán **esp.** *más caga una vaca que cien palomos*, donde este pájaro parece simbolizar la SUCIEDAD, en realidad alude a otra ave, la doméstica que el francés llama *pigeon*: **fr.** *qui veut tenir nette sa maison n'y mette ni femme, ni prêtre ni pigeon*. La "paloma" tiene pues, en el mundo hispano, un simbolismo ambiguo por culpa de un hecho lingüístico (dos animales cuya valoración es positiva en uno y negativa en otro designados con una misma palabra), mientras que los franceses, al tener dos palabras, no superponen dos valores en un mismo símbolo. Pero hay más valores. P.ej., la IDIOTEZ en **fr.** *être naïf comme un pigeon; prendre quelqu'un pour un pigeon ; pigeonner quelqu'un*. El español también tiene esta asociación **esp.** *andar como un palomino atontado; estar alelado como un pichón*. En casos como éstos la divergencia es más lingüística que cultural, al menos en su origen. En cuanto a **esp.** *ser más maricón que un palomo cojo*, no sabemos a cual de las dos aves se refiere, pues su motivación resulta opaca[4].

Los valores culturales atribuidos a un símbolo son por lo tanto alterables por la semántica de las palabras que lo designan literalmente, especialmente cuando éstas pasan a ser componentes fraseológicos. Ambos planos se influencian recíprocamente, como se puede ver en el simbolismo opuesto: el de la serpiente,

[4] El género masculino podría no aportar aquí información relevante puesto que es una indispensable concordancia gramatical con *maricón*. Lástima que el francés no posea esta metáfora, pues sabríamos si el animal que la inspira es el *pigeon* o la *colombe*. Pero tampoco es descartable, a juzgar por estos pocos ejemplos, que el español reserve la femenina *paloma* para los valores "positivos" mientras que los masculinos *pichón / palomo / palomino* cargan con los "negativos", aunque no remitan a otras especies biológicas.

identificada con el DEMONIO y el ENGAÑO en la cultura judeocristiana[5], lo cual explica coincidencias interlingüísticas como la expresión de origen bíblica **esp.** *alimentar una serpiente en su seno*, **rs.** *отогреть змею на груди*, **fr.** *réchauffer un serpent dans son sein*, **ing.** *to cherish a snake in one's bosom*, **it.** *allevare la serpe in seno*, **alm.** *eine Schlange am Busen nähren*, etc. Pero un tabú supersticioso pesa sobre la palabra **esp.** *serpiente*, incluso en su uso literal, y también afecta a algunos de sus hipónimos (p. ej. *víbora*), y, por ello mismo, aparece reemplazada en algunos fraseologismos por dudosos "sinónimos" eufemísticos como *culebra* o *bicha* (en realidad hipónimos[6]). La palabra *bicha* es el nombre popular del *lución* (que no es un ofidio), pero de su valor eufemístico proceden expresiones como *mentarle la bicha a alguien* "hablarle de alguien, o algo, que le resulta repulsivo o irritante" (Seco et al. 2004). Estas metonimias supersticiosas hacen que la fraseología metafórica de *serpiente* se disperse, confunda o solape con la de sus hipónimos, o incluso la de su hiperónimo *reptil*, que ocasionalmente también la reemplaza (p. ej. **esp.** *fondo de reptiles* "fondo secreto no controlado por el fisco

[5] También lo es en la cultura islámica (el Demonio adoptó forma de serpiente para tentar a Adán). En cambio En la India la serpiente es venerada como representación de dios Şiva, en Tailandia la cobra es quien salvó a Budha de la inundación. En las culturas indígenas americanas es una divinidad creadora del universo, como, p.ej., el dios azteca Quetzalcoatl, representado como una serpiente (*coatl*) con plumas (*quetzal*), o bien Kukulkán, el dios maya del viento. En Grecia era ambivalente, ya que la serpiente de Asclepios estaba relacionada con la curación mientras que las Gorgonas eran seres infernales con serpientes en la cabeza que petrificaban a quien las miraba.

[6] *Culebra* es el nombre de algunas especies no venenosas, pero en español puede designar a todas las serpientes como herencia de su antigua función eufemística: *Don Fermín* (...) *sentía una aversión atávica y supersticiosa por la* ***culebra*** (Caballero Bonald: *Toda la noche oyeron pasar pájaros).*

que sirve para pagar sobornos"). Así **esp.** *ser un nido de* ***víboras*** y *ser un nido de* ***reptiles*** son meros sinónimos, y eso explica que donde el español dice *ser un encantador de* ***serpientes*** ("tener un don especial para engañar a la gente") el francés pueda decir *être un endormeur de* ***couleuvres*** o, inversamente**,** que el español diga *debajo de la mata florida, está la* ***culebra*** *escondida* ("sospecho algún inconveniente oculto"), donde otras lenguas sí mencionan la serpiente: **rs.** ***змея*** *в трава*, **fr.** *un* ***serpent*** *caché sous les fleurs*, **ing.** *a* ***snake*** *in the grass*. Esto afecta incluso a animales que ni siquiera son reptiles, como la ánguila (que es un pez), pero hereda en las metáforas una función cultural propia de la serpiente (**fr.** *il y a* ***anguille*** *sous roche*)[7]. Estos zoónimos designan teóricamente animales distintos pero dichas diferencias se neutralizan cuando éstos son componentes de un fraseologismo figurado que simboliza el mal y / o el engaño. En estos casos, hay una influencia cruzada del simbolismo cultural y de la semántica de un componente sobre la forma y sentido global de un fraseologismo.

Posibles conclusiones

1. Los culturemas son símbolos extralingüísticos culturalmente motivados, que sirven de modelo para que las lenguas generen expresiones figuradas, inicialmente como meras alusiones a dicho simbolismo. Cuando han entrado en la lengua como componentes frasemas, las formas se fijan pero el culturema conserva su "autonomía" en la medida en que es su valor simbólico el que cohesiona conjuntos de metáforas, y permite seguir creando nuevas metáforas a partir de él.

2. El simbolismo subyacente de un culturema puede coincidir de una cultura a otra, sin haberse verbalizado necesariamente en todas ellas.

3. Puede ocurrir que la ambigüedad semántica de la palabra que designa el culturema (y que es componente fraseológico) sea ambigua y haga derivar un frasema figurado hacia una asociación de ideas ajena a la original, e incluso

[7] En latín *anguilla* ya era un derivado de *anguis* ("serpiente"), el francés invierte aquí (por eufemismo) la proyección metafórica entre ambos conceptos.

opuesto a ella. Esto puede explicar divergencias con respecto a otra lengua que, en principio, compartía el mismo culturema.

BIBLIOGRAFÍA

BRILEVA, I. S.; VOL'SKAIA, N. P.; GUDKOV, D. B.; ZAKHARENKO, I. V. & KRASNYKH, V. V. 2004 *Русское культурное. пространство: лингвокультурологический словарь*. Москва: Гнозис.

BURGER, H.; DOBROVOL'SKIJ,D.; KÜHN, P. & NORRICK, N.R. (eds.) 2007 *Phraseologie: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Berlin / New York: De Gruyter.

DOBROVOL'SKIJ, D. O. 1998 "On Cultural Component in the Semantic Structure of Idioms". In: Ďurčo, P. (ed.): 55–61.

DOBROVOL'SKIJ, D.O. 2007 "Cognitive approaches to idiom analysis". In Burger, H. et al. (eds.); vol 2, 789–818.

DOBROVOL'SKIJ, D. O. & PIIRAINEN, E. 2005 *Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives*. Amsterdam: Elsevier.

DURČO, P. (ed.): 1998 *Phraseology and Paremiology. International Symposium Europhras 97*. Bratislava: Akadémia PZ.

FERRO RUIBAL, X. 2007 "A comparación fraseolóxica galega como radiografía lingüística". En M. Álvarez de la Granja (ed.), *Lenguaje figurado y motivación*. Frankfurt: Peter Lang. 129–190.

GIBBS, R.W. 1994 *The poetics of mind: Figurative Thought, Language & Understanding*. Cambridge University Press.

GIBBS, R.W. 2007 "Psycholinguistic aspects of phraseology: American tradition". In Burger, H. et al. (eds.); vol 2, 819–836.

LANGLOTZ, A. 2008 *Idiomatic Creativity*. Amsterdam: John Benjamins.

LUQUE DURÁN, J. d. D. 2005 “Las colocaciones de cuantificación por comparación: tradición e innovación en las comparaciones proverbiales”. En Luque Durán, J. D. y Pamies Bertrán, A. La creatividad en el lenguaje. Granada. Granada Lingvistica.

LUQUE DURÁN, J. d. D. 2007 “La codificación de la información lingüístico-cultural en los diccionarios interculturales”. In: Luque J. d. D & Pamies, A. (eds.) 329–374.

LUQUE DURÁN, J. d. D. 2007a: “Los juegos lingüísticos: fallos comunicacionales, humorismo verbal y reflexión metalingüística”, en Luque Toro, L. (ed.), *Léxico Español Actual II,* Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, pp. 91–126.

LUQUE J. d. D & PAMIES, A. (eds.) 2007 *Interculturalidad y Lenguaje*: *El significado como corolario cultural.* Granada: Método.

LUQUE DURÁN, J. d. D. & LUQUE NADAL, L. (en prensa) "Cómo las metáforas recurren a conocimientos ontológicos y culturales. Fundamentos teóricos del Diccionario Intercultural e Interlingüístico", Comunicación a *EUROPHRAS 2008*.

LUQUE NADAL, L. 2007 “Presupuestos teóricos y metodológicos para la redacción de la entrada *sangre* en un diccionario (inter)cultural”, en Luque Durán, J. & Pamies Bertrán, A. (eds.) *Interculturalidad y lenguaje*, Granada: Método Ediciones. tomo 1, pp. 83–98.

LUQUE NADAL, L. 2008 "Las aplicaciones prácticas del Diccionario interlingüístico e intercultural". *Nueva Revista del Pacífico.* Núm. 53. pp. 85–94.

MED, N. G. 2007 *Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии*. Издательство Петербургскогой ниверситета.

MELLADO BLANCO, C. 2004. *Fraseologismos somáticos del alemán*. Frankfurt: Meter Lang.

PAMIES BERTRÁN, A. 2002 "Modelos icónicos y archimetáforas: algunos problemas metalingüísticos en el ámbito de la fraseología", *Language Design*, 4. pp. 9–20.

PAMIES BERTRÁN, A. 2007 “El lenguaje de la lechuza: apuntes para un diccionario intercultural”. In: Luque, J. d. D & Pamies, A. (eds.) 375–404.

PAMIES BERTRÁN, A. 2008 *Comparaison inter-linguistique et comparaison interculturelle.* In: Quitout, M. (ed.) *Traduction, Proverbes et Traductologie*. Paris: Éditions L'Harmattan.

PAZOS, J. M. (en prensa) *Diccionario ideológico cultural del alemán: estudio contrastivo fraseológico*. Granada: Educatori.

PIIRAINEN, E. 1998 "Phraseology and research on symbols". In: Durčo, P. (ed.), 280–287.

PIIRAINEN, E. 2008 "Phraseology and Culture". In: Granger, S. and Meunier, F. (eds) *Phraseology: an Interdisciplinary Perspective*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.

SEVILLA MUÑOZ, J. 2007 “El valor etnolingüístico de los refranes”. In Conde Tarrío, G. (ed.) 2007 *El componente etnolingüístico de la paremiología.* Cortil-Wodon (Belgique): Éditions Modulaires Européennes. pp. 213–250.

TÉLIYA, V.; BRAGINA, N.; OPARINA, E. & SANDOMIRSKAIA, I. 1998 "Phraseology as a language of culture". In: Cowie, A. P. (ed.) *Phraseology, Theory, Analysis and Aplications*. Oxford / New York: Oxford University Press; pp.55–78.

TÉLIYA, V. N. 1996 *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».

TUTÁEVA, K. [en prensa] "La simbología del cerdo en la fraseología inglesa, rusa y española". *Language Design,* 11.

WIERZBICKA 2008 "Reasonably well: Natural Semantic Metalanguage as a tool for the study of phraseology and its cultural underpinnings". In: Skandera, P. (ed.) *Phraseology and Culture in English*; 49–78.

Папченко А. Ю.

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ «БАБЛЕ» В АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ АСТУРИЯ

Одним из важнейших критериев при определении социолингвистического статуса языковой единицы любого уровня является языковое поведение носителей в отношении изучаемой единицы. Социолингвистический анализ статусности, с учетом аксиологического критерия выделения подсистем, основанный на самоидентификации говорящих, призван выявить место языковой разновидности (в данном случае астурийского диалекта / бабле)[1] в системе социальных ценностей его носителей путем исследования их языкового поведения.

Вопрос оценки говорящими собственного языкового поведения связан с проблемой выбора референтной группы, а значит и языкового идеала. Такой выбор может быть осуществлен говорящими при выполнении как минимум двух условий: 1) говорящий осознает, что его языковое поведение отличается от языкового поведения членов другой / других социальных

[1] Астурийским диалектом, или бабле, мы называем языковую разновидность, распространенную на территории автономной области Астурия.

групп, обладающих в его глазах иным статусом; 2) говорящий способен оценить свое собственное языковое поведение как престижное или не престижное по сравнению с языковым поведением индивидов, принадлежащих к другим группам.

Первое условие исполняется на большей части территории Астурии[2]: 78,2% астурийцев (8 из 10) без колебаний назвали исконным языком автономии астурийский (asturiano / bable / lengua asturiana)[3]. При этом только 22,7% опрошенных отказывает бабле (астурийскому) в статусе языка по ряду причин, среди которых говорящие отмечают его гетерогенность (hay muchas hablas)[4], иной статус (es un dialecto), нерегламентированность (no es oficial), тогда как 70,7% опрошенных считает астурийский языком – показатель, который на десять пунктов вырос по сравнению с 1991 г. в том числе и вследствие последовательно проводимой языковой политики.

Что касается оценки астурийцами собственной языковой разновидности как престижной или непрестижной, то, кажется, что бабле преодолел типичную для диалекта ситуацию «языковой заклейменности» (estigma lingüístico), при которой говорящие испытывают комплекс неполноценности в связи с низкой оценкой собственной речевой деятельности, поскольку осознают ее отличие от языкового идеала – в данном случае испанского языка. Так, только 13,8% опрошенных отчасти или полностью согласились с предложенным для оценки высказыванием:

---

[2] Социологические данные приводятся по: [Llera Ramo 1994; Llera Ramo, San Martín Antuña 2003].

[3] К этому показателю следует отнести также дифференцирующие ответы типа «центральный / западный / восточный бабле» (bable central / occidental / oriental) и «местное наречие» (fala local) – 3,7% и 5,9% соответственно.

[4] Формулировка вопросов и ответов приведена по [Llera 2003].

«Говорить по-астурийски, значит, говорить плохо, в то время как говорить по-испански, значит говорить хорошо» (Expresarse en asturiano es hablar mal, mientras que hablar castellano es hacerlo bien). Решительно отрицают приведенное утверждение 83% астурийцев, что на 10 пунктов больше, чем в 1991 г., хотя, в целом, такая оценка характерна для Астурии уже со второй половины 70-х гг.

Данная ситуация возможна в том числе и благодаря тому, что в Астурии, в отличие от многих двуязычных областей Испании (например, Каталонии, страны Басков), имеет место – и это можно признать одной из особенностей данного региона – наличие бесконфликтного сосуществования национальной самоидентификации граждан. Подавляющее большинство населения (каждые 8–9 чел. из 10) в той или иной форме высказываются о совместимости их национального самосознания как испанцев и как астурийцев. По сравнению с 1991 г. количество взаимоисключающих оценок значительно уменьшилось, что связано с усилением политики федерального государства в Испании. Единственный регион, где ситуация резко отличается – так называемая область Навиа-Эо[5], здесь почти каждый восьмой из десяти респондентов считает себя астурийцем «до мозга костей» (asturiano hasta la médula). Если и можно частично признать проявление у носителей бабле комплекса неполноценности, то он свойствен только ограниченным в социальном плане группам населения, моноглоссным, и потому неспособным адекватно реагировать на изменение ситуации протекания коммуникативного

[5] По названию рек Навиа (Navia) и Эо (Eo), которые отделяют небольшую, граничащую с Галисией, область на западе Астурии. Эта область считается территорией переходных галисийско-астурийских говоров (gallego-asturiano). В данном исследовании мы опустим рассмотрение специфической языковой ситуации в этом районе Астурии.

акта (социальной ситуации). Этот тип поведения не является специфически астурийским. Он характерен для маргинальных слоев общества и свидетельствует об отсутствии у говорящих четкого представления о языковом идеале.

Несмотря на несомненное единодушие респондентов в вопросе деноминации «своей» языковой разновидности, реальная языковая ситуация в Астурии менее однозначна. Это связано с тем, что языковое поведение говорящих медленнее реагирует на изменение языкового сознания и, несмотря на усиление национального астурийского самосознания, с каждым годом неуклонно уменьшается процент носителей, для которых астурийский является первым языком, а также случаев двуязычия (билингвизма). Только 20,7% информантов говорили в детстве на астурийском; 22,5% происходят из семей, где астурийский использовался наряду с испанским, а большинство опрошенных (53,6%) выросло в испаноязычных семьях.

С 1991 г. почти на 10 пунктов (25% носителей по сравнению с 16% в 1991 г.) увеличился разрыв в использовании бабле при общении с родителями и с детьми: многие говорящие, которые традиционно обращаются к своим родителям на бабле, при общении со своими собственными детьми предпочитают испанский. Такой регресс в передаче местной языковой разновидности от поколения к поколению представляет серьезную угрозу для выживания бабле.

Необходимо также отметить низкий уровень осознания единства бабле на территории Астурии: только 6,5% опрошенных согласились с тем, что предлагаемый на институциональном уровне стандартизированный астурийский[6] является их местным говором и языком повседневного

[6] Имеется ввиду языковой стандарт, разработанный лингвистами и сотрудниками организаций по защите бабле (Conseyu Bable, Academia de la Llingua Asturiana) на базе центрального поддиалекта (bable central).

общения, а 22% утверждают, что эти две языковые разновидности мало похожи между собой (tienen poco que ver).

В этой ситуации даже при высокой оценке говорящими престижности бабле его использование ограничено в ситуациях, выходящих за рамки бытового общения. Если в ближайшем окружении (семье) 18,9% говорящих используют преимущественно бабле, то в более формальной ситуации (при знакомстве) только 3,2% не переходят на испанский язык.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на наличие достаточно широкой базы реальных и потенциальных носителей бабле и благоприятного для развития этой языковой разновидности социолингвистического климата в Астурии, отсутствие скоординированной языковой политики по укреплению социального статуса бабле ставит под сомнение перспективы его дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alvar M.* Actitud del hablante y sociolingüística // Teoría Lingüística de las regiones. – Barcelona, 1975.

2. *Alarcos Llorach E.* Gallego-asturiano // Manual de dialectología hispánica (El Español de España). – Barcelona, 1999.

3. *D'Andrés R.* Gramática práctica de asturiano. – Oviedo, 1999.

4. *García Mouton P.* Lenguas y dialectos de España. – Madrid, 2002.

5. *Llera Ramo F.* Los asturianos y la lengua asturiana: estudio sociolingüístico para Asturias, 1991. – Oviedo, 1994.

6. *Llera Ramo F., San Martín Antuña.* Estudio sociolingüístico de Asturias, 2002. P.II – Oviedo, 2003.

7. *Martínez Alvarez J.* Las hablas asturianas // Manual de dialectología hispánica (El Español de España). – Barcelona, 1999.

8. *Zamora Vicente A.* Dialectología española. – Madrid, 1996.

Передерий Е. Б.

Московский государственный
педагогический университет
Москва, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Как пишет известный литературный критик Н. Александров, в постмодернисткую эпоху «цитата и жизнь почти неразличимы. То есть – жизнь состоит из цитат (во всех смыслах этого слова) и любая цитата при некотором усилии или даже без него становится актуальной. Иными словами, доминирует вторичный продукт, раз (а то и не раз) пройденное, усвоенное, благополучно съеденное…» [Александров 2007: 29]. А. Перес Реверте пошел еще дальше, заявив, что со времен «Поэтики» Аристотеля, «Одиссеи» и классического древнегреческого театра не было создано ни одного оригинального художественного произведения [Pérez Reverte 2005: 36–38].

Действительно, сегодня не вызывает сомнений, что любое вербальное творчество не существует вне общего интертекстуального пространства. Идея «диалога культур» М. М. Бахтина, трансформированная теоретиком постмодернизма Ю. Кристевой в «диалог между текстами», в конце 60-х гг. XX в. привела к появлению нового термина − «интертекстуальность». Ее Р. Барт определил как «смерть автора», суверенность которого утрачивается в явных и неявных цитатах: «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат, и в этом смысле каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах» [Барт 1989: 415].

Одной из форм цитации являются прецедентные тексты, которые, по определению Ю. Н. Караулова, представляют собой «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях,

имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [Караулов 2003: 216]. Иными словами, прецедентный текст – это текст, являющийся элементом культурной памяти народа и регулярно используемый для создания других текстов. Его можно определить как текст или элемент текста, который известен большинству носителей языка и легко узнается ими при любых трансформациях.

Прецедентные единицы широко используются в печатных и электронных СМИ, являясь мощным и емким средством, способным реализовать главный принцип языка публицистики – чередование экспрессии и стандарта [Костомаров 1971: 25]. На интертекстуальный характер текстов массовой коммуникации указывал Ю. В. Рождественский: «Тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными». В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла» [Рождественский 1996: 239]. Иными словами, использование прецедентных единиц в газете можно считать конститутивным признаком этой разновидности языка.

Прецедентные языковые единицы используются как в неизменном, так и в трансформированном виде[1]: ***quien bien te quiere te hará llorar*** (refrán**);** ***carne y sangre y semen*** *del Mediterráneo y de la vieja Europa (*ссылка на фразеологизм *hacer carne y sangre de algo).*

В структурном плане прецедентные единицы могут принадлежать самым разным ярусам языка – от морфем до целого текста. В качестве

[1] В качестве иллюстративного материала были использованы статьи аналитического характера газет El País, El País semanal, а также сборник статей А. Переса Реверте [Pérez Reverte 2005].

примера последнего можно привести очерк А. Переса Реверте “Canción de Navidad”, который представляет собой переосмысленный и трансформированный сюжет Эзопа, известный нам как басня И. А. Крылова «Стрекоза и муравей».

На морфологическом уровне отмечается образование новых слов по известным моделям: ***bibliocidas****, jóvenes y* ***jóvenas.***

Примеры прецедентных слов*:* ***gulag*** *de Guantánamo, el* ***Gotha*** *americano* (*Gotha* – метонимическое обозначение европейских королевских династий). Часто прецедентными становятся имена собственные, например: *las SS que tienen RH casi tan impecable como el de don* ***Xabier Arzalluz*** (один из лидеров баскской националистической партии); ***Mulder y Scully*** (персонажи культового американского сериала «Секретные материалы»).

Источниками прецедентных единиц в газете могут быть фразеологизмы, пословицы и поговорки, названия и цитаты из художественных произведений, названия кинофильмов и телесериалов, исторические и мифологические лица, события, понятия, политические и экономические термины, рекламные слоганы, высказывания известных деятелей и т. п. Например:

> *… sus remos de carbono hidratado, que le* ***han costado a la empresa un huevo de la cara***; *Estudio la posibilidad de meterle en una ONG****,*** ***Detectives sin fronteras****, abiertamente opuesta a la ONG hegemónica,* ***Financieros sin fronteras***; ***Índice mundial de la desigualdad***; *Todo como a cámara lenta y con música, creo recordar – lo mismo no era esa peli, pero se parece – de La Cenicienta. Ya saben.* ***Eres tú el príncipe azul que yo soñé***; ***Ver esta película perjudica seriamente la salud***.

Наиболее характерными жанрами СМИ, в которых встречаются прецедентные единицы, являются авторские колонки и комментарии, т. е. произведения, в задачу которых входит не столько информировать, сколько выразить собственное отношение к какому-либо факту или событию

политической или общественной жизни. Так, борьба за формальное выражение гендерного равенства, судя по всему, вызывает неприятие у А. Переса Реверте, что проявилось в создании заведомо неправильных с точки зрения грамматики форм женского рода по прецедентной модели: ***jóvenas*** *y jóvenes; artistas (o* ***artistos****); cada cual y cada* ***cuala*** **(**ср. политкорректные парные формы женского и мужского рода niñas y niños). А трансформированный фразеологизм ***Al Gore rezando y con las chimeneas contaminando*** (*a Dios rogando y con el mazo dando – на Бога надейся, но сам не плошай*) помогает выразить негативное отношение к проводимой политике в области защиты окружающей среды и к Киотскому протоколу.

С другой стороны, использование прецедентных единиц позволяет журналисту не только привлечь внимание читателя к своей статье, но и вовлечь его в определенную игру, целью которой становится припоминание цитаты и ее источника. В этом случае реализуется игровая функция прецедентного текста, которая сегодня как никогда актуальна, поскольку выражает особое состояние современного языка и культуры – их «карнавализацию» [Костомаров, Бурвикова 2001]. Различные приемы индивидуально-авторской интерпретации прецедентных текстов являются одним из эффективных средств создания различных по емкости и эстетическому воздействию образов, направленных на массовое сознание. При их раскодировании предполагается работа мысли реципиента, основывающаяся на знакомстве с источником. Например, в выражениях *Desde Kennedy, la última gran figura de la aristocracia* ***del eje Boston-Nueva York; glorioso ejército nacional*** (так называли Вооруженные силы в период франкизма); ***la ética del tiempo*** (Сенека) содержатся исторические реминисценции, которые предлагается читателю вспомнить.

Современный текст СМИ содержит много прецедентных единиц, которые требуют осмысления на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры. И если на языковом уровне подобные единицы формально

понятны, их подлинный смысл имплицируется определенным социокультурным контекстом.

Можно предположить, что владение общими прецедентными текстами является важнейшей предпосылкой успешного общения и взаимопонимания, т. е. того, что мы называем «говорить на одном языке». Будучи вербализацией определенного культурного багажа, некоторого общего лингвокультурного знания, набор прецедентных текстов разнится не только в межъязыковом плане, но и внутри языкового коллектива: по возрасту, уровню образования, профессиональной принадлежности и т. п.

Это обстоятельство порождает множество прикладных проблем и задач из области теории обучения иностранным языкам и перевода. Так, применительно к преподаванию, необходимость постоянной работы над лингвокультурными реалиями требует провести отбор самих реалий и соответствующих материалов для каждого этапа обучения, а также разработать соответствующие методики. Что касается перевода, прецедентные тексты, не имеющие универсального характера, в принципе непереводимы без более или менее пространных пояснений, так как семантическая идентичность оригинала и перевода не обеспечивает их прагматического тождества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н.* Эти глаза не сморгнут. – Известия. Московская неделя. – 30.11 2007.

2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2003. – 264 с.

4. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.

5. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.

6. *Рождественский Ю. В.* Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

7. *Pérez Reverte A.* Inquisidores de papel impreso / Pérez Reverte A. No me cogeréis vivo. – Madrid: Alfaguara, 2005. – P. 36–38.

Попова Г. Г.

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВНУТРИСИНТАКСИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Модальность – это состояние и всегда дополнительная пропозиция в любом предложении. Категория внутрисинтаксической модальности – лингвистическая универсалия, и выявление ее периферийных значений очень важно для представления структуры этого поля. Сопоставление с испанским языком – особая графа в описании категории модальности, поскольку представляет материал для осмысления функционально-семантического поля модальности в языке как понятийной категории и как составляющей более обширного поля – поля состояния.

Желаемое и возможное – две главных оси человеческой души (по К. Кастанеде). В процессе многомерного анализа сферы желаемого и возможного можно раскрыть в новых параметрах, каким образом модальность показывает суть языковой картины мира.

Какова общелингвистическая основа рождения еще не лексикографированных значений глаголов **мочь** / **хотеть** и **poder** / **querer**? Этот семантический узел развязывается системой прагмалингвистических ответов. Теория языка способна ответить на вопросы о ментальных условиях

реализации возможностей, способностей, желаний, об условиях (не)признания желаний и их оценки.

Модальные глаголы – «строевая» лексика, т. е. «лексика на службе грамматики». Для них характерно синтаксическое единообразие – употребление в конструкции N V(m) V (Inf) (имя существительное, модальный модификатор, инфинитив) [Корди 1990]. Но за этим единообразием скрывается целый ряд семантических структур, потенциально соответствующих разнообразным модальным значениям. Значение, однако, не является последней значимостью слова. Ему предшествует концепт.

План содержания концепта включает общие как семы, которые образуют понятийную основу лексико-семантической парадигмы, так и семантические признаки, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка. Любое исследование, направленное на изучение концептов, по сути сопоставительно. Сопоставление носит «интерментальный характер, где сопоставляются единицы научного и обыденного сознания в их языковой реализации. Либо этот эталон присутствует имплицитно, и тогда исследование носит интерлингвальный характер, где непосредственно сопоставляются лексические единицы одного или нескольких языков. Отличительной чертой концепта является его этнокультурная отмеченность» [Воркачев 2000]. Языковые концепты устроены прототипически, то есть неравномерно, по принципу центр – периферия. При этом прототип имеет сильный стабильный центр, позволяющий носителям языка легко выделять прототипические значения и отличать их друг от друга, и более аморфную, подверженную изменениям, зависимую периферию [Никитин 1997]. Наше изучение семантического пространства концептов **мочь** / **poder** и **хотеть** / **querer** показывает, что семантические компоненты, структурирующие их концептосферу, продуцируют в языковую картину мира следующие базовые прототипы:

рус. яз., исп. яз.: **мочь** / **poder** – *мысль, способ, сила, бойкость, готовность, согласие;*

рус. яз.: **хотеть** – *волен, склонен, намерен, необдуманность, желание, жадность;*

исп. яз.: **querer** – *любовь, взаимопонимание, нежность, обладание, мачизм, вожделение, желание, требование.*

Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира [Карасик 2004]. Картина мира, воссоздаваемая лексической системой национального языка, может быть приблизительна и неточна в деталях, но она интуитивно достоверна, наглядна и отвечает здравому смыслу [Вежбицкая 1996]. Данные семантические компоненты мы рассматриваем как находящиеся на периферии концептосферы концептов **мочь** / **хотеть**. Таким образом, концепты являются первичными с онтологической точки зрения.

В значении «потенциальной возможности» можно обнаружить концепты *угроза, опасность, волнение, разрешение.* В значении «нереализованного желания» – концепты *сожаление, ожидание, досада, возмущение, потеря.* Подобное взаимно-неоднозначное соответствие – необходимый способ организации модальной полисистемы, неизбежный в силу ее исключительной емкости.

Между тем, одного только признания существования концепта оказывается недостаточным. Концепт, независимо от того, что он выражает – субстанцию, процесс или признак – должен быть актуализирован: виртуальный концепт – актуальный концепт. Актуализатором концепта глагола является его парагдигма. При этом разрешается противоречие, заключенное в понятии процесса как статики, т. е. опредмеченного, и процесса как динамики. В общем плане, актуализация концепта глагола

означает переход из парадигматики в синтагматику, так как актуализация происходит на линейной оси языка.

Об актуализации нельзя говорить, игнорируя значение. По характеру связи двух концептов, концепта актуализирующего и концепта актуализируемого, М. В. Никитин выделяет два вида значений – импликационное (незнаковое) и семиотическое (знаковое, кодифицированное). Импликации «представляют собой выводное знание, вероятностные заключения из конкретных ситуаций употребления знаков» [Никитин 1997]. «Семиоимпликационное значение» приобретают вопросительные предложения с обратным отрицательным смыслом, что может соответствовать запрету в этикетной форме: *"¿Es que uno se puede casar con una tía? " – preguntó él, asombrado* (Márquez, Cien años de soledad) – *Значит, можно жениться на родной тетке? – спросил он в изумлении* (перев. М. Былинкиной) = разве можно жениться? = нельзя жениться. «*А что я могу? Что я могу, Настена? Подумай сама»* (Распутин, Живи и помни*)* = я ничего не могу.

Глаголы **мочь** и **хотеть** – универсальные примитивы, но они относятся к разным семантическим группам: **хотеть** к ментальным предикатам, а **мочь** к соответствующим логическим концептам [Вежбицкая 1983]. Действительно, **хотеть** соответствует ментально-волевым процессам, **мочь** требует логической оценки объективно-субъективных условий, создающих условия возможности действия.

Глагол **querer** передает два ряда значений: соотносящийся с 'желать' / 'намереваться' и соотносящийся с 'любить', употребляется в значениях 'приказывать', 'подходить к чему-либо' (о вещах), 'принимать ставку' (в карточной игре), 'собираться' / 'надвигаться', 'требовать' / 'нуждаться', 'заниматься любовью'.

Глагол **хотеть** не имеет этих значений, но используется в значении, еще не отмеченном словарями – ‘давать повод’ / ‘напрашиваться’ при сочетании с инфинитивами глаголов, выражающих действия, отрицательно оцениваемые говорящим. Глагол **poder**, в отличие от **мочь**, обнаруживает значения ‘иметь способность одержать победу в соревновании’ и ‘выводить из себя’ / ‘раздражать кого-либо’. Глаголы **хотеть** / **querer** характеризуются высокой степенью синонимичности и омонимичности, **мочь** характеризуется высокой степенью полисемантичности. Важнейший тип оппозиций – бинарная привативная – справедлив для отношений между **хотеть** и **мочь,** при их поразительном многообразии. **Хотеть** еще не значит **мочь, мочь** часто означает **хотеть.**

Универсальность семантики и функций рассматриваемых модальных глаголов не исключает целого ряда их отличий, связанных с различной типологией русского и испанского языков и национальными специфическими признаками, которые могут отражать как лингвистические, так и экстралингвистические факты.

Анализ синтаксических свойств позволил заключить, что данные лексемы обладают относительно свободной лексической сочетаемостью. **Хотеть** / **querer** сочетаются только с субъектом-лицом, а **мочь** / **poder** – с одушевленным и неодушевленным субъектом. В плане их функционально-прагматической характеристики следует отметить многочисленные функции модальных глаголов в речи, исследование которых помогает осмыслить их структуру и семантические особенности.

Глагол **poder** обнаруживает сходство в функционировании и сочетаемости с глаголом **querer**:

а) как **poder**, так и **querer** употребляются в инфинитивных конструкциях с предлогами (sin poder hacer algo, para quererte). Оба глагола способны передавать такие значения, как намерение, желание /

реализованное и нереализованное /, побуждение. В значении побуждения испанские глаголы сочетаются не только с формой 2 л., но и с формой Vd – 3 л. в значении 2 л. Вследствие четкой выраженности стандартизированных флексий лица и числа глаголов (стандартных и нестандартных), употребление личных местоимений оказывается избыточным;

б) в число грамматических категорий в испанском языке категория вида не входит, поэтому значения предельности / непредельности, завершенности / незавершенности выражаются временными формами. Формы относительных времен – это синтаксические конструкции, в которых спрягаемый глагол потерял лексическое значение и стал вспомогательным: *hubiera podido, habrá querido;*

в) глагол **poder** в 3 л., ед. ч. также, как и **querer** способен сочетаться с придаточными предложениями и употребляется в трех типах синтаксических конструкций (в отличие от **мочь**): с объектным дополнением-инфинитивом, дополнением-именем с элиминацией «делать-сделать» и придаточным дополнительным.

г) сфера функционирования исследуемых глаголов – монологическая и диалогическая речь. Как **querer**, так и **poder**, используются в таких типах речевых актов, как ассертив, экспрессив, коммиссив, императив, информатив, оптатив, эмотив-императив. В испанском языке широко используются герундиальные формы **pudiendo** и **quiriendo**.

К различиям в семантике и функционировании исследуемых глаголов относятся:

а) глагол **querer** передает два ряда значений: 1) соотносящийся с **desear** – ‘желать’; 2) соотносящийся с **amar**, **tener cariño** – ‘любить’. Глагол **хотеть** отличается моносемностью. Эквивалентом безличного **хотеться** с точки зрения неподконтрольности и спонтанности желания

является предикат **tener ganas**, который относится к сниженному разговорному регистру;

б) глаголу **querer** присущи такие значения, отмеченные в словарях, как ‘любить’, ‘приказывать’, ‘подходить к чему-либо’ (о вещах), ‘принимать ставку’ (в карточной игре), ‘собираться’ / ‘надвигаться’, ‘заниматься любовью’. Русский глагол **хотеть** не употребляется в этих значениях;

в) глагол **poder** употребляется в значениях ‘иметь способность одержать победу в соревновании’ и ‘выводить из себя или раздражать кого-либо’. Глагол **мочь** не имеет этих значений.

Итак, раскрывается целая панорама общелингвистических детерминаций и национальной специфики картины мира: взаимодополнение семантических структур **хотеть** / **querer**; **мочь** / **poder** и условия элиминации компонента и ее масштабы; прагмасемантический оттенок снятия ответственности – датив с глаголом **хочется** и его корреляты и многое другое. Взаимодополнительность и эксклюзивность (безэквивалентность) в таких сферах, как объем парадигмы, характер сочетаемости стали основой для конкретизации взаимосвязи между грамматическим способом (агглютинация – фузия) и диапазоном семантической цельности в разных формах, включая глагольные атрибутивные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Семантические примитивы // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – 190 с.

2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

3. *Воркачев С. Г.* «Две доли» – две концепции счастья // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 54–61.

4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

5. *Корди Е. Е.* Вторичные функции высказываний с модальными глаголами // Типология и грамматика. – М.: Наука, 1990. – С. 174–180.

6. *Никитин М. В.* Предел семиотики // Вопросы языкознания. – М., 1997. – №1 – С. 3–14.

Manuel Rivas Zancarrón
Universidad de Cádiz
Cádiz, España

MOVING-TIME VS. *MOVING-EGO*
EL ESPACIO EN EL VERBO ESPAÑOL

1. Los hechos que nos dibujan nuestros sistemas lingüísticos no reproducen la esencia de la realidad, y prueba de ello es que las lenguas se diferencian estructuralmente unas de otras. El tiempo cronológico atiende a dos vertientes, que se diferencian por sus puntos de localización: a) un hecho puede ser anterior, simultáneo o posterior a un punto de referencia histórico (el nacimiento de Cristo, por ejemplo), o b) ser anterior, simultáneo o posterior a una referencia social marcada por el *yo* hablante. En el primer caso, el punto de referencia es «pasado» en relación al *yo* que habla; en el segundo caso es «simultáneo».

Visto así, todo hecho tiene un puesto en el tiempo que ha sido creado. Cuando digo *estoy comiendo una manzana*, *he comido una manzana* y *comeré una manzana*, considero estos hechos como simultáneos, pasados o futuros con respecto a mi *yo*. Si representáramos, como de hecho representamos, un reloj con la forma de una línea dividida en 24 partes, cada una, por ejemplo, de 1 centímetro de distancia entre ellas, obtendríamos una figura en donde los hechos individuales, no los colectivos, tienen reservados un punto temporal en cada espacio. El *yo*, punto de referencia, va moviéndose al mismo tiempo que la manecilla y dejando

atrás los hechos anteriores a estos espacios, a la vez que coinciden estos con el desplazamiento del *yo* o se contemplan otros en su posterioridad.

El punto en el que coincide el *yo* en cada momento se designa arbitrariamente como «presente». En este, se encuentra el *yo* duradero, que se desplaza de izquierda a derecha. En cualquier caso, la conciencia del *yo* es diferente en cada momento: la continuidad se garantiza desde el mismo instante en el que el *yo* existe en la simultaneidad y se proyecta hacia el "estar siendo". Desde una perspectiva física, no hay presente, pues la manecilla del reloj refiere solo en qué punto de la línea temporal estamos, es decir, dónde se encuentra el *yo* o los diferentes *yoes*. Desde una perspectiva psicológica, sí hay un presente. Si comparáramos la línea ficticia del tiempo con un rollo que se fuera desenrollando poco a poco, veríamos que el momento presente, es decir, el punto que divide el trozo desenrollado y por desenrollar no tiene cabida, dada su continua movilidad. En cualquier caso, psicológicamente concebimos el presente como un punto de extensión, el espacio que se abre a la fuerza, casi a codazos, entre el pasado y el futuro, mas esto es pura ilusión.

Los espacios temporales vienen determinados desde el futuro; es decir, para que el tiempo avance debe haber marcados puntos posteriores que se van acercando, tocan el presente y desaparecen en el pasado; la dirección del movimiento, en cambio, va desde el pasado al futuro[31]. Este detalle le hará ver

---

[1] Observe como detalle que cuando nos encontramos en movimiento la dirección al contar va, por así decirlo, desde un antes a un después, en tanto que si el *yo* está estático, los puntos vienen en sentido contrario. Imagínese que está en un tren y quiere contar las estaciones que hay de Cádiz a Jerez: lo hará siempre desde atrás hacia delante, es decir desde Cádiz a Jerez; sin embargo, si se encuentra situado en el tren, considerado como un ente estático, contará los vagones que hay en él en sentido contrario, es decir, desde delante hacia detrás.

cómo otras lenguas presentan una forma distinta de contemplar los hechos temporales: en árabe o ruso, por ejemplo, la forma de representar gramaticalmente el espacio temporal se ajusta a estas premisas. Aquí, o los hechos se contemplan estáticos y, por tanto, vistos desde un futuro a un pasado, haciendo incursión por el presente, o se ven desde un *yo* en movimiento, en donde la dirección va en sentido contrario. La diferencia entre formas perfectivas e imperfectivas tienen su base en esta premisa, de aquí que, desde un *yo* presente, el hecho lo contemplemos como acabado cuando viene hacia nosotros – no olvide que las formas de futuro se consiguen en estas lenguas con el perfectivo, no con el imperfectivo – y que el imperfectivo se conciba como cursivo, en una dirección no limitada, pues las fronteras del futuro no se ven con nitidez[42].

Junto a esta concepción más o menos simétrica de la percepción del espacio y el tiempo, que se hacen reales en virtud de una objetivación colectiva forzosa, se encuentra la aprehensión que cada individuo particular tiene de estas coordenadas. Esos espacios tan bien delimitados pueden presentar extensiones subjetivas muy variables. Dos minutos en la consulta de un dentista no son iguales de largo para una persona aprensiva que los que pudiera pasar tomando un café apacible. Es decir, que, al lado del reloj externo, configurado por la sociedad para regular el caos, existe también un reloj interno, en donde la extensión temporal es relativa con respecto al otro tiempo, que es igual de relativo.

Y ante este conjunto de reflexiones, en donde lo que destaca es la mente humana como productora de conceptos sin referente real, tenemos otro constructo, la lengua, que tratará igualmente de poner límites a las fronteras que el pensamiento ha puesto – y, según la física, – de la nada. En cualquier caso, la

---

[2] O. E. Johnson (1936) advierte de la existencia de dos tipos de movimientos: uno orientado en el tiempo y otro basado en el espacio. De esta forma, existe un tiempo concebido como posición, de carácter geométrico o espacial, y, otro, percibido como cambio de posición, que es social o quinético.

lengua, como objeto creado que es, ya es un algo que responde a un ordenamiento lógico y que trataremos de desentrañar en lo que sigue.

2. Vistas así las cosas, el tiempo, concepto creado por el ser humano para su vida social e individual, puede tener las mismas categorías de aprehensión en todos los pueblos, pero una forma distinta de cristalizarlo en los sistemas de comunicación específicos. De hecho, hay lenguas que no materializan los conceptos temporales pensados; lo que no quiere decir que no sean capaces de hablar sobre él, sino que no disponen de esas piezas en el engranaje.

En adelante, vamos a comprobar cómo se formaliza la categoría tiempo en el sistema gramatical del español, si es que se formaliza; es decir, cuáles son las piezas que la lengua española ha escogido de la estructuración general del pensamiento para hacerla visible y compatible en su sistema.

2.1. Imaginemos que nos encontramos en el año 2350 y la lengua que hoy se conoce como español no se habla más, está confinada a una reserva de determinadas personas que se comunican con ella como lengua materna. Un lingüista se acerca a estudiar este sistema perdido y se lleva varias gramáticas. Toma como lectura el capítulo de los tiempos del pasado en esas gramáticas y lo contrasta con el comportamiento comunicativo de sus escasos hablantes. Con estos datos, llega a establecer las siguientes conclusiones:

1) Las gramáticas identifican varios tiempos verbales: a) presente (*Pedro baila*); futuro simple (*Pedro bailará*); pasado (*Pedro bailó*); futuro perfecto (*Pedro habrá bailado*); imperfecto (*Pedro bailaba*); perfecto simple (*Pedro ha bailado*), y pluscuamperfecto (*Pedro había bailado*)**.**

2) El investigador descubre cuatro tiempos fundamentales para la expresión del pasado: pasado simple; imperfecto; perfecto simple y pluscuamperfecto.

3) El lingüista observa que las formas que teóricamente no deberían expresar pasado, lo hacen (El tren *atrapa* al niño sin darse cuenta (presente); En España

recomiendan en el siglo XIX el estudio de Voltaire (presente); Cristóbal Colón *descubre* América en 1492 (presente); En 1789 *estallará* la gran revolución en Francia (futuro).

4) Se percata de que hay formas de pasado que no lo expresan (Señores: El congreso *ha comenzado* (presente); Vale que yo *era* el indio y tú *eras* el vaquero (presente); *Quería* dos kilos de tomate (presente); ¡Te cogí! [en un aquí y ahora] (presente); ¡Te *he pillado*! [en un aquí y ahora] (presente); Perdona, ¿Cómo te *llamabas*? (presente); Él *viajaba* a Barcelona mañana (futuro); Ahora me *tomaba* yo una piña colada (presente); ¡Ya *llegué*! [dicho por un camarero para atender a un cliente que lleva mucho tiempo esperando] (futuro).

5) Advierte que el presente puede cristalizarse tanto en un pasado (*Napoleón* nace *en Sicilia*), como en un presente (*El hijo de Edward Kennedy* tiene *gripe*), como en un futuro (*El presidente* habla *mañana en el Congreso*), o como en un atemporal (*Las mariposas no* lloran *nunca*).

6) Deduce que un pretérito puede manifestar pasado (*El Betis* perdió *ante el Sevilla por tres a uno*), presente (¡*Te* pillé*!* [en un aquí y ahora]), y atemporal (*"¡Qué bueno!" – le dijo la mula al freno – "y nunca lo* encontró *bueno"*).

7) Se da cuenta de que un perfecto puede expresar igualmente un pasado (He desayunado *poco esta mañana*), un presente (¡*Te* he visto*!* [jugando a esconderse]), un futuro (*Casi que nos* ha alcanzado*. ¡Cuidado!*), o un atemporal (*El perro* ha sido *siempre el mejor amigo del hombre*).

8) Observa que el pluscuamperfecto puede tener tanto valor de pasado, el que le corresponde (*¿Dónde nos* habíamos quedado*?*), como de futuro (*Yo* hubiera ido *mañana, pero no hoy*).

9) Finalmente, que el imperfecto puede adquirir el valor habitual que se le atribuye de pasado (*Cristóbal Colón* descubría *América en 1492*), pero también el de presente (*¿Cómo te* llamabas*?*), el de futuro (*Él* iba *mañana a París*), o

atemporal (*Nuestros antepasados no sabían que la tierra* era *redonda*).

Ante este panorama, el investigador tira la toalla y llega a la conclusión de que son las gramáticas las que le han presentado equivocadamente el problema. Naturalmente, lo que ha ocurrido con todas esas incursiones de formas verbales en conceptos no encajables es sencillamente que los valores primigenios otorgados están tomados de actos de habla particulares y se ha llegado a una generalización, obtenida por el efecto de contextos específicos. La tradición gramatical ha fijado los parámetros temporales y estos se han transmitido de generación en generación sin reflexionar siquiera si ellos tenían validez en otros sistemas o en el sistema evolucionado para el que se aplicó. Las lenguas cambian y, además, representan la realidad exterior de maneras diversas. Por tanto, todo ese caos conceptual que tenemos en el sistema verbal español no es más que el resultado de intentar calzar en nuestra lengua formas que ya no tienen cabida o que ni siquiera la han tenido alguna vez.

Ante tal desbarajuste, la lingüística actual reacciona con principios que no hacen sino complicar aún más el asunto. Algunos creen que el tiempo verbal tiene un reflejo lógico en la realidad exterior y de este pensamiento surgen las hipótesis deíctico-temporales[3], las cuales son simplemente un intento de cuadrar los tiempos tradicionales en cada una de las fórmulas, y con ayuda de esos contextos que son siempre posibles. A estos intentos, le siguen las formulaciones binaristas[4], con las que se pretenden sacar a la luz los rasgos básicos de cada forma verbal, pero el intento se vuelve vano, pues parten de constructos ya pensados en la tradición

[3] Las hipótesis deíctico-temporales se basan en esquemas lógicos. Muchos de ellos siguen los patrones de H. Reichenbach (1947) o criterios parecidos: W. E. Bull (1960), K. Heger (1963), o, más recientemente, G. Rojo y A. Veiga (1999).

[4] Aplicaciones binaristas las encontramos en E. Alarcos Llorach (1973), K. Togeby (1953), o J. Kuryłowicz (1960).

gramatical. Por último, encontramos estudios en donde, para explicar la forma inexplicable, o sea, el imperfecto, acuden a los llamados planos y perspectivas[5].

No hay mucho tiempo para detenernos al detalle, pero todas las aclaraciones fracasan por no tener en cuenta en primer lugar una clasificación tipológica de las lenguas: puede haber sistemas que contemplen la posibilidad de expresar tiempo, otras solo aspecto y, otros, un combinado de ambos. Queremos aquí defender una idea de Ch. Fillmore (1971) que distingue lenguas que se basan bien en el parámetro *moving-time* (el sujeto se mueve con el tiempo y lo que va dejando atrás constituye el pasado), bien en el *moving-ego* (es el tiempo el que se mueve hacia el sujeto, mientras este permanece estático). Este hecho explica cómo lenguas como el ruso tienen una forma perfectiva, acabada, que indica futuro, pues es el tiempo el que viaja hacia el sujeto. Desde el momento en que el hablante contempla una acción como ya vista, la acción la observa en la lejanía como acabada y viéndola venir hacia sí, está proyectada espacialmente hacia un futuro. En cambio, si el yo se mueve con el tiempo, lo que está detrás de él no es espacio, sino tiempo vivido.

Y he aquí donde el imperfecto puede encontrar su lugar. La forma *cantaba* del español no expresa pasado, sino una dimensión espacial, por lo que la oposición entre pasado simple / imperfecto no es en absoluto temporal. Para concluir esta idea, imagínese que está en un vagón de cercanías de Cádiz y viaja con un compañero:

Cádiz – San Severiano – Segunda Aguada – Estadio – Cortadura – Bahía Sur – San Fernando – Puerto Real – Puerto de Santa María – Jerez de la Frontera

Si, con el tren en movimiento, usted se encuentra en Puerto Real y, en ese preciso instante, su compañero le pregunta "¿Cuál *fue* la última estación?", su respuesta no se deja esperar y contestará con la estación inmediatamente anterior al movimiento, es decir, San Fernando. Se trata aquí de una reacción típicamente

[5] A este respecto pueden consultarse los estudios de W. Dietrich (1973), E. Coseriu (1976), V. Lamíquiz (1982) o N. Cartagena (1978).

temporal (*moving-ego*). Sin embargo, si en el mismo punto y sin incidir en el movimiento, sino solo en el espacio, el mismo compañero le pregunta "¿Cuál *era* la última estación?", tampoco aquí su respuesta vacilará. Con un gesto mental hacia delante, propio de la localización espacial inherente al imperfecto (*moving-time*), contestará: "Jerez de la Frontera**".**

BIBLIOGRAFÍA

Alarcos Llorach, E. 1973: *Estudios de gramática funcional del español*. Madrid: Gredos.

Bull, W. E. 1960: *Time, Tense and the Verb. A Study in Theoretical and Applied Linguistics with Particular Attention to Spanish*. Berkeley, Los Angeles: University of California Publications in Linguistics.

Cartagena, N. 1978: Acerca de las categorías de tiempo y aspecto en el sistema verbal del español. *Revista de la Sociedad Española de Lingüística*. 373–408.

Coseriu, E. 1976: *Das Romanische Verbalsystem*. Tubinga: Gunter Narr.

Dietrich, W. 1973: *Der periphrastische Verbalaspekt in den romanischen Sprachen*. Tubinga: Max Niemeyer.

Fillmore, Ch. 1971: "Towards a theory of Deixis". *Working Papers in Linguistics*, 3 / 4. 219–242.

Heger, K. 1963: *Die Bezeichnung temporal-deiktischer Begriffkategorien im französichen und spanischen Konjugationssystem*. Tubinga: Niemeyer.

Kuryłowicz, J. (1960): "Aspect et temps dans l'histoire du persan", en : *Esquisses linguistiques*. Wrocłow-Cracovia.109–125.

Lamíquiz, V. 1982: *El sistema verbal del español.* Málaga: Ágora.

Reichenbach, H. 1947: *Elements of Symbolic Logic*. Nueva York: Free Press.

Rojo, G. y A. Veiga 1999, “El tiempo verbal. Los tiempos simples”, en *Gramática descriptiva de la lengua española* (*Las construcciones sintácticas fundamentales. Relaciones temporales, aspectuales y modales*), II. 2867–2934.

Togeby, K. 1953: *Mode, aspect et temps en espagnol.* Copenhague: Ejnar Munksgaar’d.

Рогулина Е. Э.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

ЦВЕТОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ИСПАНЦЕВ

Не вызывает сомнений тот факт, что цвет играет особую роль в нашей жизни, «окрашивая» все сферы деятельности человека. Зачастую от цвета зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Вполне объяснимо, почему столь популярны исследования в области цвета у психологов. Однако, рассматривая те или иные аспекты, следует также принимать во внимание исторический и культурный опыт человека, которому свойственно постоянное стремление называть предметы и явления, которые его окружают. В системе цветонаименований каждого языка существует ряд универсальных черт, а различное отношение к тому или иному цвету отражается в образных выражениях, идиомах и поговорках, которые аккумулируют в цветофразеологизмах (ЦФ) социально-историческую, интеллектуальную и эмоциональную информацию конкретного национального характера [Верещагин, Костомаров 1980]. ЦФ широко используются в разговорной, литературной, общественно-политической речи, они стали неотъемлемым компонентом современных языков.

Известно, что набор цветовых символов достаточно ограничен. Наиболее часто в этом качестве используются основные цвета спектра, к которым относятся, прежде всего, белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и фиолетовый цвета. Отметим, что этот список может меняться в зависимости от культурных традиций конкретного народа.

Цветолексика – составляющая языка каждого народа. Трудность выявления национально-специфических ассоциаций с тем или иным цветом, входящим в состав ЦФ, обусловлена значительным количеством схожих ассоциаций, однако, не все они проявляются в языке, и первичность той или иной ассоциации также варьируется у разных народов.

Полинациональные языки, такие, как испанский, представляют для исследователя особый интерес. Как известно, испанский язык является официальным не только в Испании, но и в большинстве стран Латинской Америки, в бывших колониях Испании в Африке, на Филиппинах, в некоторых североамериканских штатах, в Андорре. Кроме того, нельзя не учитывать влияние местных языков на формирование литературных норм отдельных латиноамериканских вариантов испанского языка [Фирсова 2003].

Н. М. Фирсова отмечает, что «главными конструктивными чертами общеиспанской разговорной речи можно считать ее экспрессивность и эмоциональность» [Фирсова 1999], и ЦФ являются «ярким» тому подтверждением.

Одним из главных признаков ЦФ является их метафоричность или образность, поскольку метафоричность как семантическое переосмысление – это основной путь возникновения ФЕ. Таким образом, в структуре значения некоторых ЦФ на первый план выдвигается коннотативный аспект, являющийся неотъемлемым элементом языковой единицы. Структуру коннотативного значения ЦФ определяет экспрессивность, которая, в свою

очередь, основывается на оценке и образности. Повышенной экспрессией обладают ЦФ, характеризующие человека.

ЦФ в высказывании выполняют две основные коммуникативные функции: идентифицирующую и предикативную.

ЦФ в идентифицирующей функции занимают позицию подлежащего или дополнения. В этом случае они указывают на лицо и его свойства, реже – на предмет. Зачастую в предложении имеется предшествующее упоминание о лице или называются дополнительные признаки в виде различных детерминантов, т. е. определенного артикля или указательного местоимения.

В предикативной функции ЦФ дают оценочную характеристику лицу, предмету или явлению. Нами замечено, что ЦФ, характеризующие предметы менее частотны, чем ЦФ, характеризующие лицо. Особенность семантики ЦФ в предикативной функции заключается в том, что они выражают преимущественно негативную оценку предмета речи.

Временной план функционирования ЦФ неограничен и разнообразен, в большинстве случаев ЦФ в предикативной функции употребляются в настоящем времени, что, в свою очередь, объясняется определенной длительностью и протяженностью во времени ЦФ, характеризующих человека по ряду свойств. В предметных ЦФ в качестве связки выступает, как правило, глагол ser, а также глаголы ponerse, estar, quedarse и т. д., которые выражают отношения между субъектом и предикатом. Глагол ser выражает постоянный признак, глаголы estar и ponerse – временные, непостоянные признаки субъекта. Ряд ЦФ с причастием hecho дает оценочную характеристику состояния субъекта. ЦФ, в которых предикативная часть вводится союзом como, в большинстве случаев выражают преходящее состояние, обусловленное действиями субъекта. Наличие союза усиливает субъективную оценку.

Самой высокой коммуникативной ценностью обладают ЦФ, структурно-семантическая эквивалентность которых в сопоставляемых

языках не совпадает. Именно эти ЦФ представляют особую трудность для понимания иностранцем речи носителя языка, поскольку они отличаются существенными национально-культурными особенностями.

На материале записей разговорной речи носителей пиренейского национального варианта испанского языка нам удалось выделить группы ЦФ, отражающие следующие характеристики.

1. **характеристика действия, состояния**: *ponerle* ***negro*** *a uno – раздражать, злить кого-либо, приводить в бешенство; обижать, унижать кого-либо*; *verse* ***negro*** *para hacer una cosa – делать что-либо с большим трудом, разрываться на части, чтобы сделать что-либо*; *pintar* ***con negros colores*** – букв. *рисовать черным цветом* – используется в значении ‘иметь черную душу’, ‘быть злым’ и др.

2. **характеристика человека**: *viuda* **verde** – букв. *зеленая вдова – молодая вдова*; *viejo* ***verde*** – букв. *зеленый старик – молодящийся старик*; *personaje* ***gris*** – букв. *серый персонаж / личность – заурядный человек*; *príncipe* ***azul*** *(y* ***amarillo****)* – букв. *синий (и желтый) принц – принц на белом коне, мужчина из мечты* и др.

3. **характеристика предмета, понятия или явления**: *dinero* ***negro*** – букв. *черные деньги* – а) *грязные деньги, добытые нечестным трудом*; б) *«черный нал»*; *cabos* ***negros*** – черный цвет волос, бровей и глаз; *años* ***verdes*** – букв. *зеленые годы – молодые годы* и др.

4. **обозначение человека:** *(callar) como* ***negra*** *en baño* – букв. *как негритянка в бане – с надутым видом, насупившись; ellos son* ***blancos*** *y se entienden* – букв. *они белые, они друг друга понимают*, что означает ‘все они одного поля ягоды’, ‘ворон ворону глаз не выклюет’ и др.

5. **обозначение предмета, понятия или явления:** *esa es* ***(la) más negra*** – букв. *эта самая черная – вот незадача! Надо бы хуже, да некуда! Дело обстоит скверно!*; *pasarlas* ***negras*** *– намучиться, натерпеться, хлебнуть горя;* ***blanco*** *de burlas* – мишень для насмешек и др.

6. **компонент названия животных и растений**: *viuda* ***negra*** – паук «черная вдова»; *campanilla* ***blanca*** – букв. белый колокольчик – разновидность дурмана и др.

Приведем примеры. Разговор между друзьями:

– Suele ***ponerle verde*** a su jefe a pesar de que el jefe es el hermano mayor de su padre.

– No sabía que era su tío.

(Запись информантов, Испания)

– Вечно он *ругает* своего шефа, несмотря на то, что он старший брат его отца.

– А я и не знала, что он его дядя.

Из разговора матери с дочерью:

– Madre, ¿los chicos me discriminan porque soy *una mosca* ***blanca***?

– Hija, primero fíjate que no es por lo antipática que eres.

(Запись информантов, Испания)

– Мама, мальчишки дразнят меня потому, что я *не такая как все?*

– Дочка, прежде всего, пойми, это не от того, что ты несимпатичная.

Диалог между сослуживцами:

– Siempre le decía que *el dinero* ***negro*** no le haría rico.

– Eso, sí. Y ahora no tiene ni dinero, ni familia, ni respeto.

(Запись информантов, Испания)

– Я всегда ему говорил, что *утаивание доходов* не сделает его богаче.

– Это да. И теперь у него ни денег, ни семьи, ни уважения.

Диалог между друзьями:

– ¿Qué te pasa? Con ella *has pasado* ***la pena negra***. Búscate otra mujer.

(Запись информантов, Испания)

– Что с тобой? Ты с ней так *намучился*. Найди себе другую женщину.

Следует отметить, что предложенная классификация может быть представлена более подробно. Простое сведение ЦФ в тематические группы в большинстве случаев не позволяет выявить, как и каким образом проявляется национально-культурное своеобразие ЦФ. С этой целью необходимо вскрыть исходную мотивировку или источники возникновения ЦФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

2. *Фирсова Н. М.* Испанская разговорная речь: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Муравей-Гайд, 1999. – 246 с.

3. *Фирсова Н. М.* Испанский язык в аспекте межвариантной национально-культурной специфики: учеб. пособ. – М.: РУДН, 2003. – 132 с.

Романов Ю. В.

Московский государственный

лингвистический университет

Москва, Россия

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ЛЕКСИКИ В РАМКАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТАВРОМАХИЯ»

Как правило, любая лексикографическая работа имеет своей конечной целью создание словаря. Эта цель предполагает решение нескольких задач,

важнейшей из которых является отбор лексики. В данном случае, если мы ставим перед собой цель создания тематического двуязычного словаря, мы должны, пользуясь различными методиками, создать необходимый лексический корпус.

Семантическое поле «тавромахия» включает в себя значительное число лексических единиц испанского языка (лексика и фразеология), связанных между собой неким общим семантическим признаком. Таким признаком следует считать наличие в семантической структуре слова или фразеологизма архисемы «тавромахия», выявляющей непосредственную или опосредованную связь описываемого с помощью данной лексической единицы понятия с корридой, т. е. боем быков. В российской лексикографии до сих пор отсутствуют двуязычные словари «тавромахии», хотя данная область представляет огромный культурологический интерес. Все существующие в этой области словари являются либо толковыми, либо, и чаще всего, энциклопедическими. Среди неспециализированных толковых словарей лексика «тавромахии» наиболее полно представлена в словаре Испанской королевской академии (DRAE), где она отмечена лексико-стилистической пометой *Taurom.* Таким образом, академический словарь, признанный одним из наиболее полных и авторитетных лексикографических изданий, может служить источником отбора данной лексики.

Вместе с тем, работа с текстовым материалом выявляет наличие в испанском языке значительного количества лексических единиц, обладающих таким же семантическим признаком, но не отмеченных соответствующей пометой в академическом словаре. В отдельных случаях даже специализированные словари и энциклопедии не успевают отреагировать на увеличение частотности таких единиц в специальном контексте. Примером может служить слово **apoderado**, которое контекстуально выявляет искомый семантический признак, и, следовательно, проиллюстрированное примерами, может быть включено в

специализированный двуязычный словарь: *el apoderado del diestro = полномочный представитель тореро.*

Основным источником отбора слов и фразеологии в рамках данного семантического поля служат, конечно, специализированные лексикографические издания. К наиболее полным и авторитетным изданиям в этой области относится двухтомный энциклопедический словарь Марселиано Ортиса Бласко “Diccionario enciclopédico de la historia, la técnica y la cultura del arte del toreo” (Madrid 1991). Этот и подобные ему словари позволяют, с одной стороны, выявить лексические единицы, находящиеся в узкой периферийной зоне чисто профессионального узуса и, следовательно, выходящие за рамки литературной нормы. Поэтому данная лексика отсутствует в общеязыковых словарях. С другой стороны, специализированные словари содержат словосочетания, которые в более широком контексте или уже вне этого контекста приобретают специальное (фразеологическое) значение. Например, слово **pañuelo** в сочетании со словами **blanco, encarnado, verde, azul** и в конкретной речевой ситуации приобретает профессиональное значение, точно увязанное с действиями президента корриды. Примером языкового, т. е. внеконтекстуального профессионального значения словосочетания является значение словосочетания **puerta grande** = *главные ворота арены для боя быков*. Данный профессионализм, как и многие другие, давно вышел за рамки семантического поля «тавромахия» и вошел в общенародный язык: **por la puerta grande** = *с триумфом, с великими почестями*.

В этой связи следует задаться вопросом: нужно ли при отборе лексики «тавромахии» включать в словарную статью фразеологизмы, утратившие связь с корридой и используемые в переносном значении, например, такие как *ver los toros desde el andamio = смотреть со стороны, ничем не рискуя*?

Нам кажется, что это следует делать, так как метафорическое значение, и это подтверждается опросом информантов, сохраняет семантическую связь с прямым значением. Такая связь объясняется развитием первоначального значения в сторону его расширения, что происходит со многими лексическими единицами в рамках семантического поля «тавромахия».

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. При отборе лексики в рамках семантического поля «тавромахия» на одном из этапов работы по созданию тематического двуязычного словаря необходим тщательный анализ существующих толковых общеязыковых словарей, а также специализированных лексикографических источников. Дополнительным и часто дополняющим источником искомой лексики служат специализированные тексты, позволяющие выявить, в том числе и с помощью семного анализа, лексические единицы, еще не нашедшие отражения в словарях, а также слова общенародного языка, обнаруживающие в своей семантической структуре контекстуальное профессиональное значение.

Рылов Ю. А.

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

АНТОРОПОНИМИКА: ЛИНГВИСТИКА ПАРАДОКСОВ

Все аспекты онтологии и функционирования антропонимов могут быть описаны в русле лингвистики парадоксов.

Антропонимы – это слова, но в отличие от апеллятивной лексики, их использование регулируется законодательно и поддерживается другими общественными институтами, например, церковью. Русскому ребенку, родившемуся в России, присваивается личное имя, отчество и фамилия. У испанца может быть одно или два личных имени, регистрируемых

официально, и обязательно две фамилии: первая фамилия отца и первая фамилия матери (которые записываются именно в таком порядке).

В антропонимах сочетается, казалось бы, несочетаемое: бюрократическая и магическая значимость. В настоящее время, несмотря на то, что именования человека приобрели колоссальноее юридическое и бюрократическое значение, идеи omen, nomen продолжают волновать человечество. Так, известный русский религиозный философ XX в. П. А. Флоренский считал, что «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 1999: 211]. Современный итальянский исследователь В. Тартамелла связывает фамилию с судьбой ее носителя, утверждая, что фамилия значительно влияет на поведение человека и, как следствие, на его статус в обществе. Указанный автор заявляет о создании новой научной дисциплины – психогномии [psicognomia], которая призвана заниматься влиянием фамилии на нашу интеллектуальную, профессиональную и общественную жизнь [Tartamella: 130 и след.]. В частности, «социологи утверждают, что люди, чья фамилия начинается с буквы первой половины алфавита, гораздо удачливее в жизни. Разгадка проста – самооценка людей, открывающих список в школьном журнале или в институтском перечне студентов, помогает чувствовать себя лучше и «продвинутее» окружающих сверстников. Фамилии пяти самых богатых людей мира – Билл Гейтс, Уоррен Баффет, Ларри Элисон, Карл Альбрехт – подтверждают это правило, как и имена большинства лидеров стран «Большой восьмерки»[1].

Несмотря на психологическую важность антропонимов, у современного человека они занимают периферию языкового сознания. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что дидактические пособия по иностранным языкам практически не дают представления об

[1] [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vz.ru/top.2/

антропонимической системе того или иного языка, а лишь вводят наиболее типичные имена и фамилии. В результате нередки неудачи в практике межкультурной коммуникации. Так, в программе одной научной конференции (по проблемам испанистики!) испанец Антонио Наварро Гарсия был представлен как А. Н. Гарсия, то есть первая (и главная!) фамилия Наварро оказалась скрытой под начальной буквой по образцу русского отчества. Подобные примеры встречаются и в библиографических списках научных трудов.

Еще один парадокс касается количественного соотношения ономастической и апеллятивной лексики: обычный человек знает больше имен собственных, чем нарицательных. Некоторые ученые утверждают, что количество имен собственных в памяти человека на порядок больше, «чем не только имен нарицательных, но и всех остальных слов всех частей речи, вместе взятых» [Лыков, Чабанец: 14]. К сожалению, авторы не излагают методику подобных подсчетов. Следует принять во внимание, что именование одного человека может варьировать в зависимости от ситуации общения и личностей общающихся в весьма значительных пределах: от полного антропонима и его отдельных компонентов до дериватов личного имени, прозвищ или кличек (у некоторых имен, например у русского имени Александр их 126) [Тихонов, Бояринова, Рыжкова: 30]. Очевидно, что каждый индивид встречает, знает и использует в течение своей жизни огромное количество антропонимов, превышающее среднестатистический словарный запас в 2000 единиц. Добавим также, что антропоним любого языка может стать фактом другого языка. Парадокс заключается в том, что, несмотря на преобладание в памяти человека имен собственных, процесс коммуникации и познание окружающего мира осуществляется преимущественно при помощи апеллятивной лексики.

Антропонимические системы европейских народов обладают значительным внешним сходством, проявляющимся в наличии одинаковых элементов: личного имени и наследуемого компонента – фамилии. На этом

сходство заканчивается. Во всем остальном наблюдается больше различий, чем совпадений: каждая антропонимическая система представляет собой уникальное явление во всех его проявлениях. Так, значительная часть испанского и русского именников совпадает, так как принадлежит христианским народам, но место конкретных имен в названных системах различно. Например, испанские имена *Marta, Agata, Tecla* социально нейтральны, в то время как русские имена *Марфа, Агафья, Фекла* традиционно маркируют крестьянское происхождение носительниц имени. В ономастической системе испанского языка имя *María* часто выступает как нулевое имя, так как в составе сложных имен (*advocaciones marianas*), оно обычно опускается в ситуациях повседневного общения. То есть, полное имя женщин, называемых *Dolores, Remedios, Carmen, Pilar* и т. п. в официальных документах выглядит как *María de los Dolores, María de los Remedios, María del Carmen, María del Pilar*.

Проблема перевода антропонимов представляет, как и прочие аспекты их онтологии, лингвистический парадокс. В самом деле, с одной стороны, антропонимы не представляют особой трудности при переводе. При передаче антропонима, например с русского языка на другие языки, переводчик прибегает, как правило, к транслитерации.

С другой стороны, антропонимы – убедительный пример непереводимости. Речь идет, в первую очередь, о деривативных формах личного имени. В самом деле, нетрудно транслитерировать *Аня, Анечка, Аннушка, Анюта, Нюра, Нюрка, Анька*, но как передать модальные оттенки, имплицируемые этими формами, сохраняя этническую идентичность? Так, для русских *Аня* предстает как нейтральное именование, применимое как по отношению к ребенку, так и взрослому; *Анечка* усиливает модальность симпатии; *Аннушка* может относиться только к взрослой женщине, а *Анюта*, напротив, к молодой. *Нюра* – социально сниженный оним, *Нюрка* – то же

самое с деспективным оттенком или нейтральное именование в определенной среде и т. д.

Параллельно с переводимостью антропонимов встает и проблема их семантики, которая тоже заключает в себе парадокс. С одной стороны, антропонимы – «этикетки», лишенные самостоятельного значения, «призванные, вообще говоря, *называть*, но не значить» [Успенский: 337], то есть в антропонимах не содержится характеристика свойств его носителя. Например, имя *Анна* как единица русского ономастикона ничего не говорит ни о физических, ни о духовных качествах человека (исключение составляют прогностические тексты, в которых имя *Анна* трактуется в русле проблематики nomen, omen). С другой стороны, в процессе коммуникации любой антропоним способен обретать коннотации, даже в пределах семейного общения. Например, когда мать говорит: *Анна всегда Анна* или *Не веди себя как Анна*, все понимают, что речь идет об определенных качествах *Анны*, которая, например, рассеянна или неряшлива.

Наиболее коннотативны дериваты личных имен, выражающие различные модальные оттенки межличностных отношений – от обозначения симпатии, дружеского участия до оценки внешних данных (небольшого роста), низкого социального статуса (если носителями диминутивов являются взрослые люди) или иронии. Ср.: *José – Pepe – Josechu – Pepín – Pepito – Pepón – Pepote.*

Ярчайший парадокс являют прецедентные онимы, например, имена библейских персонажей, христианских святых, литературных героев, исторических деятелей и т. д. Прецедентные имена часто переходят в категорию нарицательных и, казалось бы, объективно должны иметь сходные коннотации в разных языках, которые выводятся из прецедентного текста, но в действительности часто происходит обратное. Например, библейское имя *Адам* имеет разные значения и ассоциативные связи в испанском и русском языках. Испанские выражения *parecer un Adán; hombre, estás hecho un Adán*

используются для обозначения оборванного, грязного, неопрятного человека. Ср.: Y después de todo, estas cosas te ocurren por *ser un Adán*, porque si tú vienes vestido como Dios manda… (Delibes). Между тем в русском языковом сознании Адам – ‘физически совершенный образец мужчины’. Ср. у В. Хлебникова: «Страна, где все люди *Адамы*». В самарском и московском говорах *адам* – ‘человек огромного роста’. В испанском языке, как видим, актуализируется результат изгнания из рая, а в русском – образы православной иконографии.

Имена одного из самых известных произведений мировой литературы «Дон Кихота Ламанчского» тоже стали нарицательными, но их значения разные в различных языках. Так, испанская фраза *se porta como un Quijote* ‘ведет себя как дон Кихот’ имеет значение ‘ведет себя как дурак, вмешивается в чужие дела’, в то время как соответствующая русская фраза означает ‘ведет себя бескорыстно, благородно’. Имя оруженосца дон Кихота *Санчо Пансы* в эпоху Сервантеса воспринималось как оксюморон, «говорящий» оним, состоящий из компонентов ‘святой’ + ‘брюхо’, поскольку еще не была утрачена внутренняя форма имени *Sancho* < лат. *sanctus (sancio).* В настоящее время основное значение онима *Sancho Panza* – ‘практичный человек без идеалов’; в русском же языке *Санчо Панса* как имя нарицательное означает ‘неразлучный друг’; ‘лицо, постоянно находящееся рядом’; ‘слуга’: «Начал его (роман – Е. О.) через несколько дней после высылки, в ноябре 1980-го, то есть именно в тот момент, а может быть, и в тот день и час, когда Брежнев со своим верным *санчо пансой* Георгадзе, кряхтя, покарали меня лишением гражданства, и окончил в декабре 1983-го» [Отин: 305]. Обозначением же «неразлучного друга» стал в испанском языке другой «персонаж» романа – ослик Санчо Пансы: Allá va *Sancho con su Rocín* – говорится о неразлучных друзьях. Расхождения в семантике указанных слов – результат национального «прочтения» соответствующих образов.

Фамилии исторических личностей тоже способны переходить в разряд нарицательных и вызывать различные ассоциации в разных культурах.

Например, династическая фамилия *Бурбон* в русском языке означает ‘солдафон, самодур’, в итальянском *Borbon* – ‘ретроград’, а производное существительное borbonismo в политическом языке служит для обозначения реакционных методов в политике и менталитете, что является отражением характера правления Бурбонов в неаполитанском королевстве. В испанском языке оним *Borbón* не имеет отрицательных коннотаций, хотя и используется применительно к человеку, умеющему ловко устраивать свои дела, что, по мнению журналиста Х. Кобо, в полной мере относится к нынешнему испанскому королю [Литературная газета 29. 01. 1997].

Еще одно свойство антропонимов, отличающее их от апеллятивной лексики, проявляется в сфере деривации. Наиболее распространенные модели образования гипокористических форм имени – усечение (апокопа) и супплетивизм. Ср.: *Rafa, Remi, Angi, etc.; Pepe < José, Paco < Francisco, Lola < Dolores, Menchu < Carmen* и т. п. Эти способы имеют ограниченные возможности при образовании нарицательных существительных.

Иной характер имеют и отношения синонимии. Так, один и тот же денотат – человек с полным антропонимом *Juan Carlos García Escobar* – в различных ситуациях общения и в различные периоды своей жизни может быть обозначен как *Juan Carlos, Juanco, Juan, Juanito, Carlos, García, Juan Carlos García, García Escobar, don Juan Carlos, el señor García, el señor don Juan Carlos García Escobar, nuestro vecino, mi hijo, mi marido* и т. п.

Имена и фамилии становятся «невещественной памятью» этноса, когда исчезли его основополагающие признаки – язык, расовые характеристики, как в случае потомков русских переселенцев на Аляске, где в деревнях, «расположенных вдоль побережья, русские имена и фамилии вполне обычны: Ефим Кожевников, Матвей Степанов, Герасим Дементьев, Елизавета Данилова. По облику они все алеуты и эскимосы, но с примесью русской крови. Россияне, прибывшие сюда, брали в жены аборигенок» (В. Песков. Аляска больше, чем вы думаете). Важную роль в сохранении

русского именника на Аляске играет православная церковь. Во многом сходная ситуация наблюдается с испанской антропонимией на Филиппинах.

Наконец, антропонимы, будучи словами, «ведут себя» как биологические сущности. Так, фамилия, передаваясь из поколения в поколение по отцовской линии, ведет себя как генетический признак, контролируемый хромосомой *У*, то есть половой хромосомой, которая, будучи соединенной с хромосомой *Х* в ядре любой нашей клетки, отличает мужской пол от женского (у которого пара половых хромосом представлена в виде *ХХ*). Как видим, испанская фамилия повторяет структуру мужской хромосомы. Законы, регулирующие функционирование фамилий, идентичны тем, которые регулируют распределение генов, контролируемых хромосомой *У*. В частности, фамилия, как и мужская хромосома, подвержена действию закона «естественного отбора» – в случаях бесплодия, наличия в семье только дочерей и т. п. (La Stampa 4.11.1987).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лыков А. Г., Чабанец Т. А.* Русское личное имя собственное // Филологические науки, № 1, 1999.

2. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 412 с.

3. *Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г.* Словарь русских личных имен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.

4. *Успенский Б. А.* Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Унбегаун Б. О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1995. – 448 с.

5. *Флоренский П. А.* Имена. Метафизика имен в историческом освещении // Сочинения: в 4 т. Т. 3 (2). – М.: Мысль, 1999. – С. 474–481.

6. *Tartamella V.* Nel cognome del popolo italiano. Viennepierre, 1995.

Семенова М. Б.

Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СТЕРЕОТИПЕ В ИСПАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В испанской фразеологии представлено достаточно большое количество фразеологических единиц, в которых зафиксированы устойчивые суждения о представителях других национальностей и культур, например: арабах – haber moros en la costa, татарах – ser un cuento tártaro, казаках – beber / fumar como un cosaco, индейцах – engañar como a un indio и т. д.

Такие единицы основываются на стереотипах, по определению О. А. Леонтович, «упрощенных ментальных репрезентациях различных категорий людей, преувеличивающих моменты сходства между ними и игнорирующих различия» [Леонтович 2005: 236]. Авторство в создании стереотипов принадлежит не отдельному человеку, а той культуре, к которой он принадлежит. Получая информацию из внешнего мира, люди склонны отдавать предпочтение именно тем фактам, которые отвечают их внутренней логике, подтверждают существующее в обществе мнение и соответствуют шкале ценностей и приоритетов.

Определение стереотипа было сформулировано в 1922 г. известным американским журналистом и публицистом Уолтером Липпманном. Полученная учеными-социологами общая теоретическая база стала использоваться применительно к различным странам и культурам, а также начала рассматриваться в рамках других наук, в частности, лингвистики. Стоит отметить, что всеми исследователями выделялся ряд функций стереотипов, таких например, как *познавательная*, заключающаяся в

экономии усилий в процессе познания мира, и *интегративная*, направленная на защиту широко понимаемой общественной позиции.

Язык играет ведущую роль в создании стереотипов. Как указывает польский лингвист Е. Бартминьский, «стереотип – и здесь господствует почти полное согласие – неотделим от языка...» [Бартминьский 2005: 191]. Постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводит к тому, что они начинают восприниматься автоматически.

Изучение стереотипов на материале фразеологии позволяет исследовать стереотип в его наиболее устойчивой форме. Кроме того, будучи частью фразеологического фонда языка и воплощением культуры народа, эти представления передаются из поколения в поколение, сохраняясь в коллективной памяти народа. Таким образом, существенно возрастает потенциал воздействия стереотипного суждения, так как, став основой фразеологической единицы типа *los catalanes de las piedras sacan panes, beber como un cosaco, hacerse el sueco, hacer una gitanada / judiada* и т. п., оно приобретает свойственную фразеологизмам устойчивость и воспроизводимость.

Стереотипия неотделима от естественного языка и неразрывно связана с субъективной категоризацией явлений. Несмотря на склонность некоторых исследователей давать отрицательную характеристику стереотипам, следует констатировать, что языковые стереотипы существенно облегчают процесс категоризации окружающего мира. В рамках межкультурной коммуникации можно утверждать, что практически все фразеологизмы, построенные на этнических стереотипах, имеют отрицательную коннотацию. Однажды сформировавшись, такие единицы приобретают высокую степень устойчивости, с трудом поддаются модификации и становятся своего рода «кривым зеркалом», в котором в размытом или искаженном виде отражаются представители различных групп. Изучение подобных единиц показывает, насколько мощным потенциалом воздействия обладает язык, не только

отражающий окружающий мир, но и оказывающий несомненное воздействие на жизненную философию его носителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с польского. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.

2. *Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.:Гнозис, 2005. – 352 с.

Смирнова И. В.

Московский государственный университет международных отношений (МГИМО)У

Москва, Россия

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Анализ системы форм прошедшего времени испанского языка целесообразно проводить под углом зрения системно-функционального подхода. Этот подход предполагает изучение грамматических явлений с точки зрения их функционирования в речи.

Одно из важнейших грамматических расхождений между испанским и русским языками – различная номенклатура глагольных времен. Если в русском языке существует одно глагольное прошедшее время, с наличием двух морфологических форм (совершенный вид и несовершенный вид), то в испанском языке традиционно выделяют, по меньшей мере, 8 форм прошедшего времени: Pretérito Perfecto, Pretérito Simple, Pretérito Imperfecto, Pretérito Pluscuamperfecto, Pretérito Anterior и 3 прошедших времени в системе Subjuntivo.

Каждая временна́я форма занимает в системе прошедших времен свое определенное место. Она обладает грамматическим значением прошедшего времени, присущим данной конкретной форме и стоит в оппозиции ко всем остальным и каждой отдельно взятой форме.

Так же как и формы русского глагола, временные формы испанского индикатива имеют вторичное (видовое) значение. Однако в испанском языке грамматически противопоставлены перфективный и имперфективный аспекты. Перфективным действием в испанском языке является действие, ограниченное во времени, причем невсегда это действие достигает своего внутреннего предела (Discutieron el problema largo rato). Имперфективное действие не ограничено во времени и протекает в процессе развития (Pablo contaba los días que faltaban para regresar al colegio).

Проблема наличия / отсутствия вида в испанском языке решается неоднозначно. Многие испанские ученые (С. Хили и Гайя, М. Криадо де Валь и др.) выделяют в этой категории оппозицию простых и сложных временных форм. Такая оппозиция трактуется ими как aspecto perfectivo / aspecto imperfectivo. К aspecto perfectivo они относят все сложные временные формы, включая Pretérito Simple, а к aspecto imperfectivo – все простые временные формы, кроме Pretérito Simple. Другой испанский ученый, Э. Аларкос Льорак, также выделяет оппозицию простых и сложных времен и говорит об их видовом различии (aspecto sintagmático). Но Э. Аларкос Льорак отдельно выстраивает оппозицию Pretérito Simple / Pretérito Imperfecto и усматривает в оппозиции canté / cantaba не временно́е, а видовое различие (aspecto flexional) [Alarcos Llorach 2002].

Испанское Pretérito Imperfecto обозначает действие в процессе его развития, без указания на временной период его реализации. Поэтому не случайно испанскому Pretérito Imperfecto всегда соответствует русский несовершенный вид.

Перфективным действием в испанском языке считается действие, в котором указывается его начало, конец или лимитированный во времени период его реализации. При этом перфективное действие в испанском языке может совпадать с русским совершенным видом, с формой русского совершенного вида без достижения цели и с русским несовершенным видом. Перфективное значение может быть передано Pretérito Simple, часто его видовое значение соответствует совершенному виду в русском языке.

Pretérito Simple часто совпадает с формой русского совершенного вида без достижения цели. Однако Pretérito Simple нельзя считать формой, полностью соответствующей русской форме совершенного вида. Очень часто действия, выраженные Pretérito Simple, переводятся на русский язык формой несовершенного вида.

Суть перфективного вида в испанском языке заключается в следующем: ограниченность действия во времени; при этом период времени может быть длительным и моментальным. Действие, выраженное Pretérito Simple, может обозначать:

1) начало действия;
2) конец действия;
3) действие моментального характера;
4) длительное действие, ограниченное во времени;
5) неоднократно повторявшееся действие в прошлом, которое воспринимается как его конечный результат.

Вышеописанные оттенки перфективного вида несут в себе также следующие прошедшие времена: Pretérito Perfecto, Pretérito Pluscuamperfecto, Pretérito Anterior.

Говоря о других отличиях временных систем испанского и русского языков, следует отметить, что в испанском языке традиционно выделяют

абсолютные и относительные времена, в то время как в русском языке относительных времен нет. Абсолютными считаются те времена, которые соотносятся непосредственно с моментом речи. Среди прошедших времен в эту категорию входят Pretérito Perfecto, Pretérito Simple. Категорию относительных времен составляют те времена, которые соотносятся с моментом речи косвенно; непосредственное соотношение проявляется с другим прошлым или будущим действием или моментом. Относительными можно считать следующие прошедшие времена: Pretérito Imperfecto, Pretérito Pluscuamperfecto, Pretérito Anterior, Potencial Simple.

Абсолютные времена могут также употребляться как относительные, т. е. косвенно соотноситься с моментом речи посредством другого действия, выраженного будущим или прошедшим временем. Так, являясь абсолютным временем, Pretérito Simple может употребляться в функции относительного, когда заменяет Pretérito Anterior или Pretérito Pluscuamperfecto. Например: Apenas pudo hablar, dijo que había perdido el camino. В результате их транспозиции возникает вторичное временное значение.

Pretérito Imperfecto может быть абсолютным временем, если выражает: а) прошлое длительное действие, которое было свойственно чему-либо или кому-либо; б) привычное, регулярно выполняемое действие в прошлом.

Временная корреляция в испанском языке, в отличие от русского, четко проявляется в согласовании времен, т. е. в употреблении временных форм в придаточных предложениях в зависимости от времени глагола главного предложения или в зависимости от контекста.

Об отсутствии непосредственной связи языка и действительности свидетельствует факт различного выражения одного и того же реального явления в разных языках. Например, в русском языке, в отличие от испанского, мы не обязаны каждый раз решать, соотносим ли мы процесс, о котором говорим, с каким-либо другим процессом или действием. По-русски

мы говорим: «*я пошел*», «*я увидел*», «*я сказал*» и совершенно не думаем о соотношении этого действия с другими, подобно тому, как это происходит в испанской временной модели: *fui* или *he (había) ido*; *vi* или *he (había) visto; dije* или *he (había) dicho*.

Само грамматическое явление согласования времен в испанском языке – это отражение испанской национально-языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Esbozo* de una nueva gramática de la lengua española / Real Academia Española. Madrid: Espasa-Calpe, 2005.

2. *Alarcos Llorach E.* Gramática de la lengua española. – Madrid: Espasa-Calpe, 2002.

3. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

4. *Ждан А. Н., Тохлернер М. М.* Психологические механизмы усвоения грамматики родного и иностранного языков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 256 с.

5. *Попова Н. И.* Практическая грамматика испанского языка. – М.: Просвещение, 2000. – 496 с.

6. *Фирсова Н. М.* Грамматическая стилистика современного испанского языка. – М.: Высшая школа, 2005. – 352 с.

Соловьева Н. И.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОР ЯЗЫКА ТАВРОМАХИИ

(на материале пиринейского национального варианта испанского языка)

Взаимодействие языка, культуры и сознания занимает в настоящее время одно из центральных мест в филологических исследованиях. Актуальность и ценность лингвокультурологического анализа соответствует антропоцентризму современной лингвистики. В последние десятилетия центр тяжести в изучении метафоры переместился из риторики и стилистики в изучение метафоризации в практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам. «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания национально-специфического видения мира» [Арутюнова 1990: 5].

Предметом данной статьи является испанская национальная традиция – бой быков (la corrida de toros), объектом – лигвокультурный контекст корриды, в рамках которого формируется эротическая метафора. Материалом исследования послужили лексикографические источники: толковые и двуязычные словари, словари терминов тавромахии, словари пословиц и поговорок испанского языка. Также были использованы различные дискурсы и тексты (сборники фольклорных текстов, художественная литература, СМИ, интернет, опросы автором информантов).

Тавромахия, то есть искусство боя быков, является неотъемлемой частью испанской культуры. Коррида имеет глубокие исторические корни, является специфически испанским и чрезвычайно многоплановым явлением, которое пронизывает национальное сознание испанцев, присутствует во всех проявлениях их жизни, что, в свою очередь, находит отражение в языке.

Можно выделить несколько направлений в изучении тавромахии: а) культурологическое: Ортега и Гассет, Мигель де Унамуно, Альварес де Миранда, Андрес Аморос и др.; б) энциклопедическое: Х. М. де Коссио; в) лексикографическое: словарь терминов корриды А. Гаргантильи, Л. Ньето и др.; г) лингвистическое: Х. К. де Торрес Мартинес. Самым фундаментальным исследованием, посвященным тавромахии, является

многотомный труд Х. М. де Коссио «Быки, исторический и технический трактат» [Cossío 1973], представляющий собой энциклопедию, где детально описана эволюция тавромахии во времени и пространстве.

Однако, термины корриды выходят далеко за рамки профессионального употребления, они метафоризируются, проникают в повседневный язык, обогащая его. Помимо лексикографических источников, их можно встретить в фольклоре, в прессе, в кино и на телевидении, в художественной литературе и в поэзии, даже когда темы произведений весьма далеки от корриды. Э. Тьерно Гальван писал, что ничего лучше не может объяснить важность корриды, чем совокупность смыслов, которые в качестве метафор вошли в обыденную речь [Tierno Galván 1989: 24].

Во всем Средиземноморье, включая современную территорию Испании, с глубокой древности образ быка был широко представлен как в письменных памятниках, так и в иконографии, в самых разных своих ипостасях: это и объект охоты, и тотемное животное, символ плодородия и символ мужского начала, а в некоторых источниках и женского начала [Cirlot 1981: 81]. Коррида, по мнению Анхеля Альвареса де Миранда, восходит к древнейшему свадебному обряду, во время которого проводились игры с быком, и бык, как сакральный символ репродуктивной потенции, приносился в жертву, передавая таким образом свою силу человеку [Alvarez de Miranda 1962: 152]. Для древних земледельцев и скотоводов это была схватка равных соперников, двух самцов, и тот, кто выигрывал этот бой, получал право продолжать род. Язык тавромахии дает возможность экспрессивно иллюстрировать отношения мужчины и женщины; предлагает метафоры, которые стойко вошли в язык и умело используются даже теми, кто не посещает корриду, поскольку для испанца четко просматривается метафора в оппозиции: тореро (мужчина) – бык (женщина). Тьерно Гальван указывает на то, что испанец видит в завоевании женщины аналогию с победой над быком, потому что «воспринимает женщину как мятежное

существо, которое нужно усмирять теми же способами, что и быка во время корриды» [Tierno Galván 1989: 34]. Попытка со стороны мужчины добиться благосклонности любимой женщины, а также совместная жизнь супругов может быть охарактеризована как *lidia* ‘бой’, *brega* ‘схватка’.

Коррида проводится в три этапа и кульминацией боя является третий этап, когда матадор, исполнив ряд обязательных фигур, должен убить быка при помощи шпаги – *espada* или *estoque*. Искусный матадор убивает быка с первого раза наповал, вонзив шпагу по самую рукоятку. Эротический смысл таких выражений как *hasta la empuñadura, hasta la bola, hasta la cruz* ‘по рукоятку’ очевиден в соответствующем контексте, в котором *espada* – это метафора мужского достоинства. Фразеологизм *pinchar en hueso* описывает ситуацию, когда тореро не удается попасть шпагой в верхнюю часть спины между лопаток и он попадает в кость. Эта ФЕ широко используется вне контекста тавромахии в значении ‘столкнуться с трудностями’. Ее же испанцы употребят в значении ‘неудач в постели’. А когда мужчина хочет похвастаться своими успехами, то он скажет *salí por la puerta grande* ‘вышел через главные ворота’, или *corté oreja y el rabo* ‘отрезал ухо и хвост’, что означает, что коррида была проведена удачно и тореро получил трофеи.

В связи с тем, что испанцы отождествляют женщину с быком, вполне логичными видятся и аналогии в описании внешности женщины как быка: *tiene buen trapío* ‘у нее хорошая стать’, что является комплиментом женщине. Для описания женской груди типична метафора «рога быка» – *astas, pitones, velas*: *los tiene bien puestos* ‘они у нее на месте’. Полная женщина – это *enmorillada* (morilla – это ‘загривок у быка’); *de mucha romana* – это крупная женщина, женщина «в теле». Самая высшая похвала – это *señora de bandera*, так же как и лучшего быка называют *toro de bandera* ‘бык-знаменосец’.

Также прослеживаются аналогии в поведении женщины и в поведении быка на арене. Надменность женщины закреплена в фразеологизме *se*

encampanó ‘она задрала голову’. Если женщина общительна и достойно себя ведет, то она характеризуется как *muy pastueña* ‘очень благородна’; *se deja torear* ‘позволяет с собой играть’, *embiste con clase* ‘нападает достойно’. В случае, когда требуются немалые усилия со стороны мужчины, чтобы добиться женщины – *tiene mucho que torear* ‘с ней приходится много биться’.

Бык является древним символом плодородия, сексуальной потенции. Для древних испанцев рог быка – это фаллический символ связи с идеей насилия и ранения. Поэтому фраза *¡Vete al cuerno!* является сильной сексуальной инвективой.

Обратная оппозиция – *женщина-тореро / мужчина-бык* – возникает, когда речь идет о том, что женщина бросает мужчину, изменяет ему. В обыденном, повседневном дискурсе применима фраза *le pone cuernos* ‘наставляет ему рога’, а мужчина становится *cornudo* ‘рогатый’. Метафорическое перевоплощение боя быков в эротические отношения между мужчиной и женщиной также находят свое отражение и в художественном дискурсе. На примере поэзии Мигеля Эрнандеса мы видим, что оппозиция *женщина-тореро / мужчина-бык* приобретает романтический характер, когда одинокий и покинутый герой сравнивает себя с быком на арене.

...Como el toro,me crezco en el castigo

La lengua en corazón tengo bañada

Y llevo al cuello un vendaval sonoro

Como el toro te sigo y te persigo,

Y dejas mi deseo en una espada,

Como el toro burlado, como el toro.

[Hernández 1990: 222]

Таким образом термины и фразеологизмы тавромахии, приобретают сильную экспрессивно-эмоциональную окраску, становятся эротическими метафорами, которые широко используются в самых различных видах дискурсов и текстов, придавая национальный колорит современной испанской речи. Именно лингвокультурный контекст дает возможность реконструировать соответствующий фрагмент испанской национальной языковой картины мира и проследить когнитивные механизмы его формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.

2. *Alvarez de Miranda A.* Ritos y juegos del toro. – Madrid: Taurus, 1962.

3. *Cirlot J. E.* Diccionario de símbolos. – 4a ed., – Barcelona: Labor, 1981.

4. *Cossío J. M. de.* Los toros. Tratado técnico e histórico. – Tomo II. – Madrid: Espasa Calpe, 1973.

5. *González Troyano A.* El torero, héroe literario. – Madrid: Espasa Calpe, 1988.

6. *Hernández M.* Obra completa. – Madrid: Espasa Calpe, 1990.

7. *Nieto L.* Diccionario ilustrado de términos taurinos. – Madrid: Espasa Calpe, 1987.

8. *Tierno Galván E.* Los toros, acontecimiento nacional. – Madrid: Turner, 1989.

Сударь Г. С. *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
Москва, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ИСПАНИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Под топонимическим пластом понимается совокупность географических названий, появившихся в определенный исторический период. Данный термин традиционно используется в отечественной топонимике, в то время как в зарубежных работах принят термин «страт».

Для того, чтобы выявить лингвокультурологическую природу испанских топонимов, необходимо обратиться к сложной и богатой истории Испании. Территория Пиренейского полуострова осваивалась человеком с древних времен. Считается, что необходимость называть окружающий мир проявляется у человека уже на ранних стадиях развития общества.

Топонимические пласты – категория историческая, а значит изменяющаяся. Причиной изменений обычно бывают миграционные процессы. Как известно, в процессе исторического развития последующая топонимическая волна накрывает предыдущую, в результате чего образуются исторические пласты топонимии. Но как бы не менялся топонимический ландшафт, наряду с новыми всегда сохраняются названия предыдущих эпох. Иногда старые топонимические пласты могут сохраняться лучше более поздних и быть представлены в современной топонимике.

Поскольку названия географических объектов складывались веками, на карте любого государства неизбежно присутствуют названия, созданные в разные эпохи, в разных языках и связанные с самыми разнообразными сферами человеческой деятельности. «Сохранение старых названий на какой-либо территории возможно только при условии, если старое население целиком или в значительной части остается на своей территории, сохраняя

тем самым преемственность в передаче топонимики, хотя бы оно само (население) и претерпело полную этнографическую трансформацию, в том числе полную смену языка» [Дульзон 1950: 176]. История топонимики Испании полностью соответствует этой концепции. На территории Пиренейского полуострова, в хронологическом порядке, можно выделить следующие топонимические пласты: *иберийский, кельтский, древнеримский, германский, арабский, кастильский*.

1. Иберийский пласт. Очень трудно в настоящее время восстановить языковую ситуацию на Иберийском полуострове того периода. Наиболее ранние сведения о народах, населявших эти территории, связаны с первыми колонистами, начавшими активное заселение Средиземноморского побережья. В греческих источниках мы находим географические названия, которые не стерлись в памяти последующих народов, а легли в основу ныне существующих топонимов. Так, испанское название Пиренейского полуострова *Península Ibérica* восходит к греческому названию одной из 5 греческих провинций на территории полуострова *Иберия*. Это наименование В. Ф. Шишмарев сравнивал с родо-племенными аналогичными романскими названиями *Alemania, Gallia,* которые происходят от названий германских племен. Подтверждением этой гипотезы служат многочисленные топонимы со схожими топоосновами: *Iber, Ibero, Iberoburu, Iberoaga, Ibros, Ibedo* и др.[1] Следует особо упомянуть название основной реки, протекающей на северо-востоке страны, именно в этой области греческой колонии сохраняется до сих пор почти в неизмененной форме древний топоним *Ebro>Ibero*. Исходя из этого предположения, автохтонные народы полуострова называют иберами. Современные ученые-баскологи утверждают, что предки басков расселялись когда-то по всему полуострову, и их посыл о родственной связи баскского языка с языком автохтонных народов полуострова подтверждается многочисленными исследованиями. Еще Менендес Пидаль не раз указывал

[1] Примеры взяты из: [García Berlanga1980].

на единые топоосновы географических названий объектов, расположенных далеко друг от друга и от нынешних мест проживания басков. Однако все еще остается загадкой природа происхождения баскского языка. Баскский язык в современном мире – явление уникальное, он сам по себе уже является историческим памятником, так как хранит в своей лексике и грамматическом строе праязык, которому, по мнению специалистов, не менее 5000 лет.

Особую ценность в раскрытии этой тайны представляют топонимические исследования ареала расселения басков. Ученым уже удалось определить и расшифровать некоторые топоосновы, восходящие к иберийскому пласту: *ili, berri, eche, nava, bil, gorri, arra* и др. Например, древнейшее название города Гранада *Iliberri*, состоит из двух элементов, которые переводятся как *ili* ‘город’ и *berri* ‘новый’. Как известно, Гранада находится на юге, но с похожими названиями можно встретить объекты в любой провинции Испании: *Iriberri, Uliberri, Montiberri, Ilipula, Iliturgi*. Элемент *gorri* также часто присутствует в составных иберийских топонимах, обозначает он красный цвет: *Monte Gorri, Bigorri, Baigorri* и др. Расшифровывать древние географические названия помогают и более поздние топонимические пласты. Например, в Каталонии протекает река *Llobregat*, название которой восходит к латинскому *Rubricatum* ‘Красная река’; очевидно исходный иберийский гидроним был заменен латинской калькой. Этот факт указывает на то, что в период переименования иберийские апеллятивы еще сохраняли свое лексическое значение. При длительном билингвизме названия этого пласта, конечно, претерпевали изменения, при этом народы-завоеватели, создавая новые топонимы, часто сопровождали географический термин, представленный на своем языке, словом непонятным, иностранным, местным названием, которое превращалось в «чистое» имя собственное. Таким образом, на современной карте Испании смогли сохраниться уникальные культурные памятники в виде иберийских географических названий.

2. Кельтский пласт. Древние греки уже знали эту народность и отличали кельтов от иберов. Центральная провинция греческой колонии носила также родовое название этих племен – Кельтика. Последние археологические и лингвистические исследования позволяют с достаточной точностью определить места расселения кельтов. Появление кельтских племен на полуострове связывают с использованием металла как орудия труда, с новой культурой погребения и новой традицией поселений. Кельтский язык почти не оставил следов на карте Испании. Он служил языком общения с местными племенами, принадлежал к индоевропейской группе и стоял на более низкой ступени развития, нежели иберийский язык. Поэтому какие-либо сведения о кельтской культуре дошли до нас через иберийскую письменность, которой они пользовались. В исторических документах ученым удалось расшифровать графическое обозначение кельтского поселения, укрепления и слова *briga* / *brigula*, которые В. Ф. Шишмарев относит к кельтизмам, свойственным только Пиренейскому полуострову. Некоторые древние испанские города и даже современные небольшие поселения относятся к этому топонимическому пласту: *Deobriga, Deobrigula, Alpuérega, Miróbriga* (совр. *Ciudad Rodrigo*), *Nemetóbriga* (совр. *Puebla de Trives*), *Coníbriga* (совр. *Coimbra*) и др. Этимологические исследования Р. Менендеса Пидаля, касающиеся наименования столицы Испании *Madrid,* приводят к заключению о кельтском происхождении этого топонима. Данный топонимический пласт пока еще мало изучен, так как представляет особую трудность выделение топоосновы и определение ее кельтских корней. Для исследований обычно привлекается топонимия других стран, где расселялись кельты. В результате ученые обнаружили кельтскую топонимическую модель, коренным образом отличающуюся от топонимической модели иберийского пласта. Если в письменных памятниках сохранилось мало кельтизмов, то совершенно неоспоримым является влияние кельтиберского субстрата на фонетический строй языков последующих завоевателей полуострова. Произношение, тональность, ритм

речи выходцев из Римской Испании выдавал их провинциальное происхождение.

3. Древнеримский пласт. Современное название страны *España* восходит к римскому названию завоеванной территории на Пиренейском полуострове: *Hispania / Spania*. По мнению В. Ф. Шишмарева римляне использовали топоним более древнего происхождения. Он предполагает, что существует связь между иберийским названием современного города Севилья *Hispalis* и названием страны. С самого начала новые завоеватели развернули активное освоение новых территорий, масштабное строительство дорог, городов, крепостей, романизацию и в дальнейшем христианизацию местного населения. Об этом историческом периоде сохранилось много документов, поэтому топонимисты безошибочно называют географические наименования, относящиеся к этому периоду. Помимо испанского языка, который естественным образом сохранил древнеримские топонимы, следует отметить удивительную культурную традицию испанского народа увековечивать в микротопонимах – названиях жителей городов – исторические наименования, которые исчезали с последующим переименованием городов. Так, жители города *Badajoz* именуют себя *pacense* от латинского названия города *Paz Julia*; среди жителей города *Zaragoza* бытует название *cesaraugustanos* в память о процветающей военной колонии под названием *Caesaraugusta* и т. д. Изучение топонимической модели данного периода позволяет выделить множество апеллятивов, обозначающих тип географического объекта, а также их дериватов, образованных при помощи разнообразных суффиксов, что указывает на развитую систему латинского языка по сравнению с предыдущими периодами.

4. Арабский пласт. Из оставшихся топонимических пластов выделим арабский как наиболее яркий и по значению и по длительности завоевания Пиренейского полуострова. Благодаря разумной культурной политике новые власти добились того, что покоренные народы добровольно выучили

арабский язык, который получил широкое распространение и в повседневной жизни и в официальном и деловом общении. Как известно, арабская Испания оставила в кастильском языке множество арабских слов из самых разнообразных областей деятельности, что наглядно подтверждает широкие контакты двух культур. Заимствованных слов и топонимов арабского происхождения в испанском языке насчитывается более 4000 единиц. В силу того, что политическая и экономическая жизнь новых завоевателей Пиренейского полуострова была сосредоточена на юге *Al-Andalus*, топонимические названия этого пласта в основном сохранились в южных провинциях Испании. Проведенный анализ топонимов, появившихся в данный исторический период, позволяет выделить три основные группы: 1) названия, образованные от арабских антропонимов: *Gibraltar, Benidorm*, *Zaidín*; 2) названия, образованные от арабских слов-апеллятивов: *Medinaceli, Almería, Guadalquivir;* 3) названия-описания топографических особенностей географического объекта: *Algeciras, Alfambra, Azuarra*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дульзон А. П.* Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап.ТГПИ. – Т. 6. –Томск: Изд-во ТГПИ, 1950. – 175–186.

2. *García Berlanga F.* Cinco mil años de Euskera. – Bilbao, 1980.

Сулимова Н. Г.

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

РОЛЬ РОССИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ УЧЕНЫХ В СОЗДАНИИ ПЕРВЫХ КАТАЛОГОВ ЯЗЫКОВ МИРА

В XVI–XVIII вв. в Европе идет работа по выявлению, описанию, изучению и классификации языков народов мира. В этот период происходит бурное накопление эмпирических знаний о языках разных стран света. Возникает необходимость не только их описать, но также решить вопросы о различиях в их строении, об отношениях между ними, о принципах их классификации. К XVI в. относятся первые попытки представить обзор всех известных к тому времени языков.

Составляются каталоги языков и многоязычные словари. Первыми в их числе оказываются «Митридат» К. Геснера (1555) и «Образчики сорока языков» (1592) Иеронимуса Мегизера.

В 1599 г. Иосиф Юстус Скалигер в трактате «Рассуждение о языках европейцев» возводит все европейские языки к 11 основным языкам (ветвям), связи внутри которых опираются, по его мнению, на тождество слов. Готфрид Вильгельм Лейбниц в ряде сочинений, в частности, в работе «Новые опыты о человеческом разуме» (написанной в 1704 г. и опубликованной в 1765 г.) выдвигает задачу сравнения всех языков мира. Он придает большое значение работе по сбору глоссариев и созданию грамматических описаний.

В России еще при Петре I начинаются первые попытки сбора лингвистического материала. Такие работы производили: Бодан, посланный в Казань и Астрахань, Шобер, посланный на Кавказ (1717), и Мессершмидт, натуралист и ориенталист, отправленный в 1721 г. в Сибирь. Работы их остались, однако, в рукописях.

Во второй половине XVIII в. при содействии Екатерины II были подготовлены списки слов и инструкции, которые были разосланы в административные центры Сибири работавшим там членам Академии, а также в различные страны, где Россия имела свои представительства, для сбора к данным спискам слов соответствующих эквивалентов из местных языков и наречий. В частности, в Китай, Бразилию, Северную Америку, где президент Джордж Вашингтон поручил губернаторам собирать материалы для ученых занятий русской императрицы.

Библиотекарь С.-Петербургской Академии наук Г. Л. Хр. Бакмейстер собрал массу материалов для сравнительного словаря всех языков земного шара. Эти материалы легли в основание словаря, изданного Екатериной II. Императрица, как она писала 9 мая 1785 г., «составила реестр от двух до трех сот коренных русских слов, которые велела перевести на столько языков и наречий, сколько могла их найти: их уже более двух сот». Помощником Екатерины в этом труде был также берлинский ученый Фридрих Николаи, составивший для нее (1785) общее обозрение всех языков мира (хранящееся в рукописи в библиотеке Государственного Эрмитажа). Дальнейшее ведение дела было поручено Петру Палласу.

Петр Симон Паллас (Pallas) – естествоиспытатель, географ и путешественник, член Петербургской Академии наук (1767). Учился в Германии, Голландии, Великобритании. В 1767 г. переехал в Россию. В 1768–1774 гг. возглавил экспедицию Петербургской Академии наук в центральную область России, районы Нижнего Поволжья, Прикаспийской низменности, Среднего и Южного Урала, Южной Сибири (Алтай, Байкал и Забайкалье), результаты которой опубликовал в труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства (1773–1788)». В 1793–1794 гг. П. Паллас посетил Поволжье, Северный Кавказ, жил в Крыму. Во время путешествий собрал (и впоследствии обработал) географические,

геологические, ботанические, зоологические, этнографические и другие материалы.

Закончив исследование, П. Паллас издал по поручению Екатерины II сравнительный словарь в двух частях (1787–1789), в котором были представлены более 200 языков и наречий народов Азии и Европы, в том числе 142 азиатских языка, 51 европейский язык и 50 языков народов Севера. Первый том «Сравнительного словаря всех языков и наречий, собранных десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II», вышедший в 1787 г., включал 273 понятия, среди которых – термины родства, названия зверей, домашних животных, птиц, природных явлений и т. д.; в специальном «Лексиконе» было представлено 149 языков. Второй том содержал названия простых числительных на 222 языках.

В 1790–1791 гг. словарь был переиздан в дополненном и исправленном виде. В новом четырехтомном издании были представлены 272 языка и диалекта, в число которых также вошли 30 языков Африки и 23 языка Америки. Согласно предложению Екатерины II, структура словаря была изменена. Как явствует из нового названия – «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», слова различных языков мира располагались в нем в алфавитном порядке.

Научное значение словаря было невелико, выполнение носило характер скороспелости и необдуманности. Критиками была поставлена под сомнение точность воспроизведения слов, взятых у не имеющих письменности народов, отмечалось, что составители не учли ни географического положения языков, ни их происхождения. Все иноязычные слова были записаны русскими буквами, весьма приблизительно отображающими реальное произношение. Сбор данных проводился поспешно и чаще всего неспециалистами, в результате чего в словаре было допущено много ошибок и искажений в передаче звучания слов. Примечательно, что один из критиков

этого словаря, Х. И. Краус, уже тогда полагал, что только сходство строя языков, а не сходство слов доказывает родство языков.

Тем не менее, словарь Петра Палласа оживил научную жизнь того времени. Появление его вызвало ряд рецензий и поправок, которые были интересны уже сами по себе. Положительную сторону словаря составляло обилие нового материала, пусть часто и ненадежного. Сведения о многих языках России, Сибири и Азии проникали в Европу того времени с трудом, и многое в словаре было новым для европейских ученых.

Иной характер носил труд Лоренсо Эрваса-и-Пандуро (Lorenzo Hervás y Panduro), созданный чуть позже «Сравнительного словаря» под редакцией Петра Палласа. Известна, кстати, отвергнутая Л. Эрвасом попытка России купить у автора его неизданные работы.

Испанский вариант работы Эрваса-и-Пандуро «Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов» (*Catálogo de las lenguas de las naciones conocidas, y numeración, división, y clases de éstas, según la diversidad de sus idiomas y dialectos*) был издан в 1800–1805 гг.

Часто можно встретить утверждение, что работа испанского исследователя включала упоминание более 300 языков и диалектов, однако, надо помнить, что «Каталог» не является научным исследованием языков как таковых. Вместе с тем, число упоминаемых в нем языков, несомненно, больше, хотя и трудно было бы привести окончательную цифру, так как сведения о тех или иных языках и диалектах у Л. Эрваса не всегда достаточно точны. В любом случае, привлечение такого большого материала вполне объяснимо, если принять во внимание принадлежность автора к ордену иезуитов: в этот период в Италии собираются многие изгнанные иезуиты, и в распоряжение автора попадают, в частности, описания индейских языков, сделанные миссионерами в Латинской Америке. Деятельность последних, как мы знаем, была очень плодотворной:

грамматические сочинения миссионеров вводили в научный обиход совершенно новый языковой материал и при описании языков американских индейцев миссионеры часто демонстрировали оригинальные подходы и теоретические инновации.

Лоренсо Эрвас не только стремился ознакомиться со всеми доступными печатными и рукописными грамматиками, но и, используя опрос информантов, попытался сам составить около 15 грамматических описаний индейских языков. Конечно, научная достоверность этих работ не была безупречной, но принципиально важно то, что испанский ученый пошел не по пути создания словаря эквивалентов, а, опираясь на давнюю и богатую национальную традицию, попытался провести многоплановое исследование, сделав новый шаг к созданию классификации языков мира.

Особое влияние на испанского ученого оказали труды Г. В. Лейбница, стремившегося, как уже говорилось, организовать описание всех языков мира с установлением географических границ их распространения и выдвигавшего задачу сопоставления языков, как между собой, так и с их более ранними формами.

В не меньшей степени Л. Эрвас является последователем Г. В. Лейбница в использовании языка как средства установления происхождения того или иного народа. Как следует из самого названия работы, именно языки и диалекты служат ученому основой классификации народов. В изучении сходства языков он видит возможности исследования происхождения народа, его истории, контактов, культурного взаимодействия и взаимовлияния.

Ставя перед собой указанные задачи, Лоренсо Эрвас должен был выработать критерии определения родства языков. Исследователь изначально выделяет два основных объекта сопоставления: лексический состав и грамматический строй языков. Подробно оговаривается, какие именно лексемы должны быть подвергнуты сравнению. Это – слова,

обозначающие основные, существенные для данного народа понятия, так как, по мнению автора, любой язык, независимо от степени развития, имеет достаточно слов для обозначения жизненно важных явлений. Выделение в особый объект сопоставления грамматического строя языков традиционно считается заслугой испанского ученого, хотя говорить скорее можно о его приоритете в практическом применении этого метода в работе сопоставительного характера.

Помимо перечисленных критериев выявления родства языков, а следовательно по Эрвасу, и народов, автор считает абсолютно необходимым обратить внимание на произношение. Таким образом, в «Каталоге языков» Л. Эрваса-и-Пандуро заявлена схема выявления родства языков (и народов) по трем направлениям: сравнение лексического состава, грамматического строя и особенностей произношения.

Интересно отметить, что, разрабатывая проблемы произношения, Л. Эрвас, по мнению ряда ученых, в какой-то степени предвосхищает теорию субстрата. Он считает, что у каждого народа заложены от природы определенные навыки произношения, которые очень трудно изменить и которые всегда выдают при разговоре иностранца, как бы хорошо он ни владел выученным языком. Но главное, что свои артикуляционные особенности народ, с точки зрения испанского ученого, сохраняет, даже утратив свой родной язык в результате, например, иностранного завоевания. Навыки произношения не исчезают при принятии языка победителей, и их изучение дает возможность проследить историю происхождения народа, его контактов.

Безусловным остается вклад Л. Эрваса-и-Пандуро в распространение в Европе миссионерских грамматик, содержавших сведения о языках американских индейцев и послуживших материалом для создания типологической классификации языков; ему также принадлежит ряд конкретных открытий в сфере классификации языков и их сопоставления.

Таким образом, мы видим как в таких далеких друг от друга странах, как Россия и Испания одновременно шла работа, закладывавшая основы сравнительно-исторического метода, оказавшего в XIX в. решающее влияние на развитие европейского языкознания.

Супрун А. В.

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Многообразие видов отношения между предметами реальной действительности находит свое отражение в предложениях реляционной предикации, характеризующих как функциональные, так и компаративные отношения реальных объектов. Сравнение двух или более предметов с целью вскрытия отношения между ними или определение их сходства или различия является одним из основных логических приемов познания внешнего мира.

При анализе компаративных предложений среди наиболее существенных моментов представляются следующие: способ выражения отношения между предметами (через существительное, прилагательное, глагол и др.); референтность или нереферентность имен предметов, между которыми устанавливаются отношения равенства, сходства или различия; параметр (качественный, количественный), по которому проводится сравнение; средства выражения компаративности и степень их эксплицитности и др. Особенности компаративных высказываний, как правило, освещаются в классических трудах испанских исследователей [Gili y Gaya 1995; Esbozo 1973; Alonso 1971], что, однако, не исключает дополнительного рассмотрения подобных структур с учетом современных точек зрения на проблему.

Одним из типов реляционных предложений можно считать высказывания, в которых выражается различие двух объектов или явлений в

каком-либо аспекте. Показателем сравнения различающихся предложений чаще всего являются обороты *más*...*que* ‘более…чем’ и *menos*...*que* ‘менее…чем’, позволяющие эксплицитно передавать обозначение того, чтó сравнивается, тогó, с чем производится сравнение, и выражать различие объектов по степени обладания тем или иным признаком. При этом не должны быть смешиваемы семантическая и грамматическая структуры предложения. Семантическая сложность компаративных предложений часто приводит к противоречивой оценке их статуса в синтаксисе. Грамматически простые, но семантически сложные сравнительные высказывания рассматриваются, например, в академической грамматике, как предложения со сравнительным придаточным.

Сравнительное отношение в различающихся высказываниях имеет асимметричный характер, не позволяющий переставлять сравниваемые имена относительно предиката отношения. Такая перестановка возможна только при смене предиката на соотносительный с ним антонимичный предикат, при замене наречия *más* на *menos*, при смене синтетических компаративных форм *mejor – peor, mayor – menor, superior – inferior, anterior – posterior.*

Для установления различительного отношения используются также пары противоположных по значению прилагательных, обозначающих степень качества: *ancho – estrecho, duro – blando, caliente – frío, viejo – joven* и др. Характер асимметричной реляционности сохраняется и при введении количественных определителей неравенства предметов (Mi padre es cinco años más viejo que el tuyo). Числовое выражение количества ставится перед показателем сравнения *más, menos* и является различительным признаком вступающих в отношение объектов.

Испанский язык располагает разнообразными способами обозначения признака, на основании которого производится различительное сравнение. Например, предложно-именная группа может эксплицировать основание сравнения, обозначая параметр, по которому различаются два предмета:

Madrid es diferente de Moscú *por el clima*. Характер симметричной реляционности сохраняется, так как различительный параметр реализуется словами, относящимися к сфере, общей для двух сравниваемых объектов. Необходимо также обратить внимание на структурные особенности компаративных предложений данного типа.

Для передачи в тексте сравнительно-отождествляющих отношений в испанском языке есть множество синтаксических показателей, одиночных и парных: *como, igual que, lo mismo que, idéntico a, así…como, tal…como, tanto (tan)…como* и др. Наиболее частотным и универсальным, выступающим в разных функциях и в разных синтаксических моделях, является союз *como* ‘как’. Сравнительно-отождествляющие отношения в простом предложении реализуются несколькими синтаксическими моделями, различающимися составом, степенью эксплицитности отождествляющего компаратива и характером имен сравниваемых объектов.

Одной из разновидностей этого типа предложений являются высказывания, в которых союз *como* выступает в функции компаративно-предикативной связки. Такая связка вводит имя предмета, объекта или имя события, образующее в связочных предложениях компаративный предикат. Позиция субъекта может быть занята именами лиц в идентифицирующем значении, которым предицируется определенное свойство через уподобление какому-нибудь предмету или событию. В этом уподоблении проявляется специфика компаративной предикации. В качестве имени компаративного предиката могут выступать слова, различные по своим референционным свойствам. Так, в предложении *Málaga es como Tenerife* компаративным именем является конкретное географическое наименование, соотносящееся с реальным объектом. Показательно, что компаративный предикат используется, как правило, в связочных предложениях с параллелизмом именных компонентов.

Характерным признаком подобных предложений является синтаксическая нерасчленимость сказуемого и невозможность опустить

компаративную связку, без нарушения истинности предложения. Ср. невозможность: *Málaga es Tenerife.

Однако эта разновидность высказываний отличается тем, что в них не получает выражения основание отождествляющего сравнения. Так, в предложении *Málaga es como Tenerife* неясно в каком аспекте устанавливается сходство между объектами: по величине, живописности, многолюдности, местоположению и т. д. Однако невыраженность основания сравнения может компенсироваться другими способами, в частности определениями при предикатном имени, которые сокращают поиски сравнения. Итак, предложения компаративной предикации характеризуются тем, что элемент сравнения вклинивается в сам процесс предикации, приписывая субъекту высказывания определенные признаки через уподобление его другим предметам, свойствам, процессам. Такое участие в предицировании создает предпосылку для синтаксической нерасчленимости предикатного имени с союзом *como*. Трехкомпонентный состав предложений – показатель сравнения и два имени сравниваемых объектов – не имеет эксплицитного выражения основания сравнения, что делает неопределенным сравнительный смысл. Если исходить лишь из значений присутствующих элементов, не обращаясь к контексту предложений, способом восполнения недостающего основания сравнения средствами одного простого предложения является употребление определений при компаративном наименовании, которые эксплицируют признак, принятый автором за основу при выражении отношения сравнения. Признак, положенный в основу сравнения, предицируется субъекту высказывания не прямым путем, а способом вторичной предикации. Ср. La carretera cortaba el paisaje, *recta como un cuchillo*. Как правило, слово, называющее этот признак, не повторяется второй раз при компаративном имени. Соотносящиеся имена компаратов *la carretera – un cuchillo* обладают разными референционными свойствами. Первое имя обозначает предмет, о котором идет речь и которому приписываются определенные признаки. В тексте оно сопровождается

определенным артиклем. Второе имя не обладает непосредственной отнесенностью к обозначаемому предмету, не называет конкретный предмет, а является заместителем любого члена класса предметов или обозначает процесс, принятый в качестве носителя определенного признака. В сравнительном обороте оно оформлено неопределенным артиклем. Семантический субстрат сравнительных предложений с союзом *como* (Eres pérfida como la onda) представляет собой сложную структуру, состоящую из двух семантических пропозиций (Eres pérfida como pérfida es la onda). В сложном предложении максимально реализуются все компоненты для передачи отношения сравнения. Смысл сравнения и всего высказывания ясен и в простых предложениях, которые отличаются от сложных отсутствием некоторых слов. Однако, нецелесообразно трактовать такие простые предложения как эллиптичные, поскольку сокращенных предложений вполне достаточно для передачи определенного смысла и носителями языка они воспринимаются как полные. С помощью такого сопоставления могут быть вскрыты закономерности конденсации смысла в синтаксически упрощенной структуре. Союз *como* позволяет элиминировать сказуемое при имени второго компарата, если это сказуемое передает предикацию постоянных признаков и выражается связкой *ser*. Члены сравнительного отношения устранению не подвергаются, но их функция в предложении меняется. Различие по степени структурной сложности между простым и сложным предложением сопровождается различием в функциях имен, занимающих позиции сравниваемых компонентов отношения [Gramática RAE 1931: 369]. Послесоюзное компаративное имя в простом предложении употребляется в предикатном значении и его целесообразнее трактовать как компаративный аналог именно предиката [Черемисина 1976: 243].

Рассмотренные выше структуры различающего и отождествляющего сравнения, специфичные для испанского синтаксиса, не исчерпывают всех проблем компаративных предложений. Значительный интерес представляют также следующие аспекты: различие сравнительного и конъюнктивного

значения союзов и союз *como*, сочетающий обе эти возможности[1]; значения и структурные возможности парных союзных выражений; показатель признакового тождества в сравнительных предложениях и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1976. – 270 с.

2. *Alonso M.* Ciencia del lenguaje y arte del estilo. – Madrid: Aguilar, 1971.

3. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española / Real Academia Española. – Madrid: Espasa Calpe, 1973.

4. *Falt G.* Tres problemas de concordancia verbal en el español moderno / Studia Romanica Upsaliensia / Acta Universitatis Upsaliensis, vol. 9. – Uppsala, 1972.

5. *Gili y Gaya S.* Curso superior de sintaxis española. – Barcelona: Vox, 1998.

6. *Gramática* de la lengua española / Real Academia española. – Madrid: Espasa Calpe, 1931.

Marina V. Sukhánova

Universidad Estatal de Vorónezh

Vorónezh, Rusia

EL PROCESO DE GRAMATICALIZACIÓN DEL RELATIVO COMPUESTO EN EL IDIOMA ESPAÑOL

Como se sabe, en español existen dos tipos de relativos: *Relativo Simple* (en adelante RS) y *Relativo Compuesto* (en adelante RC); el último es el objeto de nuestra investigación. Obsérvese los ejemplos que proponen Alcina Franch y Blecua para comprobar esa diferencia:

---

[1] Данное значение компаративных союзов G. Falt именует квазикопулятивным [Falt 1972: 62].

Relativo Simple: El libro **de que** hablas está aquí = El libro está aquí + Hablas del libro.

Relativo Compuesto: Los amigos **con los que** salí de excursión acaban de llegar = Los amigos acaban de llegar + Con los amigos salí de excursión.

Tanto en un caso como en otro, la preposición marca subordinación del relativo dentro de la proposición que introduce, y el relativo traspone como constituyente de un elemento del esquema del enunciado, a la oración que introduce [Alcina Franch 1988: 1024]. En el español actual se usan los siguientes RC precedidos de varias preposiciones: *el que, la que, los que, las que, lo que, el cual, la cual, los cuales, las cuales, lo cual.* Por su estructura el RC se compone de una preposición simple más el artículo determinado (masculino o femenino, en singular o en plural; a veces neutro) más el pronombre relativo (*que*, *cual*, etc.). A esta construcción la precede un antecedente explícito; la preposición se selecciona por el predicado subordinado.

Es sabido que el proceso de gramaticalización – el paso del léxico a la gramática – es plurisecular. Primero, la construcción tiene que vivir en oralidad. Luego el uso en la lengua hablada la lleva a la lengua escrita. Como afirma Lass, existen tres tipos de cambios de gramaticalización según función y forma del fenómeno estudiado [Lass 1990: 79–102]. El RC se refiere al primer tipo que se titula "renovación" ya que no se crea función nueva para el RC. La función es la misma. Lo que se ha creado es la nueva forma. Desde el punto de vista de la semántica de prototipos el idioma, como estructura dinámica, depende de dos factores: de la expresividad lingüística y de la eficacia comunicativa. El mismo término puede tener diferentes valores. En nuestro caso, por ejemplo, ***el*** tiene tres valores: el artículo *(**el** libro),* el pronombre *(**el** más leído)*, el clítico de género y número que forma parte del RC *(el libro con **el** que llegaste)*. Sólo el contexto determina qué valor tiene la forma ***el***. Cabe decir, que además de *el que* el artículo se extendió al *cual* (*el* cual).

¿Cómo sucede el proceso de gramaticalización? Según Ojea López, "*que* procede de la forma del relativo latino y se podría pensar que a lo largo de los años, ha experimentado un paulatino proceso de gramaticalización que ha provocado la necesidad de reforzarlo con el artículo determinado en aquellos casos en que tiene que funcionar como sintagma relativo pleno" [Ojea López 1992: 50–51]. El artículo, al fundirse con el RC, pierde su carga semántica y deja de cumplir su función. Ya no es un artículo sino un prefijo del RC.

Al hablar de la presencia y ausencia del artículo en las relativas oblicuas los lingüistas determinan los siguientes factores del proceso de gramaticalización que influyen en la extensión del RC. *Las preposiciones bisilábicas y las locuciones preposicionales rechazan la omisión del artículo,* debido quizás a que su mayor consistencia fonética hace que interfieran en la relación entre el artículo y el antecedente, lo que obliga a colocar el artículo determinando para compensar su efecto de opacidad [Brucart 1999: 495].

Las preposiciones que pueden preceder a *que* son proclíticas como *él*. Por esta causa hay gran vacilación, tanto en la lengua clásica, como en la moderna, en el empleo de *que* precedido de preposición, y una visible tendencia a sustituirlo por *el cual*, aun en las especificativas, p. ej.: *Ello es que siempre quedará un gran número de personas* ***para las cuales*** *las diversiones sean absolutamente necesarias* (Jovellanos, Memoria sobre los espectáculos y diversiones públicas, 2ª parte); *Mucho del contenido de Romeo y Julieta se halla en esta obra [La Celestina], y el espíritu* ***según el cual*** *está concebida y expresada la pasión es el mismo* (J. Valera, Disertaciones: Sobre el Amadís de Gaula). Es evidente que no habría dificultad lógica en decir, en estos dos ejemplos *para las que* y *según el que*, respectivamente; pero los escritores y el uso general prefieren ordinariamente *para las cuales* y *según el cual*. Según la Academia Española, esta preferencia a lo mejor se debe "a un motivo rítmico: al sucederse varias sílabas átonas, se busca un apoyo intensivo que no puede ser *que*, sino *el cual*; por eso los gramáticos coinciden en afirmar que la sustitución de *que* por *el cual* es especialmente

frecuente con preposiciones bisílabas, o con locuciones prepositivas, como *por encima del cual* y no *del que*; *de entre las cuales,* y no *de entre las que*" [Academia Española 1986: 531]. En las especificativas con las preposiciones monosílabas la vacilación es mayor, "porque en ellas la preposición no encabeza grupo fónico"; en cuanto a las explicativas "con preposición en comienzo de grupo fónico, la mayor frecuencia corresponde a *el cual*" [Academia Española 1986: 531]. Ojea López también indica que "tradicionalmente se ha recurrido a longitud morfológica de la preposición para explicar la necesidad de introducir un artículo" [Ojea López 1992: 52].

Como destaca Ojea López, estas construcciones han surgido "***para evitar la confusión con otros usos***" de *que* tras estas preposiciones en cláusulas no relativas lo cual refuerza la idea de que *que,* sin artículo, ya está casi consolidado como partícula subordinante" [Ojea López 1992: 51]. Las preposiciones como "para, desde o hasta aparecen colindantes a *que* en una cláusula relativa: tal secuencia podría ser confundida con las locuciones conjuntivas que introducen subordinadas adverbiales (*para el que* y *para que*)" [Brucart 1999: 495]. Para comprobar todo lo dicho anteriormente, compárense los ejemplos de Ojea López [Ojea López 1992: 50–51].

a. La persona **por la que** preguntas no quiere recibirte (cf. Se ofendió **porque** preguntaste por ella).

b. El jefe **para el que** trabaja es muy exigente (cf. Lo hice **para que** estuvieras orgulloso de mí).

c. El balcón **desde el que** observaban el desfile cedió (cf. No he podido olvidarla **desde que** la vi aquel día).

d. No puedes imaginar las artimañas **mediante las que** consiguió el cargo.

e. La fiesta **durante la que** tuvo lugar la entrega de premios fue un éxito.

Otro factor del proceso de gramaticalización surge cuando ***el antecedente oracional conlleva la aparición del artículo neutro****, lo que da lugar a secuencias co*mo *por lo que*, *con lo que*, *de lo que*, en las cuales se ha evitado la ambigüedad

[Giron Alconchel 2000: 115]. Pero hay casos en que esta sustitución del artículo sustantivado al artículo sustantivo *adolecería de ambigüedad*. Por ejemplo: "La ambición desordenada es *la* que tantas revoluciones produce" significa propiamente que no toda ambición las produce, sino sólo la desordenada; poniendo, *lo* en lugar de *la*, sería muy diverso el sentido, porque de este modo se enunciaría que las revoluciones eran debidas a la ambición desordenada, excluyendo no sólo toda otra ambición, sino toda otra cosa" [Bello 1981: 476]. Según Bello en esta situación queriendo expresar "esto último hubiese peligro de ambigüedad, sería preciso emplear la palabra propia, que es el artículo sustantivo" [Bello 1981: 477].

Otro factor es la circunstancia textual de que el ***antecedente aparezca distanciado del relativo***. Es cuando "esta separado del relativo por más de un adjetivo, por un sintagma preposicional construido, por una oración de relativo, o cualquier otro inciso" [Giron Alconchel 2000: 115].

Los criterios léxico-gramaticales también influyen en la presencia o ausencia del artículo de las relativas oblicuas.

Comparando el RC y el RS, Ojea López dice: "aunque gramaticales y más frecuentes en otras etapas de la lengua, las oraciones de (29): a) *El asunto* ***de que*** *te hablé*... b) *El país* ***en que*** *nació...;* c) *El problema* ***a que*** *aludió*... parecen en la actualidad algo arcaicas y la mayoría de los hablantes prefieren la versión (30), donde entre la preposición y *que* aparece el artículo: (30) a) *El asunto* ***del q****ue te hablé*... b) *El país* ***en el que*** *nació*... c) *El problema* ***al que*** *aludió*... [Ojea López 1992: 51]. Obsérvense otro ejemplo: *Las personas a quienes /* ***a las que / a las cuales*** */ a que vimos.* En este caso, es imposible utilizar *que* como relativo "lo cual incide una vez más en la idea de que éste es ya realmente un uso marcado de esta partícula que con el tiempo se ha ido consolidando como un mero subordinador". [Ojea López 1992: 64].

Al hablar del RC desde la perspectiva de la semántica de prototipos, cabe señalar que como todas las categorías gramaticales, el RC tienen organización

sistemática: las zonas central, media y marginal. La gramaticalización empieza con procesos específicos y marcados que se extienden hasta constituir una nueva categoría; y ésta progresa desde la marcación hasta la no marcación. Los términos no marcados están en el núcleo; los marcados son sintácticamente más flexibles en la periferia o en la zona media. Del nuclear en el s. XIII el RS progresa hasta ser periférico en el futuro. El destino del RC es hacerse general y desmarcarse. Del periférico en el s. XIII el RC va hasta ser nuclear en la actualidad. En el s. XX el uso de los RC ha aumentado considerablemente. Al tener en cuenta todo lo dicho, cabe añadir que se distinguen dos causas generales de la extensión del RC:

– la creación de referencia y la continuidad referencial;

– la búsqueda de la precisión, de la univocidad, el afán de evitar la ambigüedad [Giron Alconchel 2000: 115–116].

El RC se crea por una causa interna durante el proceso de gramaticalización en el idioma español.

¿Para qué surge el RC? Para expresarse, para resolver la ambigüedad. El hablante quiere que el oyente interprete la información inequívocamente en género y número. Al principio esta construcción se consideraba poco prestigiosa, vulgar. Por eso durante mucho tiempo sólo existía en la lengua hablada. Ahora no sólo se dice, sino se escribe: *la ciudad en la que nació; el niño con el que hablé.*

El cambio gramatical no ha terminado hasta hoy día: ya que siguen existiendo dos formas. La variación sincrónica remite a un proceso de gramaticalización, que habrá concluido cuando la única forma posible sea el RC. En el futuro la forma vieja desaparecerá.

BIBLIOGRAFÍA

1. *Academia Española*. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1986.

2. *Alcina Franch J., Blecua J. M.* Gramática española. – Barcelona: Ariel, 1988.

3. *Bello A.* Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. – Santa Cruz de Tenerife: Cabildo insular de Tenerife, 1981.

4. *Brucart J. M.* La estructura del sintagma nominal: las oraciones de relativo // Gramática descriptiva del español / eds. I. Bosque y V. Demonte. – Madrid: Espasa-Calpe, 1999. – P. 395–522.

5. *Girón Alconchel J. L.* Procesos de gramaticalización del español clásico al moderno // Actas del V Congreso Internacional de Historia de la lengua española, Valencia, 31 de enero–4 de febrero de 2000 (separata). – Madrid: Gredos, 2000. – P.103–121.

6. *Lass R.* How to do things with junk: expatiation in language evolution. – Journal of linguistics, 1990. – 26. – P.79–102.

7. *Ojea López A.* Los sintagmas relativos en inglés y en español. – Oviedo: Universidad de Oviedo,1992.

Филиппова Т. Н.

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ РЕСТРИКЦИИ

Рестриктивное значение рассматривается нами в рамках содержательной категории выделения как одно из ее проявлений. Занимая позицию между утверждением и отрицанием, включая в себя частично оба указанных значения, понятие рестрикции отражает утверждение эксплицитно выраженного компонента информации, отрицая имплицитную составляющую содержания высказывания, которая в свернутом виде представлена рестриктивом. Данное обстоятельство позволяет нам говорить о рестрикции как о категории, в которой соединяются и взаимодействуют эксплицитный и имплицитный смысловые компоненты.

Средства выражения рестриктивного значения в разных языках неоднородны по своему составу. К примеру, в русском языке основным средством выражения рестриктивного значения являются частицы ***только, лишь***, в то время как в испанском языке лексемы с аналогичным значением

sólamente, sólo конкурируют со специализированными конструкциями ***no+V+más que, no+V+sino***. Сопоставительный анализ русских и испанских высказываний, а также переводов показал, что в испанском языке синтаксическая рестрикция столь же употребительна, как и лексическая. При этом соотношение двух потоков информации отражается в структуре конструкции: отрицание имплицируемого содержания эксплицируется посредством негативной частицы ***no***: *Mi sonrisa* ***no*** *es sino escudo de mi impotencia.* Рассматриваемые нами языковые единицы как в русском, так и в испанском языке занимают центральное положение среди рестриктивов. Выражение рестриктивного значения является первичной функцией и семантической основой этих языковых единиц. Их отличают высокая частотность употребления в речи, важная роль в коммуникативном отношении, широкие коннотативные возможности.

Наличие в испанском языке более широкого формального аппарата рестрикции по сравнению с русским объясняется ориентированностью отдельных его единиц на оформление определенных компонентов структуры предложения.

Взгляд на предложение с точки зрения его динамической структуры связан с включением в коммуникацию новой информации. В этом контексте на первое место выходят такие понятия как порядок слов и интонация. Порядок слов находится в тесной взаимосвязи с логическим ударением. При нейтральном порядке слов именно логическое ударение выделяет то, что в сообщении, по мнению отправителя информации, представляет наибольший интерес. Определенные компоненты структуры предложения, как лексические, так и синтаксические, обладают способностью притягивать логическое ударение к оформляемым языковым единицам, выделяя их в качестве наиболее важной информации, ремы, фокуса.

Использование рестриктивных конструкций в испанском языке дает возможность избежать неоднозначность понимания при рематизации дополнения и обстоятельства, так как конструкция обрамляет сказуемое, вводя постглагольный элемент в поле ограничения.

Динамическая структура предложения является реакцией на речевой контекст и в силу этого непосредственно связана с интенциями отправителя информации. А это значит, что языковые единицы, участвующие в оформлении компонентов динамической структуры предложения, несут в себе определенный прагматический потенциал.

Рестриктивное высказывание представляет собой единство эксплицитной и имплицитной информации, связанной посредством рестриктива.

Используя в высказывании рестриктивы, адресант рассчитывает на определенные фоновые знания реципиента, которые позволят ему правильно понять имплицитный компонент сообщения – пресуппозицию, на наличие которой указывает рестриктив, что является непременным условием удачного исхода коммуникации.

Понятие ограничения неоднородно по своему составу. Семантическая дифференциация данной категории хорошо прослеживается при рассмотрении его функционирования в процессе коммуникации. Высказывания, содержащие в своем составе рестриктивный компонент, не могут передавать ситуацию непосредственно, не внося некоторого дополнительного смыслового содержания. Рестриктивные высказывания представляют собой единство двух потоков информации – эксплицитного и имплицитного, для которых рестриктивы служат своеобразным связующим звеном. Рестриктивы могут объединять смысловое содержание высказывания с контекстом, как контактным, так и дистантным, что также свидетельствует о наличии у них связующей функции.

Семантическая дифференциация рестрикции обусловлена ситуацией и контекстом. Ограничение всегда функционирует на фоне чего-то неограниченного. Этот фон может быть представлен в высказывании, контексте, тексте, конситуации. При этом в контексте и тексте выражается эксплицитный противочлен ограничения, в конситуации – имплицитный.

Факты, служащие фоном ограничения, могут утверждаться или отрицаться. При этом возникают отношения исключения, противопоставления или подтверждения, что может служить основанием для выделения высказываний со значением исключения, противопоставления и подтверждения в рамках рестриктивных высказываний.

Прагматический потенциал рестрикции неизменен независимо от того, имеем ли мы дело с отношениями исключения, противопоставления или подтверждения, маркируемыми единицами его формального аппарата. В высказывании может возникать равновесие гипотетически присутствующих в рестриктиве дифференциальных сем – исключения, противопоставления и подтверждения – как попарно, так и всех трех вместе, в результате чего возникают переходные случаи: исключение – противопоставление, исключение – подтверждение, противопоставление – подтверждение, исключение – противопоставление – подтверждение.

Имплицитно в высказывании может быть представлена информация фактивного и \ или квалификативного характера, отражающая отношение сообщаемого к норме или генерализации, а также мнение говорящего или субъекта информации к сообщаемому. При этом рестриктивы указывают на несоблюдение объективной нормы или несоответствие ей, а имплицитная генерализация противоположна эксплицитному компоненту, оформляемому рестриктивом. Противопоставление фактивной импликатуры, представленной рестриктивом, и ограничиваемого эксплицитного компонента в испанском языке частично отражается в структуре

рестриктивной конструкции. Свойством рестрикции акцентировать внимание адресата на определенном компоненте объясняется возможность присутствия в высказывании одновременно фактивной и квалификативной импликатур. Вводя рестриктив в высказывание, адресант имплицирует возможность альтернативных реакций на сообщаемое, несоответствие реакции ожиданиям.

Рестриктивы соотносят содержание высказывания, в котором они реализуют свои функции, с контекстом, который служит средой актуализации рестриктивного значения и может быть расположен контактно и \ или дистантно справа и \ или слева. При этом в контексте могут эксплицироваться содержащиеся в рестриктиве имплицитные смысловые компоненты. Это позволяет говорить о том, что соотношение эксплицитного и имплицитного компонентов высказывания служит основой взаимодействия рестрикции с контекстом.

При сопоставлении русского и испанского языков было обнаружено, что в испанском языке в структуре рестриктивной конструкции происходит частичная экспликация имплицитного пресуппозиционного компонента.

Следует отметить, что существует определенная взаимосвязь системно-языковых и речевых характеристик средств выражения рестриктивного значения в рассматриваемых нами языках. Русские частицы ***только, лишь*** полифункциональны. Именно этим, очевидно, объясняется тот факт, что в испанском языке им соответствуют как частицы, так и синтаксические построения, отличающиеся большей эксплицитностью, что проявляется в самой их структуре. Это позволяет говорить о большей эксплицитности рестрикции в испанском языке, что отражает его своеобразие, состоящее в предпочтении аналитических форм для выражения отдельных лингвистических явлений.

Olga Chesnokova
Universidad Nacional de la Amistad de los Pueblos
Moscú, Rusia

TEMAS TOPONÍMICOS EN EL CURSO DE LEXICOLOGÍA ESPAÑOLA

Toponimia (onomástica geográfica) es una disciplina sintética que estudia los nombres geográficos (topónimos), analiza sus acepciones originales, investiga cómo se reflejan en ellos los componentes nacionales, históricos y culturales.

Toponimia es uno de los temas integrantes del curso teórico de la lexicología española impartido a los estudiantes de lengua española.

Los topónimos reflejan diversas etapas del desarrollo de un país, su cultura y la historia de su lengua (sus lenguas)[1]. La lengua española moderna es el resultado de un proceso prolongado y complicado. Absorbía durante muchos siglos los elementos de otras lenguas y culturas, tales como elementos iberos, celtas, griegos, romanos, visigodos, árabes, etc. Cada una de estas lenguas aportó su propio colorido a la toponimia de España. En este sentido la toponimia española refleja diferentes etapas del desarrollo tanto de las etnias que habían poblado el territorio de España, como de sus lenguas y de sus contactos.

La toponimia de países latinoamericanos se ha formado debido a las lenguas autóctonas, sus contactos con la lengua española, reproducción de topónimos españoles y el uso de recursos de la lengua española.

Cualquier toponimia nacional resulta sumamente importante e interesante para la comprensión de la identidad y la originalidad nacional.

---

[1] Numerosos comentarios toponímicos se dan en la famosa obra del Académico Rafael Lapesa [Lapesa 1995].

Comentemos la toponimia nacional a base del español del país más grande del mundo hispanohablante, México. La población de México asciende a 107 millones de habitantes [2], o sea, de cada diez hispanoablantes, cuatro son mexicanos. Puesto que la lengua y la cultura están nítidamente vinculadas, lo inspirador del español mexicano se debe a la fascinante historia y cultura mexicana. Los estudios del español de México han puesto de manifiesto su compleja y polifacética realidad lingüística, distinta del español peninsular y de otras variedades nacionales de la lengua española.

El español de México incluye rasgos panhispánicos (el caudal léxico, la base fonética y el estándard gramatical), rasgos panamericanos (como, por ejemplo, el seseo y el yeísmo americanos), rasgos regionales y características estríctamente nacionales. Entre éstas últimas se puede destacar lo siguiente: 1) influencia indígena; 2) coexistencia de elementos de carácter conservador y rústico, por una parte, e innovador, por otra [Moreno de Alba 2001]. Dichos fenómenos del español mexicano se perciben también en la toponimia mexicana.

La toponimia mexicana refleja posibilidades denominadoras propias para diversas etapas de la historia del país, lo que proporciona material para reconstruir el cuadro lingüístico en su dimensión diacrónica. Desde este punto de vista, los topónimos mexicanos se agrupan en:

1) voces provenientes de lenguas autóctonas
2) topónimos surgidos en la época del descubrimiento de América
3) denominaciones geográficas “nuevas” que abarcan el período desde la independencia de México hasta la fecha.

Topónimos provenientes de lenguas autóctonas. Al léxico del español mexicano y a los topónimos, como parte suya inalienable, han contribuido todo un número de lenguas autóctonas. Comentemos el influjo de las lenguas indígenas sobre la base del *náhuatl,* que es la lengua indígena que ha influido más considerablemente en el español mexicano. Los nahuatlismos

[2] [Электронный ресурс]. – URL: http://www.prb.org.

léxicos reflejan y guardan los vestigios de la civilización azteca, una de las más fecundas y brillantes de Mesoamérica, la región que se extiende desde el centro de México hasta Nicaragua.

Los topónimos de origen *náhuatl* revelan las circunstancias a las que solían recurrir los antiguos mexicanos para orientarse en el espacio y, más concreto, para denominar lugares. Son circunstancias tales como *el relieve, la naturaleza del suelo, la flora, la fauna, la geografía humana.*

Así, la cabecera municipal y puerto del Estado de Veracruz se llama *Nautla ,* que quiere decir "el territorio de nahuas".

La arena como motivo inspirador (*xalli, en náhuatl)*, se menciona en tales topónimos, como

- *Jalapa*, la capital del Estado de Veracruz
- *Jalatlaco,* ciudad del Estado de Oaxaca
- *Jalpan*, cabecera municipal del Estado de Querétaro
- *Jalpa de Méndez,* cabecera municipal del Estado de Tabasco y Jalisco.

Mencionemos algunos topónimos *purépechas* (*Pátzcuaro, Cuamécuaro, Puruándiro, Tacámbaro*), *mayas* (*Kancabchén, Xcayal, Xcaret, Cansayab*), *huastecos* (*Tamuín, Tanquián, Tampacán, Tamasopo, Tamazunchale)* y su distribución geográfica, que coincide con las etnias respectivas. Los topónimos nahuas, en cambio, se encuentran en todo el país.

La etimología indígena resulta muchas veces muy contradictoria. L. Cabrera señala que, por ejemplo, al topónimo *México* le han dado más de 20 etimologías, *el ombligo de la luna, el lugar del dios Mexitli, el lugar de los mexicas,* entre otras [Cabrera 2002: 92].

Lo objetivo, lo metafórico y lo mitológico está estrechamente unido e interrelacionado en los antiguos nombres geográficos mexicanos. Muchas leyendas, historias y alusiones han suscitado, por ejemplo, los famosos y

bellos volcanes *Popocatépetl* (*montaña humeante*, en náhuatl) e *Iztaccíhuatl* (*mujer blanca*). Todo un abanico de tales alusiones se observa en los siguientes fragmentos de textos de escritores mexicanos:

*La mañana azul y límpida recortaba y acercaba las líneas de los volcanes**: la pareja de la mujer dormida y su guardián solitario*** [Fuentes 1985: 47]**.**

*Cuquita, hábilmente, ya había cambiado de tema y estaba entreteniendo a sus oyentes con toda una teoría sobre por qué el **Popocatépetl** había "gomitado".<...> Si el **Popocatépetl** se activaba se podría desatar una reacción en cadena entre todos los volcanes que estaban conectados internamente con él y provocar una catástrofe mundial que no sólo afectaría a los habitantes de la Tierra, sino a todos los del sistema solar* [Esquivel 2004: 232–233].

*Qué hermosa, Dios mío, qué hermosa. El que ella no lo creyera sólo la hacía más deseable. Tonta, tontita, linda tontita, si eres lo más bello que he visto, **Iztaccíhuatl, Popocatépetl**, Pico de Orizaba, Nevado de Toluca* [Poniatowska 2004: 73].

A pesar de lo contradictorio en la interpretación de la etimología de los topónimos de origen indígena, es bien notorio el hecho mismo de su gran riqueza asociativa, metafórica y su gran cantidad en la toponimia mexicana.

La etimología de topónimos de origen indígena forma un recurso estético del discurso. Las crónicas americanas, el discurso de divulgación científica, los textos turísticos abundan en comentarios etimológicos de los topónimos:

*En esta tierra hay dos provincias: la una llamada **Aztlan**, que quiere decir "**Lugar de garzas**"; y la otra se dice **Teuculhuacan**, que quiere decir **"tierra de los que tienen abuelos divinos**"*[México desconocido 297: 36].

La ciudad de Taxco se edificó sobre plata y a las faldas del cerro de ***Atachi, que significa "Señor de las Aguas"*** [México desconocido 297: 8].

Yumká *en lengua Maya Chontal* ***significa "duende que cuida de plantas y los animales entre humedales y selva"*** [México desconocido 109: 22].

Traslado de topónimos peninsulares con o sin la aclaración *nuevo / nueva* es un fenómeno universal que se percibe a lo largo y a lo ancho de la toponimia latinoamericana, y en la toponimia mexicana, como su parte integrante. En el mapa de México podemos ver tales topónimos originariamente peninsulares, como:

- *Mérida*. Capital del Estado de Yucatán
- *Zamora*. Ciudad en el Estado de Michoacán
- *Altamira*. Ciudad en el Estado de Tamaulipas
- *Salamanca*. Centro agrícola en el Estado de Guanajuato
- *Jerez.* Ciudad del Estado de Zacatecas.

Denominaciones religiosas y términos descriptivos tambíen son muy típicos para la toponimia mexicana de la época del Descubrimiento. Los ejemplos son múltiples.

- *Espíritu Santo.* Isla en el Estado de Baja California y una bahía en el estado de Quintana Roo
- *San Pedro y San Pablo.* Río en el Estado de Tabasco
- *Fresnillo.* Cabecera municipal del Estado de Zacatecas
- *Fuerte.* Río en el Estado de Sinaloa.

A principios del siglo XIX México logra su independencia. Los valores de la lucha por la independencia y los valores revolucionarios son sumamente importantes para la mentalidad de los mexicanos lo que está estampado en un sinnúmero de **topónimos conmemorativos**.

Los nombres del Estado de *Morelos, Morelia*, la capital del Estado de Michoacán, *Ocotlan de Morelos,* ciudad del Estado de Oaxaca, *Tepatitlan de Morelos,* cabecera municipal del Estado de Jalisco, son testimonios toponímicos de *José María Morelos y Pavón* (1765–1815), uno de los más grandes héroes nacionales mexicanos que se dio a sí mismo el título de S*iervo de la Nación.*

Ahora bien, en el marco del curso de lexicología española para los estudiantes rusohablantes son oportunas, como tareas, la comparación de los topónimos contemporáneos con sus variantes anteriores (aspecto diacrónico), las investigaciones sobre la motivación de las denominaciones geográficas, el análisis de contactos lingüísticos y culturales reflejados en ellos, el análisis de los gentilicios en diversos tipos de discurso y su posible traducción al ruso.

En suma, los temas toponímicos, sus más importantes cuestiones teóricas y correspondientes ejercicios prácticos desarrollan la erudición lingüística de los estudiantes, lo que contribuye al enriquecimiento de su competencia profesional y a un creativo diálogo entre las culturas hispánica y rusa.

BIBLIOGRAFÍA

1. *Cabrera L.* Diccionario de aztequismos. – México, 2002.
2. *Esquivel L.* La ley del amor. – México, 2004.
3. *Fuentes C.* La muerte de Artemio Cruz. – México, 1985.
4. *Guía México desconocido*. Tabasco. Rutas turísticas. – ed. 109.
5. *Lapesa R.* Historia de la lengua española. – Madrid, 1995.
6. *México desconocido*. – No 297, noviembre 2001.
7. *Moreno de Alba J. G.* El español en América. – 3-ra ed. – México, 2001.
8. *Poniatowska E.* La piel del cielo. – 9-na ed. – México, 2004.
9. *Vázquez G.* Origen de los mexicanos. – Madrid: Historia 16, 1987.

Шеминова Н. В.

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОГО ИМЕНИ
(на материале публикаций испанских СМИ)

Язык печатных СМИ регистрирует динамику перехода собственных имен из индивидуализирующего знака в разряд характеризующего. Продолжая служить средством номинации, антропонимы в ряде случаев становятся своеобразными символами своих носителей, зачастую располагая богатым и ярким комплексом сведений энциклопедического порядка об именуемом объекте. Данный комплекс коннотаций имени определенным образом «встраивается» в систему ментальных ориентиров социума и начинает употребляться в прессе в качестве «сложного знака» прецедентного имени (ПИ), обладающего, помимо набора значений экстралингвистического плана, некоторым инвариантом восприятия стоящей за именем информации.

Имена с богатым лексическим фоном активно используются журналистами в прессе для придания публикациям эмоционального тона, большей экспрессии, а также с целью минимизации вербальных средств для передачи информации. В ходе наших исследований были выделены следующие способы бытования ПИ:

1. ПИ как самостоятельные единицы номинации, имена-символы, которые вводятся в газетные тексты через указание на определенное релевантное свойство характера, поведения или черты внешности персонажа. В качестве ПИ в прессе выступают известные исторические личности, например, *Calígula, Nerón*; мифологические персонажи: *Poulidor, Pigmalion, Hércules, Narciso*; герои литературных произведений: *Robin Hood, Don Quijote* и др.

2. Актуализация ПИ одновременно через характеристику и прецедентный текст в широком толковании данного термина, объединяющем как культурные (виртуальные), так и исторические (реальные) прецеденты. В этом случае ПИ выступают как многогранные образы, из информационного потенциала которых автором может быть актуализирована только одна сема лексического фона имени: *Bowman ha sido el* ***Pigmalion*** *de Phelps en las piscinas* (El País 15.08.2004) – ***Pigmalion*** – сема «мастер», «учитель» (зд. «тренер»). В то же время ПИ используются в качестве аллюзии, отсылающей к прецедентному тексту или исторической ситуации, в которой действует его персонаж.

3. ПИ в структуре пословиц, поговорок, фразеологизмов, крылатых фраз, афоризмов, другими словами, – в прецедентных минитекстах, в которых за конкретным ПИ стоит определенная ситуация, содержание. Для испанской прессы наиболее частотны фразеологизмы, обращенные к библейским (*el arca de Noé*) и историческим сюжетам (*la espada de Damocles*), а также к античной мифологии (*el talón de Aquiles, la caja de Pandora*) и др. В качестве ПИ в периодической печати используются не только антропонимы с универсальной, но и с интралингвальной коннотацией, употребление которых территориально ограничено рамками национальной культуры, например, имен современников, обладающих определенными ассоциативными связями в коллективном когнитивном пространстве общества. Их имена на страницах газет превращаются в определения-символы самых различных явлений и событий жизни испанского общества: формы правления государства: *Merecemos una España* ***Rajoy*** (El Mundo 29.02.2004); *…este año no quiero un poder político* ***modelo Rambo*** *sino* ***Harry Poter*** (ABC 5.01.2003); явлений политической и общественной жизни: *El rechazo del electorado al* ***“modelo Kohl”*** *como fórmula para el próximo milenio* (El Mundo 28.09.1998); (заголовок) ***La paradoja Aznar*** (El Mundo 4.10.1998); образа жизни или действия: *El nuevo* ***“estilo Letizia***” (El Mundo /

La Crónica de León. Domingo. 1.02.2004); *Ganó* ***a lo Spitz****, con record mundial* (El País 15.08.2004); *Letizia quiere evitar el* ***“síndrome Masako”*** (Época 2–8 de julio 2004); стиля в одежде и моде: *La cuota femenina del Gobierno en pleno, disfrazada de* ***Claudia Schiffer*** (El Mundo Crónica No 462 22.08.2004); явлений жизни культуры и искусства, спорта*: O sea, que el cantautor* ***tipo Serrat*** *está pasado de moda* (El País 27.10.2002); *…es un Barca, atacado desde hace tiempo por* ***la gripe Van Gaal*** *contra la que, al parecer, no hay vacuna que valga* (El Mundo / Domingo 28.09.1998).

Феномен прецедентности позволяет отдельным антропонимам обрести богатую смысловую структуру и вследствие этого постоянно выступать в качестве **антропонимической метафоры.** Последняя выполняет, во-первых, художественную функцию, используется журналистами как стилистический прием (троп) для усиления выразительности речи, достижения образного сравнения, гиперболы. Во-вторых, внося в именные позиции атрибутивные и оценочные значения, помогает автору публикации решать определенные прагматические задачи, так как с помощью эмоционального «давления» на читателя становится возможным косвенное формирование у аудитории положительной или отрицательной оценки деятельности политиков и событий современности. И, в-третьих, использование ПИ в метафорической функции позволяет имплицитно выразить тот объем информации, который при экспликации другими словами потребует от журналиста больших языковых средств.

Всего выделяется три вида метафорического переноса на основе прецедентных имен.

Отождествление, когда конкретное лицо отождествляется с носителем прецедентного имени, употребляется в предикативной функции и не имеет формы множественного числа: No le pedimos a Zapatero que sea **Bismarck** pero sí que acabe con el envilecimiento del particularismo (El Mundo 9.03.2001).

Перенос ограниченного ряда, при котором другое лицо является воплощением черт носителя ПИ, но только строго в рамках, определенных контекстом, поэтому собственное имя всегда употребляется с определенным артиклем: eres **el Penépole Cruz** de los océanos (El Mundo / Gente 31.07.2002).

Категориальный перенос, при котором выдвижение одного признака на первый план становится базой для формирования представления о классе предметов. В категориальных метафорах ПИ употребляется либо с неопределенным артиклем (*es **un Robin Hood***; *¿Dónde hay **un Lula**?*), либо в форме множественного числа (*Todos querían ser **Cósimos***). В некоторых контекстах публикаций ПИ практически переходят в разряд нарицательных и пишутся со строчной буквы (*país de **quijotes***). Отдельно следует отметить наметившуюся в журналистике в последнее время тенденцию использовать в качестве метафоры имена современников *(maragalles, letizias, pavones, ronaldos, zidanes)*. Их имена зачастую ближе и понятнее читательской аудитории, нежели исторические, литературные или мифоантропонимы.

Актуализация прецедентного компонента содержания онима, его этнокультурного потенциала значительно расширяет процесс морфосемантической деривации и позволяет на его базе создавать окказиональные лексические единицы различных частей речи (глаголов и наречий), а также существительных с новыми деривационными значениями: существительные – со значением «удара, внезапного действия» и «процесса действия»; прилагательные – со значением качественного признака: (*garzonada, lepenización, edípico*).

Следует особо выделить композиционный способ, или способ словосложения, который состоит в морфологическом соединении двух или более корней (основ). Соединяться при сложении могут полные корни и усеченные, а также основы и целые слова (как нарицательные, так и собственные) в определенной грамматической форме (*Trinimaratón*). Наиболее интересной разновидностью синтаксического словообразования на базе

личных имен является прием произвольного наложения двух независимых лексических единиц и их слияние в одну новую лексему. В испанской лингвистике подобные образования определяются как “*palabras telescopio”,* “*acrónimos”* или *“cruce léxico”.* В прессе наиболее распространены следующие способы создания контаминационных образований: 1) соединение двух усеченных собственных имен: *Nixinger* < **Nix**on + Kiss**inger**; *Frandolfo* < **Fran**co + A**dolfo** [Suárez]; 2) инкрустации антропонима в базовую лексему: *Teleninvisión* < Televisión + Lenin; 3) использование журналистами стилистического приема парономазии, то есть преднамеренного сближения сходных по звучанию слов: *franguismo* (по фонетической ассоциации с термином “franquismo”).

Семантическое словопроизводство, или лексико-семантическое, заключается в переосмыслении существующих слов. В рамках отантропонимического словообразования данный способ словопроизводства связан с процессом перехода антропонимов в нарицательную лексику. Омонимичные антропонимам апеллятивы в испанском языке образуются преимущественно от личных имен *(lolita, benjamín(a), maría, maruja, lazarillo).* Однако в прессе частотны также производные, образованные от фамилий *(hooligan)* и от прозвищных именований *(pichichi).* Некоторые из них являются окказиональными образованиями и поэтому выделяются в текстах публикаций курсивом, другие вошли в словарный состав языка в качестве имен нарицательных.

Имена собственные (антропонимы) обнаруживают свой обширнейший креативный потенциал не только в деривационных процессах, но и в так называемой **ономастической игре**, которая основана на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного.

Среди структурно-семантических приемов трансформации имен собственных, функционирующих в газетах, следует выделить в первую очередь парадигматические изменения ономастических единиц, например,

омонимию. Так, фамилия (в то время кандидата на пост председателя испанского правительства) Родригеса Сапатеро имеет прозрачную этимологию от прозвищного именования “zapatero” ‘сапожник’. Поэтому призыв: “**Zapatero,** a tus zapatos!” (El Jueves No 1355), недвусмысленно ассоциируясь с испанской пословицей «Сапожник, занимайся своим делом (букв. сапогами)», в данном контексте приобретает иное значение: «Сапатеро, занимайся своим делом (= не лезь в политику)».

К собственно семантическим формам ономастической игры относятся актуализация «нарицательного» смысла прецедентного имени (*país de los quijotes*), каламбурные образования, в основе которых лежит контаминация прецедентных имен по оценочному модусу (*TerminAitor*), а также прием ономастического штампа (*Don Francisco gallego – Francisco Franco*).

Яковлева Е. В.

Российский государственный

педагогический университет им. А.И. Герцена

С-Петербург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИНДЕКСАЛЬНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ
(в русском и испанском языках)

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы сопоставления индексальной референции на материале испанского и русского языков. Референция, т. е. соотнесение языкового выражения и соответствующего ему фрагмента реальной действительности, в настоящий период активно развивается, причем ряд исследователей (Quero Gervilla E. F., Hämäläinen T.) рассматривают референцию при сопоставлении языков, что представляется важным как для практики перевода, так и для типологических исследований.

Под индексальной референцией понимается референция, которая осуществляется с участием местоименных слов. Отметим, что местоименное

слово может использоваться как самостоятельно, так и в составе именного словосочетания. Специфика индексальной референции определяется двумя факторами: с одной стороны, значимы общие семантико-грамматические свойства местоимения, а с другой, важными оказываются свойства конкретного местоимения, а, в ряде случаев, и конкретного употребления. Кроме того, фактор референтности или нереферентности при использовании местоименного слова оказывает значительное воздействие на понимание высказывания.

Наличие сходных элементов в структуре местоименных систем в русском и испанском языках, с одной стороны, и значительных различий в грамматических системах указанных двух языков, с другой стороны, позволяют прогнозировать наличие как сходных черт, так и несовпадений в способах формирования индексальной референции.

Рассмотрим отмеченные особенности на материале указательных местоимений. Указательные местоимения (УМ) обычно рассматриваются как одно из основных средств для осуществления различных типов референции. Мы выделяем следующие виды референции с использованием УМ: в рамках номинативных групп особо значимы идентифицирующая референция и специфическая интродуктивная референция, анафорическая референция важна для обеспечения связности и быстрого продвижения в рамках устного дискурса или текста; прямая дейктическая референция наблюдается в устном дискурсе. В русском языке наблюдается наличие этих же типов референции, однако их значение для формирования высказываний иное.

Особо выделяются случаи нереферентного употребления, причем УМ в подобных употреблениях способны нести стилистическую нагрузку. Интересно отметить, что и в русском, и в испанском языках оттенок пейоративности типичен для целого ряда случаев нереферентного

использования указательных местоимений, что отражает сходство формирования личного пространства говорящего и собеседника. Использование указательного местоимения позволяет подчеркнуть наличие удаленности референта от личной сферы говорящего, тем самым он начинает рассматриваться как нечто нежелательное, неприятное для автора высказывания. Разнообразие возможностей УМ основано на их сложной семантической и грамматической природе, отражающей специфический способ организовывать отношения между своим семантическим и грамматическим содержанием.

Указательные местоимения ближе всех стоят к артиклю, что говорит об их максимальной (среди местоимений) семантической опустошенности. Для всех местоимений свойственна заместительная функция, что же касается указательных местоимений, то эта функция для них играет важнейшую роль. Можно сказать, что указательное местоимение обозначает референцию без референции к значению. Указательное местоимение обозначает субстанцию без качества, таким образом, оно служит для указания на экстенсию, точно не обозначая семантических признаков слова. Высказывание, таким образом, содержит меморизованное содержание предшествующего имени. Как субститут, местоименная форма повторяет число и род имени существительного. В испанском языке, также как и в русском, мы наблюдаем это общее свойство указательного местоимения. Другим важным общим свойством данного класса местоимений является их способность служить средством отсылки к элементам и фрагментам устного высказывания или текста, т. е. указательные местоимения способны выражать анафорическое отношение.

Таким образом, в природе демонстратива испанского и русского языков заложены две функции: эти местоимения и указывают, и повторяют антецедент, выступая и указателем, и заместителем. Напомним, что, как и все другие классы местоимений, указательные местоимения

транспредикативны, что позволяет им при соотношении с другим элементом, перенимать определенные (но не все) характеристики этого элемента. Основная функция указательных местоимений – идентифицирующая. В испанском языке указательное местоимение появляется в том случае, когда при помощи контекста невозможно идентифицировать референт. Иначе говоря, местоимение идентифицирует наименования, соотнесенность которых не представляется очевидной с точки зрения говорящего. Здесь нужно отметить, что говорящий, используя указательное местоимение, часто учитывает пресуппозицию слушающего. Необходимость использования местоимения отчасти зависит от экстралингвистических факторов, т. е. от того насколько способен слушающий идентифицировать соотнесенность наименований на основании различного рода контекстуальной информации.

Демонстратив, как правило, не используется в абсолютном начале текста. Его появление сигнализирует об особом стилистическом приеме. Р. Х. Куэрво отмечал, что при помощи стандартного начала испанских сказок “*este* era un rey” слушающий оказывается в середине повествования.

В словосочетание с местоимением и в русском, и в испанском, как правило, не входят имена собственные, за исключением тех случаев, когда возникает необходимость создать дополнительный коннотативный смысл.

Существуют классы имен, которые с трудом сочетаются с указательными местоимениями. Это имена с обобщающим значением (типа «красота»). В случае возникновения словосочетания «эта красота» отмечается изменение значения. В испанском языке в словосочетании esta belleza существительное belleza означает не ‘красота’, а ‘красавица’.

Референция с использованием указательных местоимений требует опоры на контекст. Словосочетание (*estos perros*), содержащее УМ, или самостоятельное функционирующее УМ (*éste*) предполагают наличие некоторого контекста, в котором существительное *perros* уже было введено в контекст рассмотрения. Восклицание *¡Estos perros de mierda! – gritó – ¡Que*

los maten! (G. García Márquez) воспринимается вне контекста как странное и незавершенное, поскольку использование УМ требует соответствующего соотносительного элемента. Этот элемент содержится в предшествующем тексте: *Además,* ***los perros*** *alborotados por el olor de la muerte aumentaban la zozobra. No habían dejado de aullar desde que yo entré en la casa* . Отметим, что в данном случае для первичного введения существительного *perros* используется определенный артикль в типичной ситуации интродуктивной референции. С одной стороны, местоимение повторяет грамматические категории, свойственные существительному (число и род), с другой стороны вся информация, которая относилась к этому существительному, «наследуется» местоимением и служит логичным объяснением для возникновения восклицания, которое употребляется.

Основным отличием референции указательного местоимения является иное представление пространственных координат, трихотомичных для испанского и дихотомичных для русского.

В случаях индексальной референции с использованием личного и указательного местоимения референт предстает как нечто, известное говорящему лицу. Возможно, между тем, и существование референта неопределенного, неизвестного говорящему и слушающему, но обладающего определенной пространственной и временной локализацией. В отношении этого референта делается предположение. В следующем примере таков характер референта, соотносимого с *alguien*: ***Alguien*** *llama a la puerta, ¿quién será?* В данном случае мы также имеем индивидуальную референцию. Индивидуализация неопределенного объекта достигается при помощи соотнесения с настоящим (точечным) временем, временем произнесения высказывания.

Важнейшим свойством индексальной референции является ее способность выражать значение определенности / неопределенности. В

наиболее ярком виде для этих целей служит целый класс неопределенных местоимений (НМ). В русском языке их значение велико в связи с отсутствием системы артиклей для выражения категории определенности / неопределенности, которая носит скрытый характер. В отношении испанского языка картина несколько иная. В испанском языке используется система артиклей (определенный – неопределенный – нулевой) для референциальной характеристики объекта реальной действительности, в то время как местоимения служат для формирования дополнительной информации.

Особенности референции НМ в испанском языке, во-первых, проистекают из специфики их семантики – слияния в одном местоименном слове двух семантических признаков «соотнесенность с лицом» + «неопределенность». Во-вторых, специфика референции НМ связана с возможностью соотносить неопределенность по-разному для участников коммуникативного процесса. Семантика неопределенности позволяет двояко толковать их: как слова с семантикой, не представляющей интереса (по различным причинам) для говорящего, и как слова с высокой долей абстрактности.

НМ способны участвовать в создании референциальных и нереференциальных ситуаций. При использовании НМ в нереференциальных ситуациях отмечается изменение в семантике НМ, таким образом **alguien** из *‘некто’* превращается в *‘значительное лицо’*, **algo** понимается не как *‘нечто’*, но как *‘много’*.

Неопределенные местоимения и русского и испанского языка обладают определенной прагматикой, связанной с идеей неточности, недосказанности, что позволяет толковать их расплывчато. Кроме того такие местоимения, как *todo* способны придавать дополнительные прагматические значения

побуждения высказыванию. Таковы наиболее общие закономерности индексальной референции в испанском и русском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cuervo R. J.* Obras. – 2 ed. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1987 . – T. I, 1662 p.; T. II, 1832 p.